

Народно **Н**аселение

ISSN 1561-7785

4 . 2023

октябрь-декабрь

- **Демография: вопросы теории и практики**
- **Миграционная политика и факторы миграций**
- **Качество и условия жизни населения**
- **Проблемы благосостояния населения**
- **Научная жизнь ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

Е Ж Е К В А Р Т А Л Ы Н Ы Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

2023. Том 26. № 4 (октябрь-декабрь)

DOI: 10.19181/population.2023.26.4

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32).

ISSN 1561–7785 (print)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства «Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук» (категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский Л.Л., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Яршова А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г.Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2023.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2023.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.for.ru; e-mail: info@for.ru.

Заказ № 24124 Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 29.12.2023.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2023. Vol. 26. No. 4 (October-December)

DOI: 10.19181/population.2023.26.4

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V.V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O.A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky L. L., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand.Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2023.

© ISESP FCTAS RAS, 2023.

Postal address of the Editorial Board:

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24124. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 29.12.2023.

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2023. Том 26. № 4 (октябрь-декабрь)

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Локосов В. В. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ	4
Ванькина И. Н., Симагин Ю. А., Мургузалиева Д. Д. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ДАННЫМИ ТЕКУЩЕГО УЧЁТА НАСЕЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТАМИ ПЕРЕПИСИ-2020	15
Кондратьева В. И., Тарасова-Сивцева О. М. МЕТОДОЛОГИЯ РАСЧЁТА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА	26
Русанова Н. Е., Ван Е. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГО КИТАЙСКОГО ПРОНАТАЛИЗМА	39

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ФАКТОРЫ МИГРАЦИЙ

Красинец Е. С., Шевцова Т. В. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И РЫНОК ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	52
Корсаков К. В. ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ	63
Чернышев К. А., Митягина Е. В., Петров Е. Ю. ВЫЯВЛЕНИЕ ЗОН ТЯГОТЕНИЯ ЦЕНТРОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПО ЦИФРОВЫМ СЛЕДАМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ	75

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Крошилин С. В., Медведева Е. И., Ярашева А. В. ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД	87
Доброхлеб В. Г., Ефанова О. А. СЕМЕЙНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ	99
Токсанбаева М. С., Попова Р. И. ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	110
Дохолян С. В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	123

ПРОБЛЕМЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Сафонов А. Л., Долженкова Ю. В. ДИНАМИКА ДОХОДОВ ПЕНСИОНЕРОВ: АНАЛИЗ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	133
Гамукин В. В. ДЕТЕРМИНАНТЫ ФИНАНСОВОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	148
Пугачев А. А., Чистякова А. А. НЕРАВЕНСТВО БОГАТСТВА И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	163
Тимаков И. В. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ДОМОХОЗЯЙСТВА РОССИИ.....	177

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

СЕМИНАР «ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ИНСТИТУТОВ ОЦЕНКИ КВАЛИФИКАЦИИ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА»	190
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА 2023 ГОД.....	196

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26.No. 4 (October-December)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Vyacheslav V. Lokosov HUMAN POTENTIAL: CONCEPTUAL APPROACHES AND MEASUREMENT METHODS.....	4
Irina N. Vankina, Yury A. Simagin, Djamilya D. Murtuzalieva TERRITORIAL DIFFERENCES BETWEEN THE DATA OF THE CURRENT POPULATION REGISTRATION AND THE RESULTS OF THE 2020 CENSUS.....	15
Valentina I. Kondratieva, Oksana M. Tarasova-Sivtseva METHODOLOGY FOR ASSESSING DEMOGRAPHIC WELL-BEING OF THE NORTHERN REGIONS OF THE RESOURCE TYPE	26
Nina E. Rusanova, Ye Wang NATIONAL FEATURES OF THE NEW CHINESE PRONATALISM.....	39

MIGRATION POLICY AND MIGRATION FACTORS

Evgeny S. Krasinets, Tatiana V. Shevtsova LABOUR IMMIGRATION AND LABOUR MARKET IN MODERN RUSSIA: INTERACTION PROBLEMS	52
Konstantin V. Korsakov EXTERNAL LABOR MIGRATION IN MODERN RUSSIA: SOCIO-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL CONTEXTS.....	63
Konstantin A. Chernyshev, Ekaterina V. Mitiagina, Evgeny Yu. Petrov IDENTIFYING GRAVITY ZONES OF HIGHER SCHOOL CENTERS BY DIGITAL TRACES OF SOCIAL MEDIA USERS	75

QUALITY AND CONDITIONS OF POPULATION LIFE

Sergey V. Kroshilin, Elena I. Medvedeva, Aziza V. Yarasheva CREATING A MODEL FOR ASSESSING SATISFACTION WITH THE QUALITY OF LIFE: AN ECONOMETRIC APPROACH	87
Valentina G. Dobrokhleb, Olga A. Efanova, FAMILY POTENTIAL AS A COMPONENT OF THE HUMAN POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS.....	99
Mairash S. Toksanbaeva, Raisa I. Popova INDICATORS OF THE LABOR POTENTIAL QUALITY OF THE RUSSIAN REGIONS POPULATION	110
Sergey V. Dokholyan TRANSFORMATION OF SOCIAL-LABOR RELATIONS UNDER THE INFLUENCE OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY	123

POPULATION WELL-BEING ISSUES

Aleksandr L. Safonov, Yuliya V. Dolzhenkova DYNAMICS OF INCOME OF PENSIONERS: ANALYSIS, PROBLEMS AND SOLUTIONS	133
Valery V. Gamukin DETERMINANTS OF FINANCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION OF TYUMEN OBLAST	148
Andrey A. Pugachev, Anastasia A. Chistyakova WEALTH INEQUALITY AND INTERGENERATIONAL MOBILITY IN RUSSIA: POSSIBILITIES OF TAX REGULATION	162
Ivan V. Timakov ECONOMIC AFFORDABILITY OF MEDICINES AND ITS IMPACT ON HOUSEHOLDS IN RUSSIA	177

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

SEMINAR «FORMATION OF AN EFFECTIVE SYSTEM OF INSTITUTIONS FOR ASSESSMENT OF NURSING PERSONNEL	190
QUALIFICATION» CONTENTS OF THE JOURNAL POPULATION ISSUES FOR2023	196

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1
EDN: FFZUND

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ

Локосов В. В.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашиевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

E-mail: vvlokos@yandex.ru

Для цитирования:

Локосов В. В. Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения // *Народонаселение*. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 4-14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1; EDN: FFZUND

Аннотация. В условиях становления нового технологического, а может быть и общественного уклада, основным источником национального богатства считается человеческий потенциал, т.к. главными отраслями экономики становятся образование, здравоохранение, наука и культура, которые формируют, так называемую, экономику знаний. Статья посвящена исследованию человеческого потенциала: генезиса этого понятия, его дефиниции и методикам измерения. Обосновывается, что понятие «человеческий потенциал» является одним из ключевых, интегральных для исследования и диагностики общественных процессов. Оно нуждается в расширительном толковании и не может сводиться к сугубо экономическим понятиям, типа «человеческий капитал», «человеческие ресурсы», «трудовой потенциал» или «человеческий потенциал экономики». Следует различать «качество жизни» и «человеческий потенциал» и рассматривать первое как средство, а второе как цель, понимая, что повышение качества жизни не обязательно влечет повышение качества населения и наоборот. Дается авторская дефиниция человеческого потенциала и 5-ти этапная модель его реализации. В случае повышения полезного действия реализации потенциала, количественные характеристики населения, к которым, прежде всего, относятся демографические характеристики, будут терять свое значение, по сравнению с качественными. В работе проведена оценка опыта исследования человеческого потенциала и определены методические подходы к его измерению. Предложено на основе экспертных оценок и расчетов использовать метод предельно критических (пороговых) показателей для оценки человеческого потенциала. На основе этого метода делается предварительный вывод об ослаблении человеческого потенциала, т.к. за прошедшие 30 лет ни одна из проблем расширенного воспроизводства, прежде всего, коренного населения не решена. Основные результаты исследования могут быть использованы при разработке мероприятий в области укрепления российского человеческого потенциала и его реализации.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, качество жизни, демографический потенциал, трудовой потенциал, воспроизводство населения, методики измерения.

Постановка проблемы: генезис понятия «человеческий потенциал»

Хронологически истоки использования словосочетания, а затем и понятия «человеческий потенциал» относятся к началу 1960-х гг., когда в центре внимания социальных наук находился экономический подход к человеку и его поведению. В это время активно применялись и изучались такие показатели, как трудовые ресурсы, трудовой потенциал, человеческие ресурсы, нашедшие свое выражение в концепции человеческого капитала, основателями которой считают Теодора Шульца и Гэри Беккера. Суть этой концепции — человек есть объект инвестиций, после вложения которых он получает, если не дурак или разгильдяй, новую стоимость и соответственно дополнительные доходы.

Типичной можно назвать дефиницию человеческого капитала, данную С. А. Курганским, как «сформированный в результате инвестиций и накопленный индивидами запас знаний, умений и иных качеств, которые при целесообразном использовании генерируют новую стоимость и поток доходов» [1, с. 15]. Концепция человеческого капитала показала важность вложений в человека для социально-экономического развития, и она сохраняет популярность до сего дня. В нашей стране многочисленные доводы в пользу «экономики дешевого работника» и «экономически эффективного населения» получали обоснование именно из концепции человеческого капитала. Примерно на таком же подходе строится и концепция социального капитала, который формируется через инвестиции в некие социокультурные качества, допустим в рост доверия, а как результат, снова получается увеличение стоимости индивида или его доходов.

Однако, к 1990-м гг. такой экономоцентричный подход рассмотрения человека как существа, преимущественно выполняющего функции «средства производства» и «предмета длительного пользования», стало подвергаться справедливой критике. Концепция человеческого капитала была пересмотрена с точки зрения расширения выбора, доступности для человека общественных услуг, воз-

можностей удовлетворять базовые потребности. Одним из основателей нового подхода и разработки концепции человеческого развития признан Амартия Сен. Согласно этому подходу, общество должно давать людям равные и широкие возможности для развития и реализации их способностей. Этот подход используется в документах Программы развития ООН (ПРООН), на его основе с 1990 г. рассчитывается для большинства стран мира «индекс человеческого развития» (human development index), который у нас до 2013 г. неверно переводился как «индекс развития человеческого потенциала».

В постсоветской России такой подход и понятие «человеческого потенциала» стало широко использоваться. Его разработкой активно занимался Институт человека РАН, под руководством академика И. Т. Фролова. Основатель ИСЭПН РАН Н. М. Римашевская много внимания уделяла этой проблеме в рамках разработки своей социо-демографической школы и проекта «Человеческий и трудовой потенциал российских регионов». Есть и другие наработки по этой теме. Содержательный разброс концепций, расплывчатое представление образа будущего не меняли аксиоматической значимости их «человеческого измерения», о необходимости которого пишут отечественные и зарубежные исследователи. Большинство российских исследователей справедливо считают, что происходит закономерное смещение доминанты общественного развития с экономической сферы в социально-экономическую и далее в социокультурную. В результате, «основным императивом, лежащим в основе новых моделей экономического роста, должна стать гуманизация экономики, означающая приоритет человеческой личности в системе факторов и целей экономического развития» [2, с. 34].

Причины такого внимания отечественных исследователей к «человеческому измерению» имеют исторические «антропоцентричные» корни. Традиционно человек в нашей стране «звучал гордо», «кадры решали все», декларировалось «все для блага человека». Поэтому идеологема и практика перехода от формирования человека-творца к квалифицированному потребителю (что скорее отве-

чает постулатам концепции человеческого капитала) выглядели чуждо и примитивно. Отсюда в целом положительное восприятие в российском научном сообществе концепции устойчивого развития и целей развития тысячелетия, попыток найти некую симфонию общества, экономики и природы, используя идеи русского космизма и ноосферы.

В условиях становления нового технологического, а может быть и общественного уклада, основным источником национального богатства считается именно человеческий потенциал. Особенностью нового уклада, является его социальный характер, т.к. главными отраслями экономики становятся образование, здравоохранение, наука и культура, которые формируют, так называемую, экономику знаний. Переход к социальной экономике открывает возможности для дополнительного вовлечения значительной части населения в активную созидательную деятельность. Именно по этой причине, по оценке В.В. Путина: «Вокруг задачи развития человеческого потенциала России мы должны выстроить нашу социальную, экономическую, миграционную, гуманитарную, культурно просветительскую, экологическую, законодательную политику» [3], а в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» среди стратегических приоритетов её обеспечения на первом месте стоят сбережение народа России и высокое качество человеческого потенциала¹. Повышение уровня и качества жизни, благосостояния населения — не самоцель, а средство повышения качества населения [4].

Дефиниция понятия «человеческий потенциал»

С нашей точки зрения, человеческий потенциал состоит из трех базовых подсистем: демографической (биосоциальной), социально-экономической (трудовой) и социокультурной (духовно-нравственной) (рис. 1). Такой подход соотносится с разработанной в ИСЭПН РАН структурой человеческого

потенциала по трём блокам качественных характеристик населения: «1) физическое, психическое и социальное здоровье, воздействующее не только на физическую дееспособность граждан страны, но и на характер процессов демографического воспроизводства; 2) профессионально-образовательный ресурс и интеллектуальный потенциал, включая подготовку специалистов высшей квалификации и занятой научным трудом части граждан; 3) социокультурная активность граждан и их нравственные ценности (от этого в значительной степени зависит, как будут использованы другие качественные характеристики — во зло или во благо)» [5, с. 27].

Несмотря на многолетнее и частое использование понятия «человеческий потенциал» и большое количество сопутствующих «потенциалов»: семейного, интеллектуального, кадрового, экономического, социального, военного, научного, образовательного и других, общепризнанной дефиниции человеческого потенциала пока нет. Российские исследователи, в отличие от зарубежных, неоднократно обращались к определению этого понятия, например, И. Т. Фролов [6], Н. М. Римашевская [7], И. В. Соболева [8], Е. В. Рюмина [9]. Мы даем свою версию этой дефиниции.

В многочисленных дефинициях человеческого потенциала есть 8 наиболее часто встречаемых компонентов, которые, по мнению авторов, выражают содержание этого понятия. В сумме эти компоненты дефиниций выглядят следующим образом: «человеческий потенциал» — это совокупность (система, запас, ресурс, резерв) имеющихся (сформированных, накопленных) физических или духовных (природных или нравственных, культурных) качеств (способностей, характеристик, сил, возможностей, свойств, навыков, компетенций, знаний, умений) населения, реализуемых в разнообразных сферах деятельности (межличностном общении, потреблении) для развития (воспроизводства, повышения, улучшения) общества (группы, общности, качества жизни) с учетом исторических (национальных, природных, демографических, технологических) условий. Обобщая содержание этих дефиниций, можно констатировать, что челове-

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.10.2023).

Рис. 1. Базовые подсистемы человеческого потенциала

Fig. 1. Basic subsystems of human potential

Источник: составлено автором.

ский потенциал выражает некие качественные и количественные свойства (способности, характеристики) населения, которые при субъективной готовности и объективной возможности могут быть реализованы на практике (в деятельности, поведении).

Таким образом, *человеческий потенциал — есть совокупность имеющихся демографических, социально-экономических и социокультурных свойств населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определенных социально-исторических и природно-географических условий.*

Воспроизводство, развитие человеческого потенциала идёт по двум взаимосвязанным направлениям: во-первых, за счёт формирования дополнительных свойств населения, мотиваций и возможностей; во-вторых, посредством его раскрытия, реализации, перевода в актуальное состояние, т.е. эффективного использования уже имеющихся ресурсов и условий. Для российского общества второе направление особенно важно, учитывая исторический опыт утраты накопленного человеческого потенциала без доведения его до актуального состояния. В России, по экспертным оценкам, коэффициент полезного использования общего ресурсного потен-

циала, включая человеческий, не превышает 20% [10, с. 603]. Согласно оценкам Всемирного банка по 192 странам, на долю физического капитала (накопленных материально-вещественных фондов) приходилось в начале XXI в. в среднем 16% общего богатства, на долю природного капитала — 20, а человеческого — 64%. Для России эта пропорция была 14%, 72% и 14%, тогда как в Германии, Японии и Швеции удельный вес человеческого капитала достигал 80% [5, с. 25]. Нет оснований полагать, что 20 лет спустя эти пропорции сильно изменились.

Предлагается следующая 5-ти этапная модель реализации «человеческого потенциал»: имеющийся потенциал → субъективная готовность к его реализации → объективные возможности для его реализации → реализация потенциала → полученный актуал (рис. 2).

На каждом этапе реализации потенциала разрабатываются и применяются специальные социальные технологии для повышения «коэффициента полезного действия» его перевода в актуальное состояние. В случае повышения полезного действия реализации потенциала, количественные характеристики населения, к которым, прежде всего, относятся демографические, будут терять свое значение,

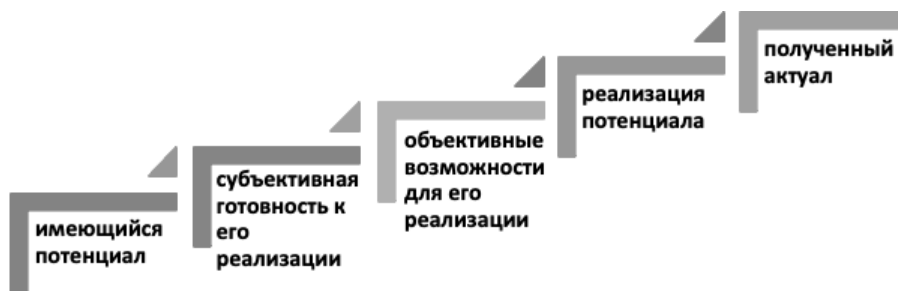

Рис. 2. Модель реализации человеческого потенциала

Fig. 2. Model for realizing human potential

Источник: составлено автором.

по сравнению с качественными. Тем более, что численность населения в социальной экономике XXI в. не будет играть ведущей роли.

Измерение человеческого потенциала

Попытки построения методик измерения человеческого потенциала предпринимались неоднократно. Мы не можем назвать их полностью успешными, хотя продвижение к более точному результату, конечно, есть. Главная сложность измерения (оценки, диагностики,) общественного развития методами социальных наук состоит в многообразии этих процессов, которые к тому же субъективно обусловлены и экспериментально мало доступны. Однако, если мы трактуем социальные науки как «точные», то разработка методов и соответствующих им методик измерения общественного развития остаётся одной из главных задач научного поиска.

Исходными пунктами разработки методик измерения человеческого потенциала следует считать построение индексов качества жизни, человеческого развития и счастья. Концептуально они ориентированы на повышение качества жизни, окружающей среды ради удовлетворения потребности людей в благополучии и самовыражении. Построены сотни вариантов этих индексов с использованием тысяч различных индикаторов (например, для измерения качества жизни применяют более 4000 индикаторов) и они стали одними из основных показателей социального самочувствия и эффективности

управления. Эти многочисленные индексы являются стандартными (типичными) как по построению, так и по содержанию: определяют основные направления измерения, их конкретизируют с помощью шкалы показателей, которые в свою очередь операционализируют в набор индикаторов. Причем, индикаторы, как правило, отражают объективные (статистические) и субъективные (эмпирические) показатели. В последние годы, вследствие новых технологических возможностей, стали использовать методы агенториентированных имитационных моделей («цифровых двойников»), основанных на измерении индивидуальных характеристик людей.

Вот, например, как строится индекс счастья в Бутане в рамках государственного плана «Четыре столпа счастья», определяемый устойчивым экономическим развитием, охраной окружающей среды, сохранением этнонациональной культуры и эффективным управлением. «Четыре столпа счастья» состоят из девяти «сфер счастья»: психологическое благополучие, экология, здоровье, образование, культура, уровень жизни, использование времени (досуг), активность общественной жизни и хорошее управление. Сферы счастья измеряются по 72 показателям. Например, сфера психологического благополучия анализируется по девяти показателям: частота молитв и медитации, уровень эгоизма, зависти, ревности, хладнокровия, сочувствия, щедрости, отчаяния, мыслей о самоубийстве. Каждые два года проводится всенародный опрос для оценки индекса счастья и возможной корректировки методики его измерения.

Сложность задачи измерения человеческого потенциала, состоит не только в многозначности этого понятия, но и в его путанице с человеческим капиталом и качеством жизни. Например, Н. М. Римашевская вместе с коллегами предложила шкалу из 23 показателей, подразделенных на 7 блоков, но многие из них относились к материальному обеспечению населения, т.е. к уровню и качеству жизни [10, с. 107].

В ходе исследования человеческого потенциала [11; 12] мы пришли к выводу, что надо измерять отдельно человеческий потенциал и качество жизни и изучать их взаимовлияние. С этой целью, была разработана шкала из 14 статистических показателей (ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, суммарный коэффициент рождаемости, уровень образования, доля исследователей и техников в общей численности занятых, уровни преступности и потребления алкоголя, показатели семейного потенциала и экологического поведения, численность зрителей театров, посещений музеев и другие), которые отражали три базовые составляющие человеческого потенциала (демографический, трудовой и социокультурный) и не пересекались с показателями качества

жизни. Для оценки человеческого потенциала был [2] использован метод предельно критических (пороговых) показателей² и каждому из 14 показателей, на основе экспертных оценок и расчетов, были даны предельно критические значения (ПКЗ). В качестве примера рассмотрим три показателя этой шкалы: потребление алкоголя на душу населения, ожидаемую продолжительность жизни и суммарный коэффициент рождаемости.

По многим показателям человеческого потенциала, касающихся социального здоровья (кроме потребления наркотиков и психоактивных веществ) ситуация меняется в лучшую сторону. Например, уровень потребления алкоголя за 15 лет снизился почти вдвое: приближение величины этого показателя к ПКЗ, которое по оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), составляет 8 л на душу населения, убедительно говорит о положительных изменениях и снижении рисков в данном сегменте человеческого развития (рис. 3).

Минздрав РФ разработал целевые показатели снижения потребления алкоголя в стра-

² Инициатором идеи и автором метода предельно критических (пороговых) показателей оценки состояния общества является В.В. Локосов [14, с. 644].

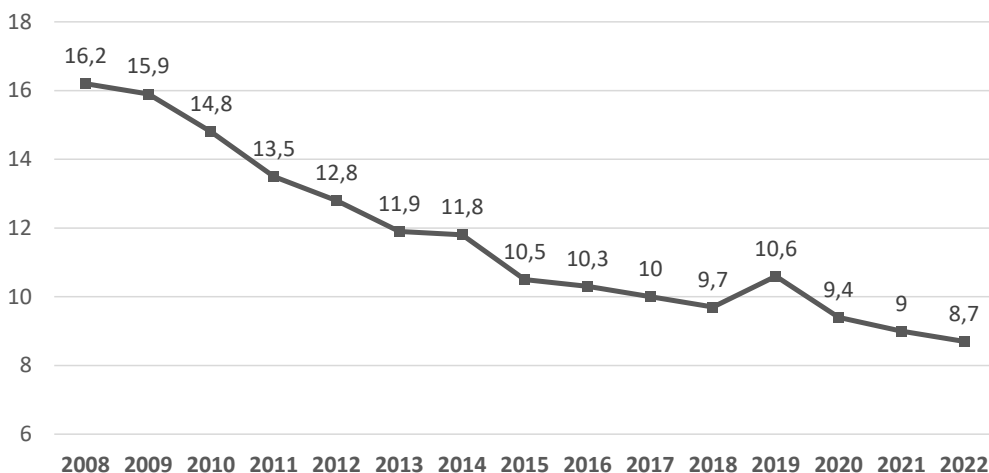

Рис. 3. Динамика потребления алкоголя в РФ (в литрах чистого спирта на человека)

Figure 3. Dynamics of alcohol consumption in the Russian Federation (in liters of pure alcohol per person) Источники: Росстат; Минздрав; данные за 2017–2021 гг. — URL: <https://www.vesti.ru/article/2551346>; данные за 2022 г. — ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения.

не до 7,7 литров на человека к 2030 г., что должно привести к уменьшению на треть числа смертей, вызванных алкоголем. Однако ряд экспертов ставят под сомнение указанную тенденцию, т.к. статистика почти не учитывает теневого оборота контрафакта, самогона и фальсификата.

Самое слабое звено человеческого потенциала современной России — его демографическая составляющая. По показателю ожидаемой продолжительности жизни (счита-

ющимся базовым для социально-демографической сферы) Россия в 2021 г. находилась на 134 месте в мире. Лучшие значения этого показателя были получены в 2019 г. — 73,3 года. Но далее он снизился в 2021 г., прежде всего вследствие пандемии COVID-19, затем в 2022 г. вновь пошёл вверх (рис. 4). ПКЗ этого показателя, равное 78 годам, взято из целевых показателей национального проекта «Демография».

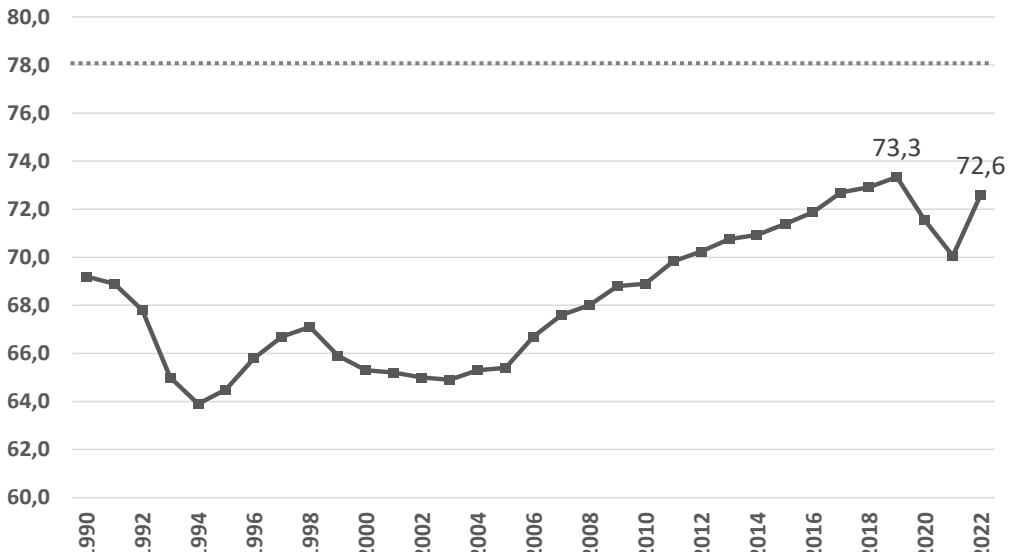

Рис. 4. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ) (количество лет, значение показателя за год)

Figure 4. Dynamics of life expectancy at birth (year, indicator value for the year)

Источник: ЕМИСС Государственная статистика. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator>.

Отставание ОПЖ от большинства стран мира связано и с тем, что здоровье каждого нового поколения в нашей стране хуже здоровья поколения предыдущего. Доля I-й группы здоровья детей, не имеющих отклонений по всем избранным для оценки критериям здоровья, сократилась за 30 лет с 49% до 27%. Ухудшение здоровья населения связано и с увеличением в РФ за 30 лет доли собственных средств населения в финансировании здравоохранения с 17% до 48%, при считающемся ВОЗ ПКЗ этого показателя в 20%.

Несмотря на большие усилия правительства, показатель естественного прироста на-

селения остался за популяционной чертой (рис. 5).

Суммарный коэффициент рождаемости значительно ниже ПКЗ, необходимого для простого воспроизводства населения. Демографическую «яму» 1990-х гг. оказалось трудно преодолеть. Снижается численность женщин репродуктивного возраста, повышается возраст матерей при рождении детей, что негативно отражается на динамике уровня рождаемости и репродуктивном здоровье. По оценке ВОЗ, если частота бесплодия превышает 15%, то эта проблема становится не только медицинской, но и социально-демо-

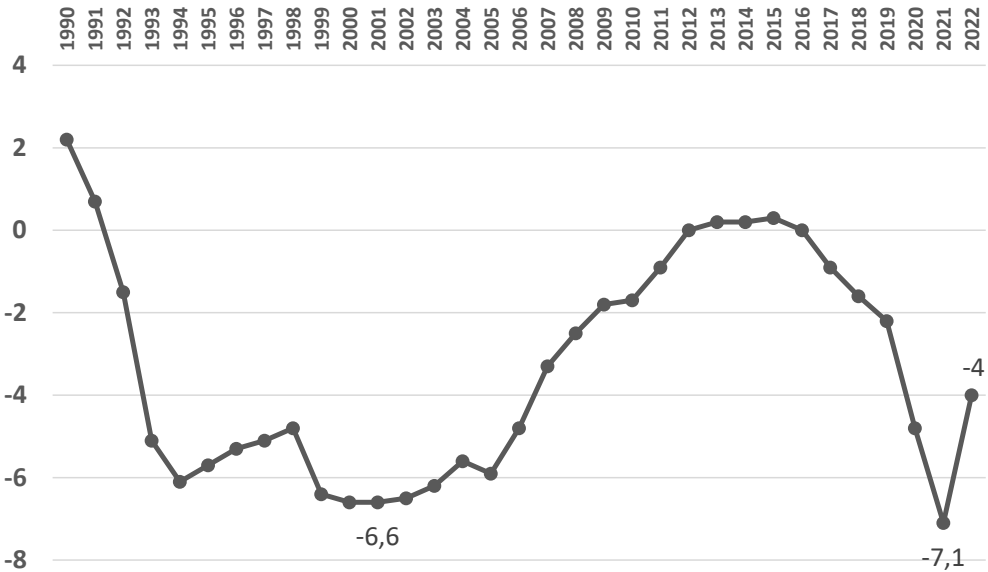

Рис. 5. Динамика общего коэффициента естественного прироста в РФ(%, значение показателя за год)
 Figure 5. Dynamics of the general coefficient of natural increase in the Russian Federation (% , indicator value for the year)

Источник: ЕМИСС Государственная статистика. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator>.

графической. В нашей стране ПКЗ этого показателя пройдено и составляет 17%. Среди семей с детьми, как и прежде, преобладают однодетные семьи — почти 2/3 от всех домохозяйств с детьми. Большинство экспертов прогнозируют до 2030 г. естественную убыль населения, т.е. продолжение депопуляции.

Выводы

Понятие «человеческий потенциал» является одним из ключевых, интегральных для исследования и диагностики общественных процессов. Оно нуждается в расширительном толковании и не может сводиться к сугубо экономическим понятиям, типа «человеческий капитал», «человеческие ресурсы», «трудовой потенциал» или «человеческий потенциал экономики». Следует различать «качество жизни» и «человеческий потенциал» и рассматривать первое как средство, а второе как цель, понимая, что повышение качества жизни не обяза-

тельно влечет повышение качества населения и наоборот.

Измерение и анализ динамики человеческого потенциала приводит к предварительному выводу, что за прошедшие 30 лет ни одна из проблем расширенного воспроизводства, прежде всего, коренного населения не решена. Сдержанный оптимизм вселяет то, что причины ослабления человеческого потенциала «неестественны» и тесно связаны с негативными последствиями неолиберального этапа трансформации российского общества. Депопуляция — это один из способов адаптации населения к новым условиям жизни. Тенденция ослабления человеческого потенциала при усилении угроз национальной безопасности делает более понятным, что неолиберальная модель общественного устройства не отвечает целям суверенного и самобытного развития страны.

Выполнение национальных проектов, исполнение Указа Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ

государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» положительно скажется на человеческом потенциале населения и традиционных семейных ценностях. В этом же направлении должны повлиять меры по изменению системы образова-

ния. В среднесрочной перспективе на основе научного обоснования практических мер демографической, социально-экономической и социокультурной политики и их интеграции, можно обеспечить повышение «коэффициента полезного действия» реализации человеческого потенциала и его укрепления.

Литература и Интернет-источники

1. **Курганский, С. А.** Структура человеческого капитала и его оценка на макроуровне / С. А. Курганский // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 6. — С. 15–22. EDN: ONCRHV
2. **Горшков, М. К.** Неэкономические факторы экономического роста: неиспользованные резервы / М. К. Горшков // Гуманитарные науки. — 2013. — № 2(10). — С. 33–43. EDN: QCRSPV
3. **Путин, В. В.** Строительство справедливости. Социальная политика для России / В. В. Путин // Сайт Председателя Правительства России. — URL: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/18071> (дата обращения: 28.10.2023).
4. От качества жизни — к качеству народонаселения. Сборник статей участников Конференции в рамках программы VI Московского экономического форума (Москва, 23 марта 2016 г.) / отв. ред. В. В. Локосов. — Москва : ООО «Вариант»; Издатель Шиманский А. Г., 2017. — 144 с.
5. **Римашевская, Н. М.** Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» / Н. М. Римашевская // Российский экономический журнал. — 2004. — № 9–10. — С. 22–40. EDN: PGKVEN7
6. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / под ред. И. Т. Фролова. — Москва : Эдиториал УРСС, 1999. — 176 с.
7. **Римашевская, Н. М.** Качество человеческого потенциала России как стратегическая цель / Н. М. Римашевская // Народонаселение. — 2004. — № 3. — С. 17–27. EDN: PUVDCX
8. **Соболева, И. В.** Человеческий потенциал российской экономики. Проблемы сохранения и развития / И. В. Соболева. — Москва : Наука, 2007. — 202 с.
9. **Рюмина, Е. В.** Население не только как экономический ресурс: понятие человеческого потенциала в широком смысле / Е. В. Рюмина // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 19–27. EDN: AQGSIM
10. **Глазьев, С. Ю.** Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С. Ю. Глазьев, В. В. Локосов // Вестник Российской академии наук. — 2012. — Т. 82. — № 7. — С. 587–614. EDN: PANMXV
11. **Римашевская, Н. М.** Человеческий и трудовой потенциал российских регионов / Н. М. Римашевская, Л. А. Мигранова, М. С. Токсанбаева // Народонаселение. — 2014. — № 3. — С. 106–119. EDN: SZIQHZ
12. **Локосов, В. В.** Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов // Экономика региона. — 2015. — № 4. — С. 185–196. EDN: UYGHAR14
13. **Рюмина, Е. В.** Качественные характеристики населения и состояние экономики: анализ отдельных групп регионов России / Е. В. Рюмина // Народонаселение. — 2020. — № 3. — С. 16–26. EDN: CLLZZL
14. **Глазьев, С. Ю.** Управление развитием экономики: курс лекций / С. Ю. Глазьев. — Москва, 2019. — 759 с.

Сведения об авторе:

Локосов Вячеслав Вениаминович, член-корр. РАН, директор, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vvlokos@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3656-2112; РИНЦ AuthorID: 73766.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1

HUMAN POTENTIAL: CONCEPTUAL APPROACHES AND MEASUREMENT METHODS

Vyacheslav V. Lokosov

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: vvlokos@yandex.ru

For citation:

Lokosov V.V. Human potential: conceptual approaches and measurement methods. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 4-14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1 (in Russ.)

Abstract. *In the conditions of the emergence of a new technological, and perhaps also social, structure, the main source of national wealth is considered to be «human potential», because the main sectors of economy are education, healthcare, science and culture, which form the so-called knowledge economy. The article is devoted to study of human potential: genesis of this concept, its definition and measurement techniques. It is substantiated that the concept of «human potential» is one of the key, integral ones for study and diagnosis of social processes. It needs a broad interpretation and cannot be reduced to purely economic concepts such as «human capital», «human resources», «labor potential» or «human potential of economy». It is necessary to distinguish between «quality of life» and «human potential» and consider the first as a means, and the second as the end, understanding that improving the quality of life does not necessarily entail increasing the quality of the population and vice versa. The author's definition of human potential and a 5-stage model for its implementation are given. In the case of an increase in the useful effect of potential realization, the quantitative characteristics of the population, which primarily include demographic characteristics, will lose their importance compared to the qualitative ones. The work assessed domestic experience in human potential research and identified methodological approaches to its measurement using statistical indicators. It is proposed, on the basis of expert assessments and calculations, to use the method of extremely critical (threshold) indicators to assess human potential. Based on this method, a preliminary conclusion is made about the weakening of human potential, because over the past 30 years, not a single problem of expanded reproduction of a healthy, primarily indigenous population has been solved. The main results of the study can be used in developing activities in the field of strengthening Russian human potential and its implementation.*

Keywords: *human potential, human capital, quality of life, demographic potential, labor potential, population reproduction, measurement techniques.*

References and Internet sources

1. Kurgansky S.A. Struktura chelovecheskogo kapitala i yego otsenka na makrourovne [Structure of human capital and its assessment at macro level]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii [Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics]*. 2011. No. 6. P. 15–22. (in Russ.)
2. Gorshkov M.K. Neekonomicheskiye faktory ekonomicheskogo rosta: neispol'zovannyye rezervy [Non-economic factors of economic growth: untapped reserves]. *Gumanitarnyye nauki [Humanities and Social Sciences]*. 2013. No. 2(10). P. 33–43. (in Russ.)
3. Putin V.V. Stroitel'stvo spravedlivosti. Sotsial'naya politika dlya Rossii [Building justice. Social policy for Russia]. Available at: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/18071> (Accessed: 28 October 2023). (in Russ.)

4. Ot kachestva zhizni – k kachestvu narodonaseleniya. [From Quality of Life to Quality of Population]. Proceedings of the Conference within the framework of the VI Moscow Economic Forum (Moscow, March 23, 2016). Ed. V. V. Lokosov. Moscow. Variant. Publisher A. G. Shimansky. 2017. 144 p. (in Russ.)
5. Rimashevskaya N. M. Chelovecheskiy potentsial Rossii i problemy «sberezheniya naseleniya» [The human potential of Russia and the problems of «saving the population»]. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [Russian Economic Journal]. 2004. No. 9–10. P. 22–40. (in Russ.)
6. Chelovecheskiy potentsial: opyt kompleksnogo podkhoda [Human Potential: The Experience of an Integrated Approach]. Ed. I. T. Frolov. Moscow. URSS. 1999. 176 p. (in Russ.)
7. Rimashevskaya N. M. Kachestvo chelovecheskogo potentsiala Rossii kak strategicheskaya tsel' [Quality of the Russia's human potential as a strategic goal]. Narodonaselenie [Population]. 2004. No. 3. P. 17–27. (in Russ.)
8. Soboleva I. V. Chelovecheskiy potentsial rossiyskoy ekonomiki. Problemy sokhraneniya i razvitiya [Human Potential of the Russian Economy. Problems of Conservation and Development]. Moscow. Nauka [Science]. 2007. 202 p. (in Russ.)
9. Ryumina E. V. Naseleniye ne tol'ko kak ekonomicheskiy resurs: ponyatiye chelovecheskogo potentsiala v shirokom smysle [Population not only as an economic resource: the concept of human potential in a broad sense]. Narodonaselenie [Population]. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 19–27. (in Russ.)
10. Glazyev S. Yu., Lokosov V. V. Otsenka predel'no kriticheskikh znacheniy pokazateley sostoyaniya rossiyskogo obshchestva i ikh ispol'zovaniye v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiyem [Evaluating extremely critical indicators of the state of Russian society and managing socio-economic development with them]. Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2012. Vol. 82. No. 7. P. 587–614. (in Russ.)
11. Rimashevskaya N. M., Migranova L. A., Toksanbaeva M. S. Chelovecheskiy i trudovoy potentsial rossiyskikh regionov [Human and labor potential of the Russian regions]. Narodonaselenie [Population]. 2014. No. 3. P. 106–119. (in Russ.)
12. Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. Regional'naya differentsiatsiya pokazateley chelovecheskogo potentsiala [Regional differentiation of human potential indicators]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2015. No. 4. P. 185–196. (in Russ.)
13. Ryumina E. V. Kachestvennyye kharakteristiki naseleniya i sostoyaniye ekonomiki: analiz otdel'nykh grupp regionov Rossii [Qualitative characteristics of population and the state of the economy: analysis of certain groups of Russian regions]. Narodonaselenie [Population]. 2020. No. 3. P. 16–26. (in Russ.)
14. Glazyev S. Yu. Upravleniye razvitiyem ekonomiki: kurs lektsiy [Management of Economic Development: a Course of Lectures]. Moscow. 2019. 759 p. (in Russ.)

Information about the author:

Lokosov Vyacheslav Veniaminovich, RAS Corresponding Member, Director, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vvlokos@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3656-2112; Elibrary AuthorID: 73766.

Статья поступила в редакцию 01.10.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.2
EDN: CWEMMD

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ДАННЫМИ ТЕКУЩЕГО УЧЁТА НАСЕЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТАМИ ПЕРЕПИСИ-2020

Ванькина И. Н., Симагин Ю. А.* , Муртузалиева Д. Д.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

**E-mail: yas63@yandex.ru*

Для цитирования:

Ванькина И. Н., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Территориальные различия между данными текущего учёта населения и результатами Переписи-2020 // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 15-25. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.2; EDN: CWEMMD

Аннотация. В статье проведён анализ данных о численности населения по федеральным округам, субъектам и муниципальным образованиям Российской Федерации, полученным из двух разных официальных источников Росстата на близкие даты: данные текущего учёта населения на 1 января 2022 г. и данные Всероссийской переписи населения 2020 г., контрольным моментом которой являлось 1 октября 2021 года. Так как численность населения меняется медленно, эти данные существенно различаться не должны. В действительности выявилось, что численность населения по стране в целом по разным данным различается более чем на 1% (на 1,6 млн человек в пользу данных переписи). Чем ниже уровень административного деления, тем различия больше. На уровне некоторых муниципальных образований Российской Федерации соответствующие различия составляют почти 2 раза. Причём примерно с равной частотой встречаются как муниципальные образования, в которых по данным переписи численность населения значительно больше, чем по данным текущего учёта, так и с противоположной ситуацией. В статье выявлено, в каких административных единицах страны различия между данными переписи и текущего учёта населения наиболее велики, с чем связаны различия в ту или иную сторону. Наибольший «перевес» численности населения в пользу переписи выявился в муниципалитетах Центрального федерального округа (особенно в Московской городской агломерации), а максимальный «недостаток» населения по сравнению с данными текущего учёта перепись выявила в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах.

Ключевые слова: численность населения, текущий учёт населения, Всероссийская перепись населения-2020, федеральные округа, субъекты РФ, муниципальные образования.

Постановка проблемы

В конце 2022 г. Федеральной службой государственной статистики РФ (Росстат) были опубликованы данные о результатах Всероссийской переписи населения 2020 г. (Перепись-2020), которая из-за пандемии COVID-19 фактически была проведена в конце 2021 г. с контрольным моментом переписи 1 октября 2021 года. При этом в середине 2022 г. Росстат опубликовал официальные сведения о численности населения России по федеральным округам, субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям по состоянию на 1 января 2022 г. по данным текущего учёта населения.

Ранее подобные статистические данные о численности населения на даты, близкие к контрольному моменту переписи, не публиковались. Например, не было официальных сведений (по крайней мере, в открытом доступе) о численности населения по данным текущего учёта на 1 января 2011 г. (соответствующий ежегодный статистический сборник не публиковался), так как в конце 2010 г. была проведена предыдущая Всероссийская перепись населения (Перепись-2010). Видимо, считалось, что её данные достаточны для государственных органов, учёных и других пользователей. И именно данными Переписи-2010 приходилось пользоваться при анализе динамики численности населения, например, за период 2001–2011 годов. Хотя сведения за 2001 г. были по состоянию на 1 января 2001 г., а сведения за 2011 г. были на момент Переписи-2010 по состоянию на 14 октября 2010 года. То есть фактически речь шла о динамике не за 10 лет, а за 9 лет и 9 месяцев. Вероятно, в этот раз несоответствие дат учёта численности населения в статистических данных Росстата решили устранить, что также является важным фактом для базы данных «Муниципальная Россия»¹.

¹ База данных «Муниципальная Россия», содержащая сведения о численности населения и многие другие показатели по всем муниципальным образованиям РФ первого уровня (городским округам, муниципальным округам, муниципальным районам), была сформирована в 2012–2014 гг. и постоянно обновляется в лаборатории исследований социально-экономического и инфор-

В данной статье представлены первые результаты анализа различий данных Переписи-2020 и текущего учёта населения на 1 января 2022 г. как по России в целом, так и в разрезе городской и сельской местности, федеральных округов, субъектов РФ, муниципальных образований первого уровня. Такой анализ позволяет выявить наиболее «проблемные» с точки зрения организации текущего учёта территории (населенные пункты) страны в следующий межпереписный период до 2030 г. (когда данные о численности населения можно взять только из сведений о текущем учёте).

Методология и данные

Проблема расхождения данных текущего учёта и всеобщих переписей населения хорошо изучена и давно освещается в научной литературе. Переписи населения проводят обычно раз в 10 лет, а решение практических задач требует иметь актуальную демографическую информацию постоянно. Текущая оценка (учёт) численности населения производится на основании итогов последней переписи, к которым ежегодно прибавляются числа родившихся и прибывших на территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории. Данные переписей населения считаются более достоверными, чем данные текущего учёта населения.

Но и данные всеобщих переписей населения не освобождены от ошибок. Е. М. Андреев выделяет следующие типичные ошибки традиционной переписи населения: не-

мационного развития территорий ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Всего в базе данных «Муниципальная Россия» в итоге на момент Переписи-2020 имелось 2339 муниципальных образований. Города Москва, Санкт-Петербург и Севастополь для сравнимости сведений по ним с остальными субъектами РФ считаются в базе данных «Муниципальная Россия» каждый в качестве одного городского округа, хотя в данных Росстата они представлены по другому: Москва и Санкт-Петербург вообще не имеют муниципальных образований первого уровня, а Севастополь разделён на 10 муниципальных округов, но они также фактически не являются муниципальными образованиями первого уровня (совпадение только по названию) – это внутреннее городское деление, аналогичное административным округам в Москве (12 единиц) или районам в Санкт-Петербурге (18 единиц). Авторы и правообладатели Базы данных «Муниципальная Россия» Пациорковский В.В., Коленикова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU2014620760 от 27.05.2014.

доучёт детей до одного года; аккумуляция возрастов (то есть завышение численности тех, чей возраст или год рождения оканчивается на 0 или 5); завышение численности лиц старших возрастов; двойной учёт лиц, сменивших место жительства на некоторый непродолжительный период (студентов, приехавших на учёбу, солдат срочной службы и тому подобное), и лиц, имеющих два или более мест постоянного жительства [1]. Отметим, что и тем странам, где переписи населения не проводятся, а учёт ведётся с помощью постоянно обновляемых регистров населения (например, в Нидерландах последняя традиционная перепись населения была проведена в 1971 г.), избежать подобных ошибок не удаётся.

При этом каждая конкретная перепись населения имеет свои особенности, и методики текущего учёта также претерпевают изменения. Например, по методологии Росстата в настоящее время постоянно проживающими на определённой территории (все приведённые в статье цифры о населении России — это «постоянное население», данные о «наличном населении» в настоящее время Росстат предоставляет только по России в целом) считаются люди, жившие в данном месте большую часть года (9 месяцев и более). А на момент проведения Переписи-2010 границей по времени для определения постоянного проживающих был 1 год и более.

Для России отмечаются и определённые «национальные» ошибки в данных, полученных во время переписей населения. Н.В. Мкртчян отмечает, что традиционно много недостатков имеется в учёте населения на Северном Кавказе (и во время переписей, и при текущем учёте) из-за относительно слабой работы статистических служб в этом регионе и особенностей менталитета местного населения. При этом в основном недоучитываются мигранты как внутрирегиональные, так и выезжающие в другие регионы России [2]. Некоторые учёные отмечают, что во время переписей в России имеется давление на органы статистики со стороны местных и региональных органов власти, которые стараются получить «нужные» данные о численности населения. Напри-

мер, если будут завышены данные о численности детей или пенсионеров, то за счёт этого можно будет получить повышенные суммы дотаций или субсидий из федерального бюджета. В национальных республиках власти могут быть также заинтересованы в «нужных» долях этнического состава населения [3]. С подобными проблемами сталкиваются не только в России, но и в других странах, например, в Белоруссии [4; 5].

Имевшиеся в базе «Муниципальная Россия» сведения о численности населения на 1 января 2022 г. (текущий учёт населения) и сведения на 1 октября 2021 г. (Перепись-2020) позволяют сравнить данные об одной и той же характеристике населения — численности на разных уровнях (Россия в целом, федеральные округа, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования первого уровня), полученные на близкие даты: разница 3 месяца. Так как численность населения меняется медленно (изменение на 1% за год считается очень значительным), то, теоретически, данные Переписи-2020 (более достоверные с точки зрения теории статистики) и данные текущего учёта (менее достоверные) существенно различаться не должны (не более чем на 0,1–0,25%). На практике это далеко не так. Поэтому первой задачей анализа результатов Переписи-2020 стало определение территорий России с наибольшими расхождениями данных.

Результаты и обсуждение

По данным Росстата (Переписи-2020) население РФ составляло 147182,1 тыс. человек. Но по данным текущего учёта по состоянию на 1 января 2022 г. результат составил 145557,5 тыс. человек. Таким образом, различие было 1624,6 тыс. человек или 1,1% от данных Переписи-2020. Можно предположить, что различие, в основном, как и при проведении предыдущих переписей населения, связано с «недоучётом» мигрантов — как внутренних, так и внешних.

Рассмотрим, на каких территориях России различия оказались наиболее существенными. В табл. 1 представлено распре-

деление муниципальных образований первого уровня (МО) по различиям между данными Переписи-2020 и данными текущего учёта на 1 января 2022 г. по городской

и сельской местности — наиболее обобщённому территориальному распределению, где всё население делится только на две группы: городское и сельское.

Таблица 1
Распределение МО по различиям в данных о численности населения для городского и сельского населения (в %, сумма по строке составляет 100%)

Distribution of municipalities by differences in population distribution data for urban and rural population (in %, row sum is 100%)

Table 1

Население	Население МО по данным Переписи-2020 в сравнении с данными текущего учёта на 01.01.2022				
	меньше на 10% и сильнее	меньше на 1-10%	практически совпадает (+/- 1%)	больше на 1-10%	больше на 10% и сильнее
Городское	9,3	30,7	17,4	35,9	6,7
Сельское	16,6	27,0	13,5	33,3	9,6

Источник: рассчитано авторами по базе данных «Муниципальная Россия».

Из табл. 1 видно, что в целом по России примерно в 17% МО численность городского населения по данным Переписи-2020 и по данным текущего учёта на 1 января 2022 года практически совпали, тогда как для сельского населения это значение составляет только 13%. При этом группы с сильными различиями данных как в сторону превышения данных Переписи-2020 над данными теку-

щего учёта (на 10% и больше), так и в обратную сторону (на 10% и меньше) для сельского населения более характерны, чем для городского. То есть можно сказать, что в целом текущий учёт сельского населения является менее точным, чем городского.

В табл. 2 показаны различия в численности населения на уровне федеральных округов РФ.

Таблица 2
Численность населения федеральных округов России по данным текущего учёта и Переписи-2020

Population of federal districts of Russia according to the current population registration and the 2020 Census

Table 2

Федеральный округ	Численность населения, тыс. человек		Различия Переписи-2020 и текущего учёта, %
	Текущий учёт на 01.01.2022	Перепись-2020 на 01.10.2021	
Центральный	39104,4	40334,5	3,2
Северо-Западный	13901,1	13917,2	0,1
Южный	16434,9	16746,4	1,9
Северо-Кавказский	9997,3	10171,4	1,7
Приволжский	28844,33	28943,3	0,3
Уральский	12295,0	12300,1	0,04
Сибирский	16889,4	16792,7	-0,6
Дальневосточный	8091,2	7975,8	-1,4
Вся Россия	145557,5	147182,1	1,1

Источник: рассчитано авторами по базе данных «Муниципальная Россия».

Из табл. 2 видно, что почти совпали данные по Уральскому федеральному округу. В пределах допустимых значений (с учётом трёхмесячной разницы в получении данных) имеются различия в Северо-Западном и (уже сомнительно) Приволжском федеральных округах. В остальных федеральных округах различия существенные, причём в западной части России (Центральный, Южный и Северо-Кавказский федеральные округа) население по данным Переписи-2020 «оказалось» больше, чем по данным текущего учёта, а в восточной части страны (Сибирский и Дальневосточный федеральные округа) — меньше.

Данные различия хорошо видны и по распределению МО в федеральных округах с разными отклонениями данных текущего учёта от данных Переписи-2020 (табл. 3). В 15%

муниципальных образований РФ различия между численностью населения по данным Переписи-2022 и текущего учёта оказались очень значительными: сильнее чем на 10%. Причём примерно в 10% муниципальных образований численность населения по данным текущего учёта оказалась «завышенной», а примерно в 5% — «заниженной». «Заниженная» по данным текущего учёта численность населения наиболее распространена именно в Центральном федеральном округе (более ½ всех МО), где, как уже было видно из таблицы 2, и численность населения по данным учёта максимально расходится с данными Переписи-2020 «в пользу» переписи. Также значимой является доля муниципалитетов с «занижением» численности населения в Южном, Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах.

Таблица 3

Различия между численностью населения МО по данным Переписи-2020 и текущего учёта по федеральным округам (в %, сумма по строке составляет 100%)

Table 3

Differences between the population of municipalities according to the 2020 Census and the current population registration by federal districts (in %, the line sum is 100%)

Федеральный округ	Население МО по данным переписи в сравнении с данными текущего учёта				
	меньше на 10% и сильнее	меньше на 1–10%	практически совпадает (+/- 1%)	больше на 1–10%	больше на 10% и сильнее
Центральный	6,9	24,6	17,9	40,7	9,9
Северо-Западный	18,5	33,0	16,5	26,5	5,5
Южный	0,0	23,5	34,5	40,0	2,0
Северо-Кавказский	6,2	27,8	21,5	38,9	5,6
Приволжский	5,4	23,3	27,7	40,9	2,7
Уральский	11,7	39,0	21,0	22,9	5,4
Сибирский	19,6	41,3	13,6	23,7	1,8
Дальневосточный	17,0	38,2	15,7	26,5	2,6
Вся Россия	10,2	30,1	21,0	34,0	4,7

Источник: рассчитано авторами по базе данных «Муниципальная Россия».

«Завышение» численности населения по данным текущего учёта наиболее характерно для муниципальных образований федеральных округов Уральского, Сибирского, Северо-Западного и Дальневосточного. Послед-

ний, как известно, отличается максимальным среди федеральных округов страны сокращением численности населения — в основном из-за миграционного оттока жителей в другие части России. И даже это максимальное

сокращение во многих муниципальных образованиях (и по Дальнему Востоку в целом) оказалось в ходе текущего учёта заниженным — реальные потери ещё больше.

Естественно, что при переходе ниже по уровням административного деления колебания в различиях увеличиваются, т.к. на более высоких уровнях они взаимно «гасятся» различиями в разных направлениях. Так, на уровне субъектов РФ 2/3 всего превышения населения по данным Переписи-2020 по сравнению с данными текущего учёта приходит-

ся на Московский столичный регион, который является главным «миграционным магнитом страны» [7]. Различия «в пользу» Переписи-2020 составили для Москвы — 374,6 тыс. человек (2,9%), а для Московской области — 755,8 тыс. человек (8,9%). Понятно, что такая большая разница не могла сформироваться за 3 месяца, прошедших с момента переписи (1 октября 2021 г.) до даты оценки по данным текущего учёта (1 января 2022 г.). Субъекты РФ с максимальными относительными различиями (в %) представлены в табл. 4.

Таблица 4

Субъекты Российской Федерации с максимальными различиями (в %) данных о численности населения

Table 4

Subjects of the Russian Federation with the highest differences (in %) in population data

Численность по текущему учёту на 01.01.2022 максимально превышает численность по Переписи-2020		Численность по Переписи-2020 максимально превышает численность по текущему учёту на 01.01.2022	
Регион	Разница в %	Регион	Разница в %
Республика Карелия	13,12	Московская область	8,87
Архангельская область	9,21	Республика Адыгея	5,75
Республика Коми	8,89	Калужская область	5,33
Мурманская область	8,49	Город Севастополь	4,70
Камчатский край	7,20	Тульская область	4,57
Кировская область	7,03	Ленинградская область	4,47
Костромская область	6,85	Ставропольский край	4,38
Чукотский АО	5,37	Город Санкт-Петербург	4,01
Ивановская область	5,29	Кабардино-Балкарская Республика	3,73
Республика Алтай	5,04	Саратовская область	3,34

Источник: рассчитано авторами по базе данных «Муниципальная Россия».

«Возглавляют» список регионов, в которых Перепись-2020 выявила то, что численность населения в них значительно меньше, чем считалось по текущему учёту, регионы на севере Европейской части России, а также области, территориально образующие с ними единый массив — Кировская, Костромская и Ивановская. В этот же список попали и «самые северные» регионы Азиатской части страны — Чукотский автономный

округ и Камчатский край. Выделяется в этом списке Республика Алтай, находящаяся на юге страны, но и она отличается суровыми природными условиями, слаборазвитой экономикой и значительным миграционным оттоком населения. То есть можно сказать, что Перепись-2020 выявила, что численность населения значительно меньше, чем фиксировалось текущим учётом, в регионах с относительно суровыми природными условия-

ми и сложной экономической ситуацией, что приводит к интенсивному миграционному оттоку населения, который не в полной мере фиксируется текущим учётом.

Заметно больше постоянных жителей по результатам Переписи-2020, чем регистрировалось по текущему учёту населения, оказалось в столичных агломерациях (области Московская, Калужская, Тульская, Ленинградская и Санкт-Петербург) и некоторых южных регионах России. При этом то, что цифры в регионах с превышением в «пользу» переписи меньше (максимум — Московская область с 8,9%), чем в тех, где ситуация обратная (максимум — Республика Ка-

релия с 13,1%), тогда как по России в целом имеется превышение именно «в пользу» переписи, может быть связано с тем, что население страны в 2021 г. сокращалось: смертность (в том числе из-за пандемии COVID-19) значительно превысила рождаемость, и положительное сальдо внешних миграций (также сократившееся из-за пандемии COVID-19) не перекрыло естественную убыль населения.

Самый низкий уровень, на котором можно рассмотреть различия в данных между Переписью-2020 и текущим учётом населения на 1 января 2022 г — это муниципальные образования первого уровня (табл. 5).

Таблица 5

Распределение МО по различиям в данных о численности населения для разных типов МО (в %, сумма по строке составляет 100%)

Table 5

Distribution of municipalities by differences in population data for different types of municipalities (in %, line sum is 100%)

Тип МО	Население МО по данным переписи в сравнении с данными текущего учёта				
	меньше на 10% и сильнее	меньше на 1-10%	практически совпадает (+/- 1%)	больше на 1-10%	больше на 10% и сильнее
Муниципальные районы и округа	9,8	29,7	20,3	35,6	4,5
Городские округа	11,3	31,3	22,9	29,2	5,2
Итого	10,2	30,1	21,0	33,9	4,7

Источник: рассчитано авторами по базе данных «Муниципальная Россия».

В данном случае различия оказались незначительными, за исключением того, что среди городских округов тех, где по данным Переписи-2020 населения оказалось больше, чем по данным текущего учёта на 01.01.2022 на 1% и более — примерно 35%, тогда как в муниципальных районах и округах таких около 40%. Косвенно это подтверждает то, о чём говорилось выше: в сельской местности (а это в основном муниципальные районы и округа) текущий учёт населения является менее точным, чем в больших городах (а это в основном городские округа).

Если посмотреть на конкретные городские округа (ГО) и муниципальные районы (МР) с максимальными различиями в численности населения по данным Переписи-

2022 и текущего учёта, то картина также оказалась интересной (табл. 6).

Среди десяти МО с максимальным «завышением» данных по текущему учёту по сравнению с результатами Переписи-2020 подавляющее большинство — это закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), в которых находятся базы Военно-Морского Флота и воинские части РФ. В таких МО, где большинство населения составляют военнослужащие и члены их семей, своеобразие могут отличаться и текущий учёт населения (реальные места нахождения людей могут отличаться от официально зарегистрированных и меняться по несколько раз в течение года), и проведение переписей (легко достигается 100% участие имею-

Таблица 6.

Муниципальные образования с максимальными различиями между численностью населения по данным Переписи-2020 и текущего учёта на 01.01.2022

Table 6

Municipalities with the highest differences between the population according to the 2020 Census and the current population registration as of 01.01.2022

По данным текущего учёта больше, чем по Переписи-2020		По данным текущего учёта меньше, чем по Переписи-2020	
МО	различие в %	МО	различие в %
ГО Новая Земля Архангельской области	59,5	ГО Волоколамский Московской области	41,5
ГО Гаринский Свердловской области	43,9	ГО Звёздный городок Московской области	33,0
ГО Александровск Мурманской области	38,5	ГО Ленинский Московской области	32,9
МР Камышловский Свердловской области	34,9	МР Белгородский Белгородской области	32,2
ГО Кедровый Томской области	33,6	ГО Лотошинский Московской области	28,4
ГО Видяево Мурманской области	31,8	ГО Одинцовский Московской области	28,3
ГО Балтийский Калининградской области	30,6	ГО Талдомский Московской области	28,3
ГО Горный Забайкальского края	30,4	ГО Истринский Московской области	27,8
ГО Североморск Мурманской области	29,4	МР Малоярославецкий Калужской области	25,8
ГО Звёздный Пермского края	28,7	ГО Электрогорск Московской области	25,6

Источник: база данных «Муниципальная Россия».

щегося на момент переписи населения, чего практически невозможно достичь в больших городах). Исключение — периферийные МО в Свердловской и Томской областях, где «завышение» связано с фактическим оттоком жителей в областной центр, который не был отражён в текущем учёте (обычная ситуация для многих регионов страны).

МО с максимальным «занижением» численности населения текущим учётом — это почти исключительно муниципалитеты в рамках Московской городской агломерации (где многие мигранты из других регионов страны текущим учётом не учитываются), а также пригородный Белгородский район в Белгородской области (тоже частое явление, когда люди переехали жить в пригород административного центра региона, а «числятся» по прежнему месту жительства — в городе-административном центре или в другом районе региона).

Заключение

Сравнение численности населения по результатам Переписи-2020 и текущего учёта населения на 1 января 2022 г. на разных территориальных уровнях показало, что наиболее значительные различия имеются на следующих территориях:

- по данным Переписи-2020 населения оказалось значительно меньше, чем по текущему учёту: а) в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах; б) в северных регионах России с суровыми природными условиями и сложной экономической ситуацией; в) в ЗАТО и периферийных сельских районах внутри регионов;
- по данным Переписи-2020 населения оказалось значительно больше, чем по данным текущего учёта: а) в Центральном федеральном округе; б) в регионах Московской и Санкт-Петербургской агломерации.

ций, а также в некоторых южных регионах страны; в) в муниципальных образованиях в рамках Московской агломерации, но не примыкающих к Москве, а удалённых от столицы.

Выявилось, что в сельской местности (муниципальных районах и округах) текущий учёт населения является менее точ-

ным, чем в городах (городских округах). При этом различия между данными Переписи-2020 и текущего учёта, скорее всего, связаны с тем, что многие мигранты (в основном внутренние, а не внешние), по разным причинам не попадают в данные текущего учёта населения, о чём говорят выявленные территориальные различия.

Литература и Интернет-источники

1. **Андреев, Е. М.** О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации / Е. М. Андреев // Вопросы статистики. — 2012. — № 11. — С. 21–35. EDN: PFBVMP
2. **Мкртчян, Н. В.** Проблемы счёта населения России и её регионов: первые оценки результатов переписи населения 2010 года / Н. В. Мкртчян // Высшая школа экономики: [сайт]. — URL: <https://www.hse.ru/data/2011/08/09/1268001826/Ставрополь-июнь.doc> (дата обращения: 10.07.2023).
3. **Давлетишина, Л. А.** Перепись населения: инструмент консолидации или раздражения общества? / Л. А. Давлетишина, М. В. Карманов // Вестник НГУЭУ. — 2021. — № 4. — С. 10–17. DOI: 10.34020/2073–6495–2021–4–010–017; EDN: RZIZTW
4. **Злотников, А.** Что показывают первые итоги переписи населения Беларуси / А. Злотников // Наука и инновации. — 2020. — № 4(206). — URL: <http://innosfera.by> (дата обращения: 10.07.2023).
5. **Соколов, А. С.** Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения / А. С. Соколов // Демографическое обозрение. — 2022. — № 9(4). — С. 61–103. DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16744; EDN: GFTACL
6. **Рыбаковский, О. Л.** Возрастная структура населения регионов России в начале XXI века: компоненты формирования / О. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1; EDN: JIZLYM

Сведения об авторах:

Ванькина Ирина Николаевна, младший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: irina.vankina21@gmail.com; ORCID: 0000–0003–0242–9858; РИНЦ AuthorID: 1136635.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000–0001–8392–8645; РИНЦ AuthorID: 76033.

Муртузалиева Джамия Джавидовна, к.э.н., научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: djama76@list.ru; ORCID: 0000–0003–3263–3032; РИНЦ AuthorID: 500138.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.2

TERRITORIAL DIFFERENCES BETWEEN THE DATA OF THE CURRENT POPULATION REGISTRATION AND THE RESULTS OF THE 2020 CENSUS

Irina N. Vankina, Yury A. Simagin*, Djamilya D. Murtuzaliev

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

*E-mail: yas63@yandex.ru

For citation:

Vankina I.N., Simagin Yu. A., Murtuzaliev D.D. Territorial differences between the data of the current population registration and the results of the 2020 Census. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 15–25. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.2 (in Russ.)

Abstract. *The article analyzes population data by federal districts, subjects and municipalities of the Russian Federation, obtained from two different official sources of Rosstat for close dates: data from the current population registration as of January 1, 2022 and data from the All-Russian Population Census of 2020, the control point of which was October 1, 2021. Since population size changes rather slowly, theoretically these data should not differ significantly. In fact, it has turned out that the population size across the country, according to various data, differs by more than 1% (by 1.6 million people in the direction of the census data). The lower the level of administrative division, the greater the differences. At the level of some municipalities of the Russian Federation, the differences make almost 2 times. Moreover, with approximately equal frequency, there are both municipalities where, according to the census, the population is greater than according to the current population registration, and with the opposite situation. The article identifies the administrative units of the country where the differences between the census data and the current population registration are the largest, and the causes of the differences in one direction or another. The largest “overweight” of the population in favor of the census was found in the municipalities of the Central Federal District (especially in the Moscow urban agglomeration), and the maximum “shortage” of the population compared to the current accounting data was in the Far Eastern and Siberian Federal Districts.*

Keywords: *population size, current population registration, All-Russian Population Census of 2020, federal districts, subjects of the Russian Federation, municipalities.*

References and Internet sources

1. Andreev E.M. O tochnosti rezul'tatov rossijskih perepisej naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [About the accuracy of the results of Russian population censuses and the degree of trust in various sources of information]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2012. No. 11. P. 21–35. (in Russ.)
2. Mkrtychyan N.V. Problemy schyota naseleniya Rossii i yeyo regionov: pervyye otsenki rezul'tatov perepisi naseleniya 2010 goda [Problems of counting the population of Russia and its regions: first estimates of the results of the 2010 population census]. *Vysshaya shkola ekonomiki [Higher School of Economics]*. Available at: <https://www.hse.ru/data/2011/08/09/1268001826/Ставрополь-июнь.doc> (Accessed: 10 July 2023). (in Russ.)
3. Davletshina L.A., Karmanov M.V. Perepis' naseleniya: instrument konsolidatsii ili razdrzheniya obshchestva [Population census: a tool for consolidation or irritation of society?] *Vestnik NGUEU [Bulletin of the Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM)]*. 2021. No 4. P. 10–17. DOI: 10.34020/2073–6495–2021–4–010–017 (in Russ.)

4. Zlotnikov A. Chto pokazyvayut pervyye itogi perepisi naseleniya Belarusi [What the first results of the population census show in Belarus]. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovations]. 2020. No. 4(206). Available at: <http://innosfera.by> (Accessed: 10 July 2023). (in Russ.)
5. Sokolov A. S. Otsenka dostovernosti rezul'tatov perepisi naseleniya 2019 goda v Belorussii na osnove analiza izmenenij v etnolingvisticheskom sostave naseleniya [Assessment of reliability of the results of the 2019 Belarus population census based on an analysis of changes in the ethnolinguistic composition of the population]. *Demograficheskoye obozreniye* [Demographic Review]. 2022. No. 9(4). P. 61–103. DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16744 (in Russ.)
6. Rybakovsky O. L. Vozrastnaya struktura naseleniya regionov Rossii v nachale 21 veka: komponenty formirovaniya [The age structure of the population of the regions of Russia at the beginning of the 21st century: components of the formation]. *Narodonaselenie* [Population]. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1 (in Russ.)

Information about the authors:

Vankina Irina Nikolaevna, Junior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: irina.vankina21@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0242-9858; Elibrary AuthorID: 1136635.

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary AuthorID: 76033.

Murtuzalievna Djamilya Djavidovna, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: djama76@list.ru; ORCID: 0000-0003-3263-3032; Elibrary AuthorID: 500138.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.3

EDN: ABGKCH

МЕТОДОЛОГИЯ РАСЧЁТА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА

Кондратьева В.И.*, Тарасова-Сивцева О. М.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
(677027, Россия, Якутск, ул. Белинского, 58)

*E-mail: kwi202@mail.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FSRG-2023–0025).

Для цитирования:

Кондратьева В.И., Тарасова-Сивцева О.М. Методология расчёта демографического благополучия северных регионов ресурсного типа // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 26-38. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.3; EDN: ABGKCH

Аннотация. В современных макроэкономических и политических условиях необходимо определить позитивные направления и целевые установки демографической политики, которые будут способствовать повышению уровня благополучия населения и улучшению его качества жизни, в связи с этим, соответственно расширять использование понятия «демографическое благополучие» при мониторинге и анализе. Демографическая наука пока не использует понятие «благополучие», хотя определённые признаки его имплементации из психологии и социологии отмечаются [1]. Демографическое развитие регионов является важным аспектом исследования, поскольку оно напрямую связано с социально-экономическим состоянием и перспективами дальнейшего развития северных территорий, которые позволят улучшить демографическое благополучие и справиться с вызовами, стоящими перед современным обществом. Цель исследования заключается в представлении методического инструментария анализа современных тенденций демографического развития северных регионов на основе комплексных показателей, позволяющих оценить «демографическое благополучие» по качественным и количественным характеристикам населения. Предпринята попытка апробации методологии оценки демографического благополучия на основе трёх критериев: рождаемости, смертности, мобильности населения. В результате работы определена типология регионов России, учитывающая их демографические особенности и различия. Выделены группы регионов со сходными трендами и демографическими характеристиками, что позволяет более точно оценить уровень демографического развития и сравнить его между регионами. Статья адресована представителям государственных органов власти, научным работникам, преподавателям и студентам, интересующимся различными аспектами разработки и реализации государственной демографической политики России.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, миграция, демографическое благополучие, демографические показатели, северные регионы.

Введение

Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала является одним из приоритетных национальных интересов страны. Государство должно предпринимать меры для сохранения и укрепления благосостояния своих граждан, а также обеспечивать условия для развития и реализации их индивидуальных способностей и потенциала. Осмысление теоретических вопросов регионального социально-экономического развития необходимо проводить с учётом происходящих демографических процессов. Реализация социальной политики должна быть направлена на удовлетворение конкретных потребностей населения региона с учётом его демографического состава. Особый подход к исследованию демографических проблем северных регионов включает анализ специфических характеристик формирования населения: влияние климатических условий, особенностей природного окружения и сезонной работы на демографические показатели¹.

По мнению многих российских исследователей к регионам «ресурсного типа» относят регионы, экономика которых специализируется на добыче полезных ископаемых, где доля добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре валового регионального продукта составляет не менее 30%. Из выбранного перечня ресурсных регионов к северным регионам, в соответствии с действующим законодательством РФ (северным регионам ресурсного типа — далее СРРТ), отнесены: Республика Коми, Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО — Югра (ХМАО), Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО), Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Сахалинская об-

ласть, Чукотский АО. На территории данных регионов сложились социально-экономические системы, обладающие определёнными особенностями: здесь сосредоточено большинство российских месторождений алмазов, золота, около 80% запасов нефти, практически весь природный газ с учётом месторождений на шельфе морей, прилегающих к побережью. Эти регионы характеризуются большими объёмами добычи и экспорта ресурсов, а также высокой зависимостью от цен на мировых рынках. Они имеют значительное влияние на экономику страны и часто формируют специфическую социально-экономическую среду.

СРРТ характеризуются низкой плотностью населения, отдалённостью от центров экономического развития страны, а также ограниченными возможностями для обеспечения жизнедеятельности населения. В связи с этим, в этих регионах возникают особые демографические проблемы. Одна из основных проблем — отток населения из этих регионов, что приводит к сокращению численности населения и ухудшению его структуры. Ещё одной проблемой является низкая рождаемость. Это связано с нестабильностью экономической ситуации и недостаточными социальными гарантиями для семей. Кроме того, трудности в доступе к медицинским услугам и недостаточное количество образовательных учреждений влияют на решение молодых семей иметь детей.

Цель исследования заключается в представлении методического инструментария анализа современных тенденций демографического развития северных регионов ресурсного типа на основе комплексных показателей, позволяющих оценить «демографическое благополучие» по качественным и количественным характеристикам населения. Для оценки демографического благополучия территории, которые влияют на население и его развитие возможно использование таких показателей как рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, миграция, уровень образования населения, уровень занятости населения, уровень доходов населения, уровень медицинской помощи, уровень социальной защиты,

¹ Теоретической и методологической базой исследования послужили труды отечественных исследователей: Н.Н. Баранского, Д.И. Валентя, А.Г. Вишневецкого, С.Ю. Глазьева, А.Я. Кваши, Н.В. Зубаревич, В.А. Ионцева, С.В. Рязанцева, Л.Л. Рыбаковского, А.А. Ткаченко [2–9] и других, в том числе региональных учёных А.К. Акимова, А.С. Барашковой, Т.С. Мостаховой, С.А. Сукневой, Е.Н. Федоровой, Т.З. Винокуровой, Г.Н. Железновой [10–15] и зарубежных учёных: А. Сmita, С. Кузнецца, А. Сови. Д. Ван де Каа, Т.Р. Мальтуса, Р.Э. Фишера, Л. Херша, Г.А. Спенсера, Дж. Стюарта, Дж. Зипфа, У. Изарда, В. Роубичека [16–24]. Комплексными социально-демографическими исследованиями России и её регионов занимались В.Н. Архангельский, В.В. Елизаров, Н.В. Зверева, Л.Ю. Иванова [25; 26].

качество экологической среды. Методика оценки демографического благополучия на основе нескольких критериев предложена С.В. Рязанцевым и Т.Р. Мирязовым Т. Р [7], согласно которой, во-первых, демографическое благополучие должна характеризовать положительная демографическая динамика, имеющая устойчивый (многолетний) характер. Во-вторых, демографически благополучными могут считаться регионы, в которых отмечается положительный общий прирост населения за счёт двух компонент — естественного и миграционного прироста населения. В-третьих, важна динамика показателей рождаемости и смертности населения. В-четвертых, необходима сбалансированная половозрастная структура населения.

Методы и источники информации

Для составления интегральной оценки демографического развития СРРТ нами предполагается воспользоваться показателем демографического благополучия территории, включающем влияние трёх компонент: рождаемости, смертности и миграции [27]. Он рассчитывается как произведение коэффициента жизненности на индекс изменения численности населения в результате миграции. За основу взята методика оценки демографического неблагополучия, предложенная Л.Л. Рыбаковским [28], где данный показатель определяется как произведение коэффициента депопуляции на индекс изменения численности населения в результате миграции. Коэффициент депопуляции, рассчитываемый как отношение смертности к рождаемости, показывает в какой мере первое превышает второе. Чем больше его значение, тем существеннее сокращается население, и наоборот, чем оно меньше, тем незаметнее потери.

Дана оценка демографического благополучия на примере регионов ресурсного типа. В качестве источников статистической информации были использованы данные Росстата, представленные на официальном сайте в разделах «Переписи и обследования», «Демография», показатели, определённые «майскими» указами Президента РФ, националь-

ными проектами, а также в сборниках «Демографический ежегодник России» и «Численность и миграция населения Российской Федерации». На основе данных официальной статистики представлена табличная информация, отражающая региональную дифференциацию демографических показателей, включённых в методику оценки демографического благополучия субъектов РФ. В процессе исследования авторами применялись системный, сравнительно-географический, статистический, математические методы.

Методика исследования

За основу расчёта интегрального индекса взят индекс жизненности (индекс Покровского-Пирла) — обобщённый показатель характеристики демографических процессов, рассчитываемый как отношение рождаемости к смертности (обратное значение коэффициента депопуляции). Формула для расчёта коэффициента жизненности ($I_{ж}^t$) включает временной параметр (t), и число родившихся (N^t) и умерших (M^t) в календарном году t :

$$(I_{ж}^t) = N^t / M^t, \quad (1)$$

где $I_{ж}^t$ — индекс жизненности в году t (отношение рождаемости к смертности), N^t — общий коэффициент рождаемости в году t , M^t — общий коэффициент смертности в году t .

На демографическую ситуацию существенное влияние оказывает миграция населения, поэтому включение миграционной компоненты (MP^t) в интегральный индекс становится важным для сравнения демографической ситуации различных территорий. В зависимости от этого находится расчётное население (PH^t), которое отличается от фактического в первом случае тем, что к фактическому населению прибавляется миграционная убыль (то, что потеряно в расчётном периоде), а во втором — из фактического населения вычитается миграционный прирост (то, что получено в расчётном периоде):

$$PH^{t+1} = CH^{t+1} - MP^t, \quad (2)$$

где PH^{t+1} — расчётная численность населения на начало года $t+1$, CH^{t+1} — численность населения на начало года $t+1$, MP^t — миграционный прирост (убыль) населения в году t .

Далее население расчётное делится на фактическое, где в результате получается индекс изменения численности населения (I_{CH^t}):

$$I_{CH^t} = PH^t / CH^t, \quad (3)$$

где, I_{CH^t} индекс изменения численности населения в году t .

Умножение индекса жизненности на данный индекс при миграционном приросте увеличивает его, а при естественной убыли — сокращает. Таким образом, интегральный показатель демографического благополучия территории включает влияние всех трёх компонент: рождаемости, смертности и миграции. Этот интегральный показатель назван коэффициентом демографического благополучия ($K_{ДБ}$). Пороговым значением уровня демографического благополучия выступает величина $K_{ДБ} = 1,0$. Значение коэффициента ниже единицы свидетельствует о неблагоприятной демографической ситуации (наличии естественной убыли в сочетании с миграционной), кратное повышение порогового значения показателя говорит о более высоком уровне демографического благополучия:

$$K_{ДБ^t} = I_{Ж^t} \times I_{CH^t}, \quad (4)$$

где, $K_{ДБ^t}$ — коэффициент демографического благополучия в году t .

Для получения индекса демографического благополучия ($I_{ДБ}$) проводится нормирование коэффициента для перевода в балльную оценку, в результате можно проводить ранжирование регионов в соответствии с уровнем демографического благополучия. Данная методика позволяет оценить степень территориальной дифференциации демографической ситуации, являющейся значимым фактором формирования региональных человеческих ресурсов:

$$I_{ДБ^t} = 10 \times \frac{(K_{ДБ^t} - \min(K_{ДБ^t}))}{(\max(K_{ДБ^t}) - \min(K_{ДБ^t}))}, \quad (5)$$

где $I_{ДБ^t}$ — индекс демографического благополучия для i -го региона в году t . Изменение $I_{ДБ}$ возможно в пределах от 0 до 10 баллов. При этом предельное значения индекса составляет 0 баллов, когда демографическая ситуация наименее благополучна и 10 баллов при наиболее благополучной ситуации для сравниваемой группы территорий.

Результаты исследования

Наличие существенных региональных диспропорций выступает барьером для формирования социально-экономического пространства территорий. Эти диспропорции могут быть обусловлены факторами различия в уровне экономического развития, доступности инфраструктуры, наличием ресурсов, демографическими особенностями и так далее. Возможные последствия таких диспропорций включают отставание менее развитых регионов в социально-экономическом развитии, увеличение миграционных потоков из менее развитых в более развитые регионы, низкую привлекательность таких регионов для инвестиций и развития бизнеса, а также нарушение единства и целостности государственного управления. Для преодоления этих диспропорций необходимо осуществлять активную региональную политику, направленную на устранение различий и создание равных возможностей для развития всех территорий. В соответствии со «Стратегией пространственного развития Российской Федерации» сокращение уровня межрегиональной дифференциации является одной из задач управления пространственным развитием². В целом, сокращение уровня межрегиональной дифференциации является важной задачей управления про-

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 26.05.2023).

странственным развитием РФ с целью достижения более равномерного и устойчивого развития регионов.

На огромной территории СРРТ площадью более 4,1 млн км² (24% от территории РФ) на 1 января 2022 г. проживало 4757,6 млн человек (3,3% от численности населения России) (табл. 1). С 2010 г. население регионов ресурсного типа увеличилось в ХМАО, Ненецком АО, ЯНАО, Республике Саха (Якутия) и сократилось в Магаданской, Сахалинской областях, Республике Коми, и Чукотском АО. Для северных регионов России характерной чертой формирования численности населе-

ния продолжает оставаться доминирующее влияние миграции.

Стабильными в демографическом отношении являются ХМАО, Республика Саха (Якутия), численность населения которых пополняется как за счёт естественного (ЕП), так и миграционного (МП) прироста (табл. 2). В ЯНАО и Ненецком АО, несмотря на миграционную убыль, увеличение происходит за счёт стабильного положительного естественного прироста. В остальных регионах демографический потенциал непрерывно сокращается как за счёт естественной убыли, так и миграционного оттока населения. Сегодня

Таблица 1

Среднегодовая численность населения, тыс. человек (по убыванию)

Table 1

Average annual population, thousand people (in descending order)

Территория	2010	2015	2019	2020	2021	2021/2010
РФ	142849,5	146406	146764,7	146459,8	145864,3	1,02
СРРТ	4667,2	4704,2	4730,6	4741,6	4757,6	1,02
ХМАО	1529,2	1619,4	1669,2	1681,2	1694,9	1,11
Республика Саха (Якутия)	958,3	958,3	969,5	977,0	987,0	1,03
Республика Коми	905,6	860,6	825,4	817,0	808,5	0,89
ЯНАО	524,5	537,0	543,0	545,7	549,6	1,05
Сахалинская область	499,0	487,8	488,9	486,9	484,9	0,97
Магаданская область	157,7	147,2	140,7	139,6	138,4	0,88
Чукотский АО	50,8	50,3	50	49,9	49,8	0,98
Ненецкий АО	42,1	43,6	44,0	44,3	44,5	1,06

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 / Росстат. — Москва, 2022. — 1112 с.

необходимо учитывать миграционные процессы, которые могут влиять на социально-экономическое развитие региона. При притоке рабочей силы из других регионов социальная политика должна обеспечить интеграцию мигрантов, адаптацию их к новым социальным и экономическим условиям, а также предоставление достойных условий труда, заработной платы и защиты их прав.

Начиная с 2007 г., прежде всего, в результате реализации новых мер помощи семьям с детьми, показатели рождаемости в той или иной мере росли во всех регионах. Относительно большой прирост в этот период может свидетельствовать о том, что семьи

в этих регионах в большей мере готовы скорректировать своё репродуктивное поведение в сторону рождения большего числа детей в связи с оказанием им тех или иных видов помощи, улучшением условий жизнедеятельности (табл. 3)

Используя выбранные индикаторы, были предложены интегральные показатели для измерения демографического благополучия и потенциала северных регионов ресурсного типа за период с 2010 по 2021 годы. Расчёты показателя произведены за три последних года, для усреднения его ежегодных колебаний. Шкала оценки разделена на 4 уровня. Регионы, попавшие в первую группу с вели-

Таблица 2

Прирост (убыль) населения СРРТ по компонентам изменения численности населения, тыс. человек

Table 2

Population increase (decrease) in the Northern regions of the resource type by components of population change, thousand people

Территория	2010			2015			2021		
	Общий прирост (убыль)	ЕП	МП	Общий прирост (убыль)	ЕП	МП	Общий прирост (убыль)	ЕП	МП
РФ	-81,5	-239,6	158,1	277,4	32,0	245,4	-613,4	-1043,3	429,9
СРРТ	-34,1	28	-62,1	-18,8	44,3	-63,1	17,7	1,4	16,3
Магаданская область	-13,5	-1,5	-12	-11,8	0	-11,8	-1,3	-0,9	-0,4
Республика Саха (Якутия)	-0,4	7	-7,4	3	8,6	-5,6	10,1	1,6	8,5
Республика Коми	-9,7	-0,2	-9,5	-8,9	1,3	-10,2	-10,1	-5,9	-4,2
Сахалинская область	-9,1	-2,8	-6,3	-2,3	0,4	-2,7	-1,4	-2,1	0,7
ЯНАО	0,9	10,3	-9,4	-11	11,3	-22,3	5,1	3,5	1,7
ХМАО	12	9,6	2,4	9,1	10,2	-1,1	14,6	5,3	9,3
Чукотский АО	-15,9	0,9	-16,8	-7,6	4,1	-11,7	0,5	0,0	0,5
Ненецкий АО	1,6	4,7	-3,1	10,7	8,4	2,3	0,2	0,0	0,2

Источник: составлено авторами по информационной базе Росстата.

Таблица 3

Суммарный коэффициент рождаемости

Table 3

Total fertility rate

Территория	2010	2015	2019	2020	2021	2021/2010
РФ	1,57	1,78	1,50	1,51	1,51	0,96
СРРТ	1,78	2,10	1,78	1,83	1,75	0,98
ХМАО	1,81	2,07	1,76	1,78	1,74	0,96
Ненецкий АО	2,11	2,58	2,18	2,26	2,07	0,98
ЯНАО	1,79	2,19	1,83	1,90	1,89	1,06
Республика Саха (Якутия)	2,00	2,19	1,82	1,86	1,73	0,86
Чукотский АО	1,89	2,10	1,68	1,76	1,66	0,88
Сахалинская область	1,56	2,02	1,95	1,97	1,94	1,24
Республика Коми	1,63	2,00	1,57	1,57	1,53	0,94
Магаданская область	1,44	1,66	1,42	1,51	1,41	0,98

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 / Росстат. — Москва, 2022. — 1112 с.

чиной коэффициента ниже порогового значения 1,0, относятся к территориям с неблагоприятной (критической) демографической ситуацией, наряду с миграцией происходит также и естественная убыль населения. Рост

смертности населения, особенно мужчин трудоспособного возраста, вместе со снизившейся рождаемостью стали причиной естественной убыли населения (Республика Коми, Магаданская и Сахалинская области).

Значения коэффициента от 1,0 до 1,5 называются близкие к неустойчивой ситуации, данные регионы характеризуются естественным приростом, а в последние годы наблюдается и миграционный прирост (Чукот-

ский и Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия)), однако темпы увеличения населения за счёт естественного прироста сокращаются. К группе с близким к устойчивости уровнем демографического благополучия относится

Таблица 4

Типология СРРТ по величине коэффициента демографического благополучия (КДБ) за 2019–2021 годы

Table 4

Typology of the Northern regions of the resource type by the demographic well-being coefficient for 2019–2021

Интервалы значений	Регион	КДБ	Характер территории	Описание
До 1	Республика Коми	0,68	неустойчивый	Территории с неблагоприятной демографической ситуацией, наряду с миграционной происходит также и естественной убыль населения. Рост смертности населения, особенно мужчин трудоспособного возраста, вместе со снизившейся рождаемостью стали причиной естественной убыли населения.
	Магаданская область	0,70		
	Сахалинская область	0,83		
От 1 до 1,5	Чукотский АО	1,04	близкие к неустойчивости	Регионы характеризуются как естественным приростом, так и миграционным. Однако темпы прироста населения за счёт естественного сокращаются.
	Ненецкий АО Республика Саха (Якутия)	1,30 1,43		
От 1,5 до 2	ХМАО	1,68	близкие к устойчивости	Регионы с устойчивым социально-экономическим развитием, высокий уровень демографического благополучия.
2 и выше	ЯНАО	2,28	устойчивые	

Источник: составлено авторами.

ХМАО и ЯНАО — данные регионы характеризуются также устойчивым социально-экономическим развитием (табл. 4). В целом, по динамике коэффициентов демографического благополучия за 2010–2021 гг., демографическая ситуация в СРРТ ухудшается (рис. 1).

Для составления рейтинга территории по уровню демографического благополучия произведено нормирование коэффициента для перевода в балльную оценку, в результате нами получен индекс демографического благополучия, с помощью которого можно проводить ранжирование территории в соответствии с уровнем демографического состояния. Расчёты коэффициента демографического благополучия и индекса демографического благополучия проведены за период 2010–2021 годов. На рис. 2 приведено распределение индекса демографического благополучия по СРРТ в 2021 году. Значения данного показателя имеют существенные различия по территории, колеблясь от минимального уровня в Республике Коми (0 баллов) до его

максимальной величины в ЯНАО (10 баллов) при среднем по СРРТ показателе 2,5 балла. В 3 регионах уровень демографического благополучия ниже среднего по СРРТ.

Заключение

Методика расчёта коэффициента демографического благополучия частично позволяет оценить демографическую ситуацию в регионах и проанализировать степень её различия, а также проводить ранжирование регионов по уровню демографического благополучия для формирования региональных человеческих ресурсов и разработки мер по улучшению демографической ситуации в регионе. С учётом численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума к демографически благополучным можно отнести только ЯНАО (4,9%) и ХМАО (8,4%); в Республике Саха (Якутия) 17,3% населения имеют денежные доходы ниже прожи-

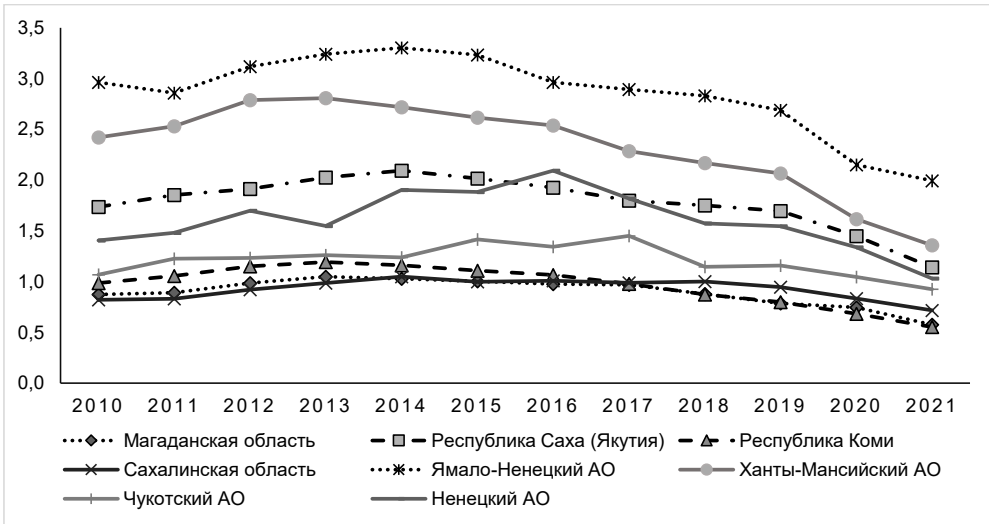

Рис. 1. Динамика коэффициента демографического благополучия по ССРТ в 2010–2021 гг.
 Fig. 1. Dynamics of the coefficient of demographic well-being by the Northern regions of the resource type in 2010–2021

Источник: составлено авторами.

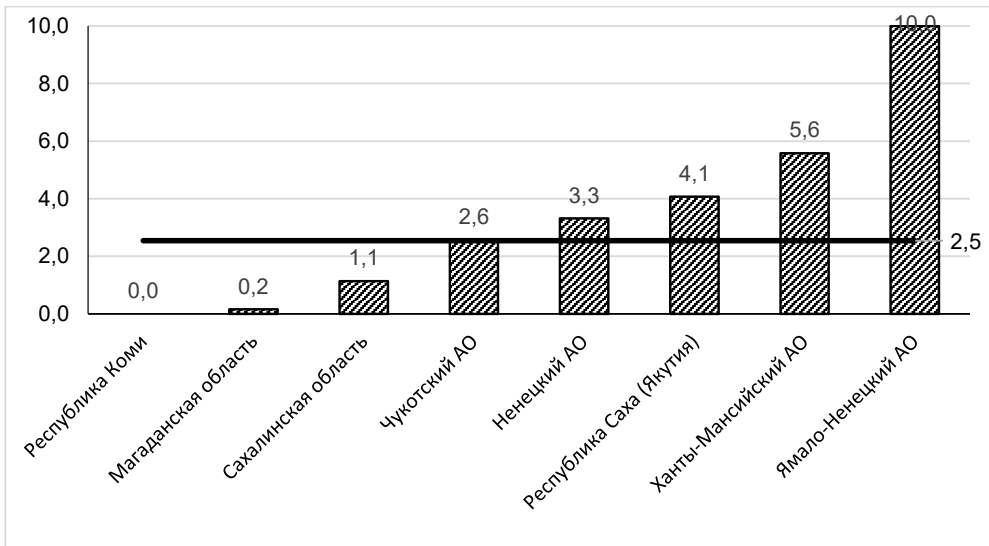

Рис. 2. Дифференциация индекса демографического благополучия по ССРТ в 2021 г., баллы
 Fig. 2: Differentiation of the demographic well-being index by the Northern regions of the resource type in 2021, points

Источник: составлено авторами.

точного минимума (ПМ) — это самый высокий показатель среди СРРТ. (В среднем по РФ в 2020 г. 12,1% населения имели доходы ниже величины ПМ). В Сахалинской области 7,7% населения с доходами ниже величины ПМ, в Магаданской области — 8,7%, однако они по методике отнесены к территориям с неблагоприятной демографической ситуацией. В дальнейшем, для оценки демографического благополучия территории, кроме коэффициента жизнестойкости и индекса изменения численности населения в результате миграции, можно учитывать и другие факторы, которые могут влиять на демографическую ситуацию на территории. Например, уровень экономического развития, уровень образования, доступность медицинского обслуживания, средняя продолжительность жизни, бедность населения, условия жизни и так далее.

В условиях сокращения численности населения необходимо установить более конкретные цели и направления демографической политики. Для этого предлагается шире ис-

пользовать понятие «демографическое благополучие» при мониторинге и анализе демографической ситуации в регионах России. Комплексные показатели на основе выбранных индикаторов могут помочь измерить демографическое благополучие и потенциал северных регионов ресурсного типа и использованы при разработке мер демографической и социальной политики на региональном уровне.

Учитывая специфику и особенности северных территорий, необходима разработка и внедрение программ демографического развития, которые соответствуют особым потребностям и интересам ресурсных регионов. Одной из ключевых задач должно стать содействие в привлечении профессионалов в эти регионы и создание условий для их трудоустройства. Дополнительно, надо стимулировать доступность и качество медицинского обслуживания, образовательных возможностей, а также предоставление субсидий и льгот для северных жителей.

Литература и Интернет-источники

1. **Рязанцев, С. В.** Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская [и др.] ; отв. ред. С. В. Рязанцев ; ФНИСЦ РАН. — Москва : ИТД «Перспектива», 2022. — 108 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022; EDN: YHMZPP
2. **Валентей, Д. И.** Изучение народонаселения: вопросы методологии. / Д. И. Валентей, Н. В. Зверева. — Москва : Издательство Московского университета, 1987. — 156 с.
3. **Валентей, Д. И.** Основы демографии / Д. И. Валентей, А. Я. Кваша. — Москва : Мысль, 1989—286 с.
4. **Вишневецкий, А. Г.** Демографическая модернизация России, 1900–2000: Монография. — Москва : Новое издательство, 2006. — 601 с. EDN SUQARX
5. **Зубаревич, Н. В.** Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода / Н. В. Зубаревич. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 264 с. EDN WIEURX
6. **Ионцев, В. А.** Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и её регионах / В. А. Ионцев, А. Г. Магомедова // Экономика региона. — 2015. — № 3(43). — С. 89–102. DOI 10.17059/2015-3-8; EDN UISFRL
7. **Рязанцев, С. В.** Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки / С. В. Рязанцев, Т. Р. Мирязов // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2021. — Т. 1. — № 4. — С. 5–19. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.1; EDN: HNFXXJ
8. Демографическое развитие России в XXI в. / под ред. Г. В. Осипова и Л. Л. Рыбаковского. — Москва : Экон-Информ, 2009. — 340 с.
9. **Аксенова, С. Ю.** Демографическая энциклопедия / С. Ю. Аксенова, А. Н. Алексеенко, Г. Е. Ананьева [и др.]. — Москва : Издательство «Энциклопедия», 2013. — 944 с. EDN: YWVYAZ

10. **Барашкова, А. С.** Северная семья: демографический и социально-экономический аспекты / А. С. Барашкова. — Новосибирск : Наука, 2009. — 159 с. EDN: QOPIOH
11. **Мостахова, Т. С.** Демографическая безопасность региона / Т. С. Мостахова. — Якутск : Изд-во Якутского научного центра СО РАН, 2009. — 188 с. EDN ZSFRYF
12. **Сукнева, С. А.** Демографическое развитие региона: оценка, прогноз, политика / С. А. Сукнева, Т. С. Мостахова. — Новосибирск : Издательство Сибирского отделения РАН, 2002. — 192 с. EDN: TEGMYJ
13. **Федорова, Е. Н.** Население Якутии: прошлое и настоящее (демографическое исследование) / Е. Н. Федорова. — Новосибирск : Наука, 1999. — 207 с.
14. **Егоров, Е. Г.** Стратегия модернизации экономики Республики Саха / Е. Г. Егоров, Т. З. Винокурова, С. А. Сукнева [и др.]. — Новосибирск : Наука, 2001. — 262 с. EDN TEGXVV
15. **Сукнева, С. А.** Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): проблемы и перспективы / С. А. Сукнева, Т. С. Мостахова, Т. З. Винокурова [и др.]. — Якутск : Якутский филиал Издательства СО РАН, 1994. — 72 с. — EDN TEGZOL.
16. **Van de Kaa, D. J.** Anchored Narratives: the Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility / D. J. Van de Kaa // *Population Studies*. — 1996. — Vol. 50. — No. 3. — P. 389–432.
17. **Malthus, T. R.** An essay on the principle of population, as it affects the future improvement of society, with remarks on the speculations of M. Godwin, M. Condorcet and other writers. / T. R. Malthus. — The Lawbook Exchange Ltd., 1998. — 126 p.
18. **Fisher, R. A.** The Genetic Theory of Natural Selection / R. A. Fisher // New York : Dover Publications, 1930.
19. **Hersch, L.** De la demographie actuelle a la demographie potentielle / L. Hersch. — Geneve, 1944.
20. **Spencer H.** A Theory of population, deduced from the general law of animal fertility / H. A. Spencer // *The Westminster Review*. — 1852. — No. 57. — P. 468–501.
21. **Stewart, J.** Empirical mathematical rules concerning the distribution and equilibrium of population / J. Stewart // *Geographical Review*. — 1947. — No. 37(3). — P. 461–485.
22. **Zipf G.** The P1P2/D hypothesis: On the intercity movement of persons / G. Zipf // *American Sociological Review*. — 1946. — No. 11(6). — P. 677–686.
23. **Изард, У.** Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / У. Изард. — Москва : Прогресс, 1966. — 660 с.
24. **Роубичек, В.** Демографические прогнозы и потенциальная демография / В. Роубичек // Демографические прогнозы. — Москва, 1973. — С. 31–73.
25. **Архангельский, В. Н.** Факторы рождаемости / В. Н. Архангельский; МГУ имени М. В. Ломоносова, Экономический факультет, Центр по изучению проблем народонаселения. — Москва : ТЕИС, 2006. — 399 с. EDN: QOPDZV
26. **Архангельский, В. Н.** Демографическое поведение и его детерминация (по результатам социолого-демографического исследования в Новгородской области) / В. Н. Архангельский, В. В. Елизаров, Н. В. Зверева [и др.]. — Москва : ТЕИС, 2005. — 351 с. EDN: KZVJJF
27. **Сукнева, С. А.** Оценка территориальной дифференциации демографических процессов / С. А. Сукнева // Устойчивый Север: общество, экономика, экология, политика: сборник трудов IV всероссийской научно-практической конференции (Якутск, 13–14 марта 2018 г.). — Якутск : Аэтерна, 2018. — С. 261–266. EDN XSJKVF
28. **Рыбаковский, Л. Л.** Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России / Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. — 2008. — № 10. — С. 81–87. EDN: JSHTYR

Сведения об авторах:

Кондратьева Валентина Ильинична, к.э. н., зав. лабораторией экономики народонаселения и демографии, НИИ региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.

Контактная информация: e-mail: kwi202@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4373-3189; РИНЦ AuthorID: 1104572.

Тарасова-Сивцева Оксана Михайловна, старший научный сотрудник, НИИ региональной экономики Севера Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.

Контактная информация: e-mail: Toksana19@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9486-4584; РИНЦ AuthorID: 644083.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.3

METHODOLOGY FOR ASEESSING DEMOGRAPHIC WELL-BEING OF THE NORTHERN REGIONS OF THE RESOURCE TYPE

Valentina I. Kondratieva*, Oksana M. Tarasova-Sivtseva

North-Eastern Federal University in Yakutsk
(58 Belinsky str., Yakutsk, Russia, 677027)

*E-mail: kwi202@mail.ru

Funding:

The article was prepared under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FSRG-2023-0025).

For citation:

Kondratieva V.I., Tarasova-Sivtseva O.M. Methodology for assessing demographic well-being of the Northern regions of the resource type. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 26-38. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.3 (in Russ.)

Abstract. *In today's macroeconomic and political conditions, demographic trends in the Russian Federation, which are characterized by population decline, it is necessary to identify positive directions and targets of demographic policy, which will raise the level of well-being of the population and improve its quality of life, and therefore, to expand accordingly the use of the concept of «demographic well-being» in monitoring and analysis. Demographic science does not yet use the concept of «well-being», although certain signs of its implementation from psychology and sociology are noted [1]. Demographic development of regions is an important aspect of the study, since it is directly related to the socio-economic state and prospects for further development of the Northern territories that will improve the demographic well-being and cope with the challenges facing modern society. At the state level, demographic processes are considered primarily in terms of national security by such domestic researchers as V.A. Iontsev, L.L. Rybakovsky, S. V. Soboleva, A. G. Vishnevsky and others. The purpose of the study is to present methodological tools for analyzing modern trends in the demographic development of the Northern regions based on complex indicators that allow assessing «demographic well-being» by qualitative and quantitative characteristics of the population. As a result of the work, a typology of Russian regions has been developed with the account of their demographic characteristics and differences. Groups of regions with similar trends and demographic characteristics are identified, that makes it possible to assess more accurately the level of demographic development and compare it by regions. The article is addressed to representatives of government authorities, researchers, teachers and students of higher and secondary specialized educational institutions who are interested in various aspects of the development and implementation of the state demographic policy in Russia.*

Keywords: *fertility, mortality, migration, demographic well-being, demographic indicators, Northern regions.*

References and Internet sources

1. Ryazancev S. V., Rostovskaya T. K., et al. Demograficheskoye blagopoluchiyey Rossii. Natsional'nyy demograficheskij doklad [*Demographic Well-Being of Russia. National demographic report*]. Ed. S. V. Ryazancev, FNISTs RAN [FCTAS RAS]. Moscow. Perspektiva. 2022. 108 p. (in Russ.)
2. Valentej D. I., Zvereva N. V. Izucheniyey narodonaseleniya: voprosy metodologii [*Studying Population: Issues of Methodology*]. Moscow. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow University Press]. 1987. 156 p. (in Russ.)
3. Valentej D. I., Kvasha A. Ya. Osnovy demografii [*Fundamentals of Demography*]. Moscow. Mysl' [Thought]. 1989. 286 p. (in Russ.)
4. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900–2000 [*Demographic Modernization of Russia: 1900–2000*]. Ed. A. G. Vishnevskiy. Moscow. Novoje izdatel'stvo [New Publishers]. 2006. 608 p. (in Russ.)
5. Zubarevich N. V. Sotsial'noje razvitiye regionov Rossii [*Social Development of Regions of Russia*]. Moscow. LIBROKOM. 2012. 264 p. (in Russ.)
6. Iontsev V. A., Magomedova A. G. Demograficheskijye aspekty razvitiya chelovecheskogo kapitala v Rossii i yeyo regionah [Demographic aspects of human capital development in Russia and its regions]. *Ekonomika regiona* [*Economy of Regions*]. 2015. No. 3(43). P. 89–102. (in Russ.)
7. Ryazantsev S. V., Miryazov T. R. Demograficheskoye blagopoluchiyey: teoreticheskijye podhody k opredeleniyu i metodika otsenki [Demographic well-being: theoretical approaches to definition and assessment methodology]. *DEMIS. Demograficheskijye issledovaniya* [*DEMIS. Demographic Research*]. 2021. T. 1. No. 4. P. 5–19. (in Russ.)
8. Demograficheskoye razvitiye Rossii v 21 v. [*Demographic Development of Russia in the 21st Century*]. Eds. G. V. Osipov and L. L. Rybakovskiy. Moscow. Econ-Inform. 2009. 340 p. (in Russ.)
9. Demograficheskaya entsiklopediya [*Demographic Encyclopedia*]. Eds. A. A. Tkachenko, A. V. Anoshkin, M. B. Denisenko, et al. Moscow. Entsiklopediya [Encyclopedia]. 2013. 944 p. (in Russ.)
10. Barashkova A. S. Severnaya sem'ya: demograficheskij i sotsial'no-ekonomicheskijye aspekty [*Northern Family: Demographic and Socio-Economic Aspects*]. Novosibirsk. Nauka [Science]. 2009. 159 p. (in Russ.)
11. Mostakhova T. S. Demograficheskaya bezopasnost' regiona [*Demographic Security of Region*]. Yakutsk. Izd-vo Yakutskogo nauchnogo tsentra SO RAN [Yakutsk Scientific Center of the SB RAS]. 2009. 188 p. (in Russ.)
12. Sukneva S. A., Mostakhova T. S. Demograficheskoye razvitiye regiona: Otsenka, prognoz, politika [*Demographic Development Region: Assessment, Forecast, Policies*]. Novosibirsk. Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN [SB RAS]. 2002. 192 p. (in Russ.)
13. Fedorova E. N. Naseleniyey Yakutii: proshloje i nastoyashcheje (demograficheskoye issledovaniye) [*Population of Yakutia: Past and Present (Demographic study)*]. Novosibirsk. Nauka [Science]. 1999. 207 p. (in Russ.)
14. Egorov E. G. Strategiya modernizatsii ekonomiki Respubliki Sakha [*Strategy for Modernization of the Economy of the Sakha Republic*]. Novosibirsk. Nauka [Science]. 2001. 262 p. (in Russ.)
15. Sukneva S. A., Mostakhova T. S., et al. Demograficheskaya situatsiya v Respublike Saha (Yakutiya): problemy i perspektivy [*Demographic Situation in the Sakha Republic (Yakutia): Problems and Prospects*]. Yakutsk. Yakutskiy filial Izdatel'stva SO RAN [Yakutsk Branch of the Publishing House of the SB RAS]. 1994. 72 p. (in Russ.)
16. Van de Kaa D. J. Anchored narratives: the story and findings of half a century of research into the determinants of fertility. *Population Studies*. 1996. Vol. 50. No. 3. P. 389–432.

17. Malthus T.R. An Essay on the Principle of Population, as it Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and Other Writers. The Lawbook Exchange Ltd. 1998. 126 p.
18. Fisher R. A. The Genetic Theory of Natural Selection. New-York. Dover Publications. 1930.
19. Hersh L. De la demographic actuelle a la demographic potentielle. Geneve. 1944.
20. Spencer H. A. Theory of population, deduced from the general law of animal fertility. *The Westminster Review*. 1852. No 57. P. 468–501.
21. Stewart J. Empirical mathematical rules concerning the distribution and equilibrium of population. *Geographical Review*. 1947. No. 37(3). P. 461–485.
22. Zipf G. The P1P2/D hypothesis: On the intercity movement of persons. *American Sociological Review*. 1946. No. 11(6). P. 677–686.
23. Isard W. Metody regional'nogo analiza: vvedeniye v nauku o regionah [*Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science*]. Moscow. Progress. 1966. 660 p. (in Russ.)
24. Roubichek V. Demograficheskiye prognozy i potentsial'naya demografiya [Demographic forecasts and potential demography]. Demograficheskiye prognozy [*Demographic Forecasts*]. Moscow. 1973. P. 31–73. (in Russ.)
25. Arkhangelsky V.N. Faktory rozhdaemosti [*Fertility Factors*]. Moscow. TEIS. 2006. 399 p. (in Russ.)
26. Arkhangelsky V.N., Elizarov V.V., Zvereva N.V., et al. Demograficheskoje povedeniye i yego determinatsiya (po rezul'tatam sotsiologo-demograficheskogo issledovaniya v Novgorodskoj oblasti) [*Demographic Behavior and Its Determination (based on the results of a socio-demographic study in Novgorod blast)*]. Moscow. TEIS. 2005. 351 p. (in Russ.)
27. Sukneva S.A. Otsenka territorial'noj differentsiatsii demograficheskikh protsessov [Evaluation of territorial differentiation of demographic processes]. Ustojchivyy Sever: obshchestvo, ekonomika, ekologiya, politika: sbornik trudov IV vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii [*Sustainable North: Society, Economy, Ecology, Policy*]. Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference]. Yakutsk. Aeterna. 2018. P. 261–266. (in Russ.)
28. Rybakovsky L.L. Sravnitel'naya otsenka demograficheskogo neblagopoluchiya regionov Rossii [An interregional comparison of social troubles in Russia]. Sotsiologicheskkiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2008. No. 10. P. 81–87. (in Russ.)

Information about the author:

Kondratieva Valentina Ilyinichna, Candidate of Economics, Head of Laboratory, Research Institute of Regional Economics of the North, North-Eastern Federal University in Yakutsk (NEFU), Yakutsk, Russia.

Contact information: e-mail: kwi202@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4373-3189; Elibrary AuthorID: 1104572.

Tarasova-Sivtseva Oksana Mikhailovna, Senior Researcher, Research Institute of Regional Economics of the North, North-Eastern Federal University in Yakutsk (NEFU), Yakutsk, Russia.

Contact information: e-mail: Toksana19@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9486-4584; Elibrary AuthorID: 644083.

Статья поступила в редакцию 22.06.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.4
EDN: FNKLXQ

ОСОБЕННОСТИ НОВОГО КИТАЙСКОГО ПРОНАТАЛИЗМА

Русанова Н. Е.^{1*}, Ван Е.²

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский просп., 32)

²ООО «ВЛВ ГРУП»
(115432, Россия, Москва, ул. Трофимова, 14–1)

*E-mail: ner238@rambler.ru

Для цитирования:

Русанова Н. Е., Ван Е. Особенности нового китайского пронатализма // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 39–51. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.4; EDN: FNKLXQ

Аннотация. Изменение в 2016 г. китайской демографической политики кардинально переориентировало ее на повышение рождаемости. Отказ от однодетности начался с разрешения иметь второго ребенка, и через короткое время дополнился стимулированием вторых рождений. Опыт мирового пронатализма показывал, что самый массовый и быстрый отклик в виде увеличения числа новорождённых можно достичь с помощью социально-экономических инструментов, позволяющих не допустить ухудшения условий жизни семей после рождения ребёнка. Региональное многообразие Китая обуславливает вариативность комплексов таких мер, но везде они начинаются с целевых «детских» выплат и создания условий для того, чтобы рождение ребенка не прерывало профессиональную карьеру женщины, после чего расширяются за счёт социальной помощи семьям с детьми, облегчения налогового бремени, снижения расходов на жилье и образование, а также мер, актуальных для конкретных групп населения (многодетных семей, одиноких матерей и других). Основным критерием адресности поддержки становится число детей, но размеры и формы её оказания зависят от локальных возможностей. С ростом уровня жизни значимость материальных факторов репродуктивного выбора снижается, важнее становятся условия, позволяющие соединять родительство и профессию, а также внутрисемейные традиции многодетности, желание иметь детей разного пола и сохранение физиологической фертильности с помощью эффективной безопасной контрацепции. Среди мер, учитывающих национальную специфику и многолетнее антинаatalное регулирование – расширение доступности программ вспомогательной репродукции в соответствии с общемировыми тенденциями и развёртывание пропаганды трёхдетной семьи среди населения репродуктивного возраста, значительная часть которого относится к поколению, осознанно ориентированного на малодетность.

Ключевые слова: политика рождаемости, пронатализм, антинатализм, однодетность, многодетность, вспомогательные репродуктивные технологии

Введение

Сегодня для Китайской Народной Республики (КНР) важно повышение рождаемости, поскольку в результате длительной политики обязательной однодетности демографическая ситуация осложнилась — в 2022 г. общий коэффициент рождаемости составил 6,77‰, общий коэффициент смертности — 7,37‰¹(табл. 1).

условили своеобразие естественного движения населения КНР: массовую однодетность, гендерный дисбаланс, ускоренное старение [1–5]. Эконометрические модели показали, что большая численность населения и региональная неоднородность Китая усиливают пространственную дифференциацию общественно-экономического развития [6], а взаимосвязь рождаемости с уровнем жизни приводит к необходимо-

Таблица 1
Некоторые характеристики населения КНР по данным переписей 1982–2020 гг.

Table 1

Some characteristics of the PRC population according to the 1982–2020 censuses

Характеристика	1982	1990	2000	2010	2020
Общая численность, млн человек	1008,18	1133,68	1265,83	1339,72	1411,78
Мужчины, млн человек	519,44	584,95	653,55	682,33	723,34
Женщины, млн человек	488,74	548,73	612,28	650,48	688,44
Число мужчин на 100 женщин	106,30	106,60	106,74	104,90	105,07
Средний размер семьи, человек	4,41	3,96	3,44	3,10	2,62
Возрастная структура (% от всего населения)					
0–14	33,59	27,69	22,89	16,60	17,95
15–59	...	...	...	70,14	63,35
15–64	61,50	66,74	70,15	...	...
60 и более	...	...	...	13,26	18,70
65 и более	4,91	5,57	6,96	8,87	13,50
Национальный состав					
Китайцы (ханьцы), млн человек	940,88	1042,48	1159,40	1220,84	1286,31
% в общей численности	93,32	91,96	91,59	91,12	91,11
Национальные меньшинства, млн человек	67,30	91,20	106,43	118,88	125,47
% в общей численности	6,68	8,04	8,41	8,88	8,89

Источник. Основные показатели 7-й Всекитайской переписи населения 2020 года. — URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (дата обращения: 12.11.2022).

Формальное смягчение однодетности и разрешение иметь двоих-троих детей не изменили ситуацию, что актуализировало анализ результативности мер стимулирования рождаемости в 2016–2023 годах. Данные официальной статистики, профессиональных объединений, социологических опросов показывают, что предпосылки современного китайского пронатализма изучались уже при активной однодетности. Общие демографические закономерности и институциональный антинатализм об-

сти выбирать региональные меры с учётом локальных факторов и общегосударственных задач по фискальной поддержке социальной защиты, финансированию образования, урбанизации, жилищной политики [7–12]. Опыт стран, кардинально изменивших направление регулирования рождаемости (например, Сингапур в 1980-е гг.), показывает, что этот переход высвечивает проблемы с повышением среднего возраста материнства, временем на присмотр за детьми, сохранением фертильности и определением стоимости человеческого капита-

¹ National Bureau of Statistics of China. National data. Annual. Indicators. Population. — URL: <https://data.stats.gov.cn> (дата обращения: 01.06.2023).

ла с учётом инвестиций в новые рождения [13].

История вопроса

Значимость населения как фактора развития КНР настолько велика, что уже первые законы регулировали естественный прирост в соответствии с текущей ситуацией. «Закон о браке» (1950) стимулировал рождаемость, но документ № 45 Центрального комитета Компартии Китая—ЦК КПК (1955) наоборот—ограничивал, прерываясь в периоды «Большого скачка» (1958–1961 гг.) и «Культурной революции» (с 1966 г.). В 1971 г. антинатализм усилился (документ № 51 Госсовета КНР), в 1978 г. в Конституции КНР отмечалось, что «государство поощряет плановое деторождение и ведёт работу в данном направлении» (ст. 53)², документ № 69 ЦК КПК уточнил: «лучше всего один ребёнок, максимум двое», затем демографическая политика стала частью экономических реформ и программы «четырёх модернизаций» [5, с. 475]. По Конституции КНР 1982 г. «государство осуществляет планирование рождаемости с тем, чтобы привести в соответствие рост населения с планами экономического и социального развития» (ст. 25).

Такой связанный с определёнными условиями антинатализм корректировался по категориям населения: документ № 7 ЦК КПК (1984) дифференцировал права на второго ребёнка по регионам и поселениям. В 1985–1999 гг. «Положения о планировании рождаемости» в разных провинциях предлагали меры, учитывающие и локальную специфику, и обязанности детей по содержанию родителей/бабушек/дедушек. Так, в Северо-Восточном регионе с очень низкой рождаемостью (провинции Ляонин, Хэйлуцзян, Цзилинь) второй ребёнок разрешался, если первый—инвалид или ограничено трудоспособен, либо оба супруга были единственными детьми; сельские семьи, где уже родилась девочка или один супруг был единственным ребёнком либо имел брата/старшую сестру с нарушением

репродуктивности, получали право родить ещё одного; если после развода только один супруг имел ребёнка от предыдущего брака, то в новой семье ребёнок допускался. Преференции распространялись на трудоёмкое лесное хозяйство и рыболовство, а сохранение самых малочисленных национальностей было настолько важным, что им позволялся и третий ребёнок [14]—для основного населения провинции Ляонин, малочисленных этнических групп провинции Цзилинь, сельских семей из приграничных районов провинции Хэйлуцзян [5, с. 476].

По «Закону о народонаселении и планировании семьи» от 29.12.2001 «государство стабилизирует политику рождаемости, поощряет граждан к позднему вступлению в брак и позднему рождению детей и выступает за то, чтобы у пары был один ребёнок; если соблюдены условия, предусмотренные законами..., они могут обратиться с просьбой организовать рождение второго ребёнка» (ст. 18)³. По мере модернизации экономики и повышения уровня жизни на фоне демографических деформаций (гендерного дисбаланса, старения населения и проч.) число пронатальных компонентов росло, и в 2009 г. все провинции разрешили иметь двух детей, если оба супруга сами были единственными детьми, а в 2013 г. большинство провинций распространили это право на семьи, где единственным ребёнком был только один супруг.

Усиливающиеся неблагоприятные социально-демографические тенденции при построении среднезажиточного общества «сяокан» предопределили общегосударственный «пронатальный разворот»: в редакции «Закона о народонаселении...» от 27.12.2015 «государство агитирует за рождение одной супружеской парой двух детей» (ст. 18). Первыми стали разрешительные меры: с 2016 г. антинатальные запреты были сняты и право на двухдетность получили все⁴. Но относительно немногочис-

² Конституция Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978 и 1982 гг.—Москва, 1983.— 111 с.

³ Закон Китайской Народной Республики о народонаселении и планировании семьи.—URL: http://www.gov.cn/banshi/2005-08/21/content_25059.htm (дата обращения: 01.06.2023).

⁴ Закон Китайской Народной Республики о народонаселении и планировании семьи 2001.—URL: <https://>

ленное «поколение без братьев и сестёр», рождённое после 1980-х гг. и воспитанное в «культуре однодетности», оказалось не готовым к этому из-за больших «детских» расходов, карьерных целей, отсутствия времени на воспитание: по локальным оценкам, $\frac{3}{4}$ китайцев считали единственного ребёнка нормой⁵, $\frac{2}{3}$ семей уже имели второго ребёнка, а большинству из оставшихся 12 млн пар репродуктивного возраста мало было простого разрешения⁶, тем более, что 6,1% китайских женщин в 2015 г. назвали себя добровольно бездетными⁷. Те, кто хотел второго, объясняли это желанием оградить детей от социального одиночества, рисками, связанными с единственными детьми, поддержкой в старости, актуальной при китайской пенсионной системе⁸. То есть, пронатальный разворот затронул лишь тех, чьи репродуктивные намерения не изменились или еще не сформировались, разрешение двухдетности позволило легализовать уже родившихся «скрытых детей» (не имеющих базового регистрационного документа хукоу), но принесло не свободу репродуктивного выбора, а увеличение допустимого числа детей в семье.

После краткого всплеска рождаемость вновь снизилась: в 2016 г. родилось 17,9 млн человек, в 2017 г.— 17,2 млн человек, в 2018 г.— 15,2 млн человек⁹, и были при-

няты стимулирующие меры, аналогичные эффективным в соседних странах, близких по менталитету и демографическим структурам. Так, японские разовые вознаграждения, субсидии, налоговые льготы и увеличение декретного отпуска при вторых рождениях представлялись предпочтительнее российских выплат за первенцев, а опыт «лимитированной двухдетности» во Вьетнаме и Сингапуре принимался с поправкой на то, что там двое детей были целью снижения, а не повышения числа рождений.

Право корректировать пронатальные меры получили и отдельные населённые пункты: город Сяньнин (провинция Хубэй) предложил государственным организациям вводить гибкий график работы и продлевать отпуск по беременности и родам женщинам с двумя или более детьми до шести месяцев и отпуск по уходу за ребёнком до одного месяца; город Шихэзи (Синьцзян-Уйгурский автономный район) ввел пособия при рождении и пособия на молочные смеси для второго ребёнка до трех лет¹⁰. Во всей стране отпуск по беременности и родам перестал зависеть от регистрации брака¹¹. С 2019 г. налоговый кредит позволил ежемесячно вычитать из дохода родителей 1 тыс. юаней за обучение каждого ребёнка¹².

Поскольку национальная политика рождаемости предусматривала снижение зависимости вторых рождений от семейных доходов, она дифференцировалась с учётом специфики регионов и групп населения. Всегда существовали семьи, материальная обеспеченность которых не мешала дополнительным рождениям, поэтому в рамках государственной задачи общего повышения уровня жизни населения актуализировалось изучение их пронатальной мотива-

chinalaw. center/administrative_law/china_population_family_planning_law_revised_2015_russian/ (дата обращения: 01.06.2023).

⁵ China's one-child policy relaxed, millions of women get contraceptives removed.—URL: <http://www.msn.com/en-in/news/world/china%E2%80%99s-one-child-policy-relaxed-millions-of-women-get-contraceptives-removed/ar-AA1xkpr>

⁶ National Bureau of Statistics of China. National data. Annual. Indicators. Population.—URL: <https://data.stats.gov.cn> (дата обращения: 01.06.2023).

⁷ Li Hang Trending in China: More Women Just Say 'No' to Having Kids.—URL: <https://www.caixinglobal.com/2023-02-15/trending-in-china-more-women-just-say-no-to-having-kids-101998324.html>.

⁸ Deng Junfang. Second-child policy contributes to China's largest newborn population in 16 years 2017–01–23.—URL: http://news.cgtn.com/news/3d51544e346b544d/share_p.html; Закон о защите прав и интересов пожилых людей от 29.08.1996 с поправками 2012, 2015, 2018 гг.—URL: www.prc.gov.cn (дата обращения: 25.05.2023).

⁹ National Bureau of Statistics of China. National data. Annual. Indicators. Population.—URL: <https://data.stats.gov.cn> (дата обращения: 01.06.2023).

¹⁰ Wang Jianfen, Cao Zinan. Many Chinese regions give incentives for birth of 2nd child.—URL: www.chinadaily.com.cn 2018–09–05 (дата обращения: 25.05.2023).

¹¹ Zheng Sarah. China Vows to Ensure Unmarried Mothers Get Equal Maternity Leave.—URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-18/china-vows-to-ensure-unmarried-mothers-get-equal-maternity-leave> 18.08.2022 (дата обращения: 05.05.2023).

¹² China unveils special individual income tax deductions Xinhua, Updated: 2018–12–23.—URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201812/23/W55c1e2dc0a3107d4c3a002446.html> (дата обращения: 05.05.2023).

ции. Одна из таких групп — работающие за границей, число которых растёт из-за проблем с внутренним трудоустройством.

В 2018 г. одним из авторов был проведён онлайн-опрос граждан КНР, длительное время работающих за рубежом — 129 человек ответили на анкету из 18 вопросов: пол, возраст, образование, наличие детей у самих опрошенных и их родителей/бабушек/дедушек, постоянное место работы, финансовое положение, предыдущее место жительства в Китае, идеальное, желаемое и фактическое число детей. Базовым критерием была работа за рубежом, поэтому не ставилась задача соответствия структуры респондентов структуре населения КНР¹³. Опрос показал, что при текущих доходах 61% респондентов хотели бы двоих детей, при улучшении — больше.

После 2016 г. традиционные пронатальные меры, скорректированные на китайскую специфику, не смогли преодолеть последствия массовой однодетности, сохраняя тенденции снижения рождаемости. Экономические успехи показали, что главной проблемой Китая является не численность населения, а повышение качества человеческого капитала, выраженное в удлинении продолжительности жизни, улучшении здоровья и образования населения. Такие вопросы актуальны в странах со стабильно низкой рождаемостью, поднять которую можно за счёт рождения хотя бы третьего ребёнка.

Новый демографический ориентир — трёхдетная семья

¹³ 71% всех респондентов — мужчины, 69% старше 29 лет; 49% имели высшее, 45% — незаконченное высшее, 6% — среднее общее образование; 79% были выходцами из городов с населением 0,5–1 млн человек, 18% — с населением 0,1–0,5 млн человек, 3% — с населением более 1 млн человек; 77% респондентов считали свой доход средним («хватает на все самое необходимое, но делать сбережения не могу»), 9% — низким («хватает только на еду и одежду»), 8% ответили, что могут делать ежемесячные сбережения, а 2% назвали себя хорошо обеспеченными. 90% покинули КНР в возрасте 23–25 лет и к моменту опроса работали за рубежом более пяти лет; 34% состояли в официальном браке, 31% — в неофициальном, 35% не имели серьёзных отношений; 91% работали в Москве и Санкт-Петербурге; у 98% родители/бабушки/дедушки происходили из двухдетных семей; 86% респондентов не имели детей, у 11% было по одному ребёнку (87% мальчики), у 3% — двое детей.

26 июня 2021 г. постановление ЦК КПК и Госсовета КНР «Об оптимизации политики в области рождаемости и содействии долгосрочному сбалансированному демографическому развитию»¹⁴ обозначило переход к новому этапу демографического развития, с выбором числа детей от одного до трех. Предлагаемые меры рассматривали брак, рождение и воспитание детей как единое целое и оперативно реагировали на запросы населения: города Шанхай, Пекин, Тяньцзинь, провинции Чжэцзян, Аньхой, Хэнань, Гуандун ввели субсидии на аренду и покупку жилья, увеличили продолжительность декретного отпуска и пособия на детей¹⁵. Пронатализм подтвердили решения XX съезда КПК (2022 г.), нацеленные на превращение Китая к 2050 г. «в могущественную и богатую, демократическую и цивилизованную, гармоничную социалистическую державу»¹⁶. Поскольку социально-экономические характеристики населения после пронатального разворота стали более соответствовать второму демографическому переходу (так, к 2020 г. добровольная бездетность у женщин выросла почти до 10%, а около 7% студентов отказывались от брака и детей из-за финансовых проблем и профессиональных целей¹⁷), сразу вводились стимулирующие меры. В 2022 г. рекомендации Национальной комиссии здравоохранения по налоговой, жилищной, трудовой и образовательной политике предусматривали улучшение

¹⁴ Постановление ЦК КПК и Госсовета КНР «Об оптимизации политики в области рождаемости и содействии долгосрочному сбалансированному демографическому развитию» от 26.06.2021. — URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-07/20/content_5626190.htm (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁵ Трое детей в семье. Журнал «Китай» 2022–01–14. — URL: http://www.kitaichina.com/rzhengzhi/202201/t20220114_800273045.html (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁶ Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. — URL: fmprc.gov.cn/...zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁷ Чжао Юаньюань. Профессора раскритиковали за предположение, что социальные сети сделают Китай бездетным. — URL: <https://thechinaproject.com/2022/04/27/professor-slammed-after-suggesting-social-media-will-make-china-childless>; Li Hang Trending in China: More Women Just Say 'No' to Having Kids. — URL: <https://www.caixinglobal.com/2023-02-15/trending-in-china-more-women-just-say-no-to-having-kids-101998324.html> (дата обращения: 05.04.2023).

жизни семей с детьми в разных регионах и группах населения: поощрительные меры уточнялись на местах, например, в крупных городах материнские субсидии полагались семьям с одним ребёнком и увеличивались с числом детей. В провинциях Цзянси и Цзилинь льготное медицинское обслуживание и страхование снижает расходы на роды и уход за новорождённым; город Цзююань (провинция Ганьсу) с 2023 г. предоставляет двухдетным семьям одновременную субсидию в 50 тыс. юаней, с тремя — 100 тыс. юаней; провинция Цзянси дает выбор между арендой государственного жилья и субсидией на оплату частного; город Ханчжоу (провинция Чжэцзян) выделяет несколько субсидий одновременно; в провинции Юньнань субсидии по беременности и родам при официальном браке с двумя и тремя детьми возможны и в сельской местности¹⁸.

Таким образом, на практике реализовывались условия трёхдетности, априори аналогичные двухдетности: доходы, здоровье, жилье и работа родителей, время на воспитание детей. Третий ребёнок означает, что в семье уже были двое, рождённые в период, когда второго разрешали вернувшимся из-за границы гражданам Китая¹⁹, а «материнский туризм» был так популярен, что в Гонконге вводились квоты на число рожениц с материка²⁰. «Потенциал трёхдетности» в провинциях с большой долей национальных меньшинств, в семьях с высоким доходом и других стал темой статистических и социологических исследований [15; 16]. В связи с этим авторами была поставлена цель изучения субъективной мотивации о третьем ребёнке у работающих за рубежом — опрос 2018 г. показал, что их текущие доходы не мешали рождению второго ребёнка. Задача электронного опроса в декабре 2022 г. в Китае состояла в выяснении причин, обуславливающих выбор в пользу третьего ребёнка при

отсутствии материальных проблем. Вопросы были аналогичны анкете 2018 г., респонденты разделились на три группы по 150 человек: работающие за рубежом на момент опроса (группа А), работавшие за рубежом ранее (группа Б), и контрольная группа никогда не работавшие за рубежом (группа В). Разделение требовалось из-за того, что часть работавших вернулись в пандемию, даже с потерей доходов. Результаты опроса можно считать общим направлением формирования мнений о трёхдетности в семьях без финансовых проблем (рис. 1).

Все опрошенные были ханьцами, преобладали мужчины (А — 70%, Б — 65%, В — 68%), большинство респондентов достигли возраста 30 лет (А — 72%, Б — 75%, В — 82%), не испытывали финансовых проблем (рис. 1), имеют или имели формальную либо фактическую семью; среди работающих за рубежом на момент опроса была высока доля незамужних/неженатых (рис. 2). До отъезда все жили в городах (рис. 3а и 3б). Большинство вели частный бизнес (рис. 4), работают или работали за рубежом более 10 лет (рис. 5), в России (А — 59%, Б — 35%) и США (А — 36%); реже в Европе (А — 15%, Б — 19%) и иных странах (А — 13%, Б — 11%).

Все респонденты имели детей, в каждой группе были даже трёхдетные семьи, а структура «детности» примерно одинакова (рис. 6). Причины на прошедшем этапе исследования не выяснились, но могут быть особенностями выборки, где оказались респонденты с высокими доходами и официальным правом на вторых детей в период однодетности. Другой особенностью было наличие почти у всех родных братьев и сестёр: А — 100%, Б — 99%, В — 97%, а у их бабушек и дедушек во всех группах — по трое и более детей. Внутрисемейные традиции многодетности могут стать решающими при индивидуальном пронатальном выборе, если материальное положение перестает быть главным фактором — каждому пятому из работающих и никогда не работавших за границей и каждому третьему из работавших за границей ранее, желаемое число детей безразлично, остальные хотели бы ограничиться одним ребёнком любого пола, либо двумя разнополыми (рис. 7).

¹⁸ Чжоу Виньтао, Линь Биэфэн. Материнские субсидии были введены во многих местах, и необходимо принять комплексные меры. Информационное агентство Синьхуа, Пекин, 22.03.2023. — URL: http://www.news.cn/2023-03/22/c_1129454817.htm (дата обращения: 05.05.2023).

¹⁹ Guo Qiang. Are the rich challenging family planning policy? — URL: chinadaily.com.cn/china/2006-12/28/content_770107.htm (дата обращения: 05.05.2023).

²⁰ Одна семья — один ребёнок: результаты и последствия. — URL: <https://laowai.ru/odna-semya-odin-rebenok-rezultaty-i-posledstviya/> (дата обращения: 05.05.2023).

Рис. 1. Распределение респондентов по самооценке семейного дохода, %
 Fig. 1. Distribution of respondents by self-assessment of family income, %

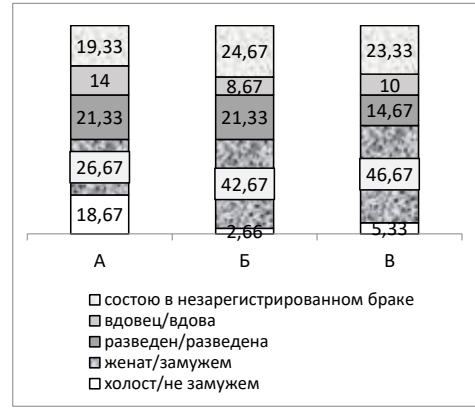
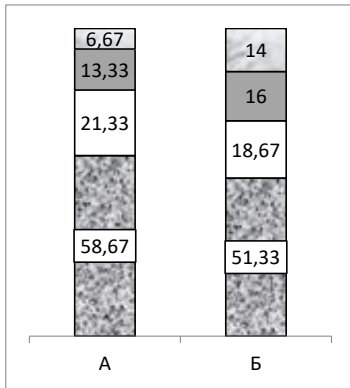
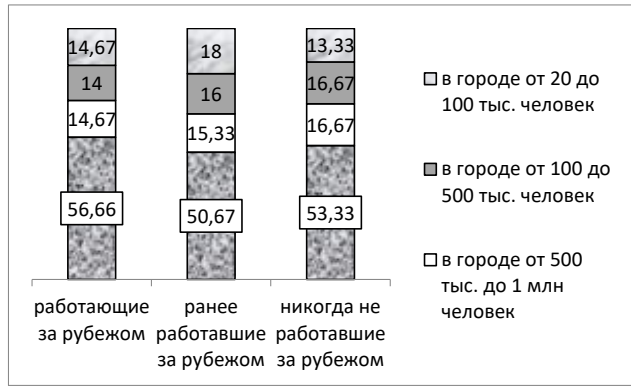

Рис. 2. Семейный статус опрошенных, %
 Fig. 2. Family status of respondents, %

Источник рис. 1–7: результаты авторского опроса.

а. жили своей семьёй до отъезда на работу за рубеж

б. жили с родителями

Рис. 3. Распределение респондентов по месту проживания, %
 Fig. 3. Distribution of respondents by place of residence, %

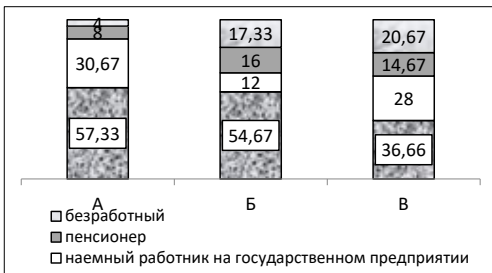
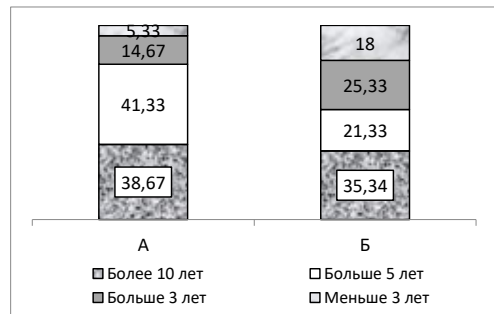

Рис. 4. Распределение респондентов по сферам занятости, %
 Fig. 4. Distribution of respondents by branches of employment, %

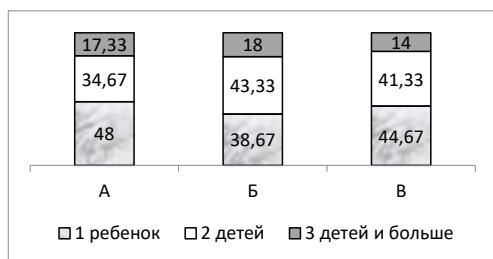

Рис. 6. Реальное число детей у опрошенных, %

Fig. 6. The actual number of children among the respondent, %

С учётом общего уровня жизни и возрастания потребностей, финансовая помощь семьям с детьми не теряет актуальности. Например, в городе Шэньчжэнь провинции Гуандун предлагается накапливать семейные субсидии три года до 19 тыс. юаней (2,8 тыс. долларов США), выдавать единовременное пособие по беременности и родам 3 тыс. юаней и дополнительно 1,5 тыс. юаней в год уже после рождения первенца, после второго — одновременно 5 тыс. юаней и суммарно по 11 тыс. юаней за три года, после третьего и последующих — одновременно 10 тыс. юаней и ежегодно 3 тыс. юаней, пока ребёнку не исполнится три года²¹. Административные меры также направлены на создание условий нескольким детям, чтобы, например, родители могли выбрать одно на всех учебное заведение для детей разных возрастов из одной семьи (город Цзинань)²².

Новые пронатальные приоритеты китайской демографической политики исходят из того, что для изменения рождаемости в условиях поведенческой инертности необходимо не только решить проблемы материального содержания детей, но и стабилизировать социальные ожидания моло-

²¹ Соловьёва О. Пекин и Москва по-разному стимулируют рождаемость // Независимая газета 19.01.2023. — URL: https://www.ng.ru/economics/2023-01-19/4_8639_natality.html (дата обращения: 05.05.2023).

²² Чжоу Виньтао, Линь Биэфэн. Материнские субсидии были введены во многих местах, и необходимо принять комплексные меры. Информационное агентство Синьхуа, Пекин, 22.03.2023. — URL: http://www.news.cn/2023-03/22/c_1129454817.htm (дата обращения 05.05.2023) (дата обращения: 05.05.2023).

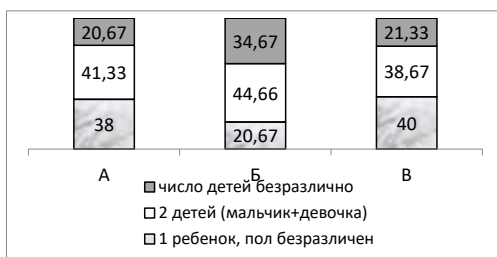

Рис. 7. Мнения опрошенных о числе детей, %

Fig. 7. Opinions of respondents about the number of children, %

дёжи²³. Политика однодетности актуализировала снижение числа рождений, для чего практиковались аборты и контрацепция, приведшие к тому, что после отмены антинатальных запретов почти половина пар достигла возраста, когда беременность физиологически затруднена. Это повышает значимость медико-социальных инструментов пронатальной регуляции, принципиальная возможность которого отмечена в ст. 17 «Закона о народонаселении»: «Граждане имеют право на продолжение рода и обязаны осуществлять планирование семьи в соответствии с законом. И муж, и жена несут общие обязанности по осуществлению планирования семьи»²⁴.

При доминировании антинатальности аборты и, в меньшей степени, контрацепция, часто ассоциировались с необратимой стерилизацией и принудительным прерыванием беременности. Для сокращения селективных абортов «Положения о запрете определения пола плода в немедицинских целях и прерывания беременности по признаку пола» (2003) предписывали разрешение на аборт от окружного Бюро планирования семьи. Такие ограничения особо остро воспринимались в центральном и южном Китае, исторически ориентированном на многодетность и маскулинность: напри-

²³ Китайские государственные СМИ: Стимулирование деторождения не может зависеть только от субсидий. — URL: zaobao.com.sg в реальном времени/Китай/story20230126-1356632 (дата обращения: 05.05.2023).

²⁴ Закон Китайской Народной Республики о народонаселении и планировании семьи. — URL: http://www.gov.cn/banshi/2005-08/21/content_25059.htm. (дата обращения: 01.06.2023).

мер, в городе Гуанчжоу первое постановление о планировании семьи (2001) даже не упоминало аборт, версия 2005 г. сделала разрешение обязательным, редакция 2013 г. ввела исключения (например, для незамужних женщин), а в 2018 г. все упоминания о разрешении абортот удалили. По концепции «юшэнью» (улучшения «качества» рождаемости), аборт негативно влияют на здоровье женщины, поэтому в 2022 г. в Китае запретили продажу через Интернет некоторых таблеток для медикаментозного аборта²⁵.

Государство уделяло внимание проблеме бесплодия — с начала 1980-х гг. развивались вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), однако их использование после рождения первенца осложнялось законодательством, семейно-брачными традициями, а также тем, что экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) не является количественной альтернативой естественной репродукции, и высокая доля новорождённых после ЭКО может сопровождаться низкой рождаемостью (Япония) [12]. В 2001 г. Министерство здравоохранения КНР разработало «Административные меры в отношении вспомогательных репродуктивных технологий», которые допускали применение ВРТ только «в медицинских учреждениях с целью лечения и в соответствии с национальной политикой в области планирования семьи, этическими принципами и соответствующими правовыми положениями» (ст. 3), запрещали суррогатное материнство, донорство эмбрионов и половых клеток²⁶. На практике это означало реализацию лишь двух основных программ: искусственной инсеминации и «классического ЭКО».

В 2021 г. Постановление ЦК КПК и Госсовета КНР «Об оптимизации политики в об-

²⁵ Объявление Государственного управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов о выпуске Запрещенного списка интернет-продаж лекарственных средств (первое издание) (№ 111, 2022 г.). — URL: <https://www.nmpa.gov.cn/xxgk/gdtg/qtgdtg/20221130200847133.html> (дата обращения: 01.06.2023).

²⁶ Приказ Министерства здравоохранения КНР № 14 от 20.02.2001 «Меры по применению вспомогательных репродуктивных технологий». — URL: https://www.gov.cn/govweb/fwxh/bw/wsb/content_417654.htm (дата обращения: 10.04.2023).

ласти рождаемости и содействию долгосрочному сбалансированному демографическому развитию» обязало «создать систему обслуживания ВРТ со сбалансированным спросом и предложением..., строго регулировать применение ВРТ, ...стандартизировать услуги по диагностике и лечению бесплодия»²⁷. ВРТ в Китае трактуются как «социально-технический продукт», который выпускают более 500 репродуктивных клиник, ежегодно проводящих около 1 млн циклов ЭКО, дающих жизнь около 300 тыс. детей (около 3% всех новорождённых); обсуждается возможность предоставить всем женщинам, независимо от семейного статуса, доступ к заморозке яйцеклеток и ЭКО²⁸; официально объявлено о включении 16 программ ВРТ в государственное медицинское страхование²⁹.

* * *

За последнее десятилетие китайская демографическая политика сменила вектор с рестриктивного на стимулирующий, но столкнулась с трудностями, характерными для стран, стремящимися увеличить рождаемость. Национальная специфика нового пронатализма отражает роль населения в экономическом развитии страны и трактует его как человеческий потенциал, которому необходимо не просто расширение масштабов, но и повышение качества. Региональное многообразие Китая обуславливает вариативность мер, обеспечивающих самый массовый и быстрый отклик с помощью социально-экономических инстру-

²⁷ Постановление ЦК КПК и Госсовета КНР «Об оптимизации политики в области рождаемости и содействию долгосрочному сбалансированному демографическому развитию» от 26.06.2021 п. 4 (14). — URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-07/20/content_5626190.htm (дата обращения: 01.06.2023).

²⁸ Farah Master, Xiaoyu Yin China weighs giving single women IVF access to stem population decline April 29, 2023. — URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-weighs-giving-single-women-ivf-access-stem-population-decline-2023-04-29>

²⁹ Поднебесная прилагает все усилия для повышения рождаемости Медиакорпорация Китая (CMG), 03.03.2022. — URL: <https://bigasia.ru/podnebesnaya-prilagaet-vse-usiliya-dlya-povysheniya-rozhdaemosti/> (дата обращения: 01.06.2023).

ментов, не допускающих ухудшения условий жизни семей после рождения ребёнка. С ростом уровня жизни значимость материальных факторов репродуктивного выбора снижается, важнее становятся условия, позволяющие соединять родительство

и профессию, а также внутрисемейные традиции многодетности, желание иметь детей разного пола и сохранение физиологической фертильности с помощью современных методов.

Литература и Интернет-источники

1. **Баженова, Е. С.** 1300000000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики / Е. С. Баженова. — Москва : Форум, 2010. — 303 с. EDN YXXNDV
2. **Баженова, Е. С.** Население Китая: новые тенденции в эпоху модернизации и экономических реформ / Е. С. Баженова // Проблемы Дальнего Востока. — 2019. — № 55-1. — С. 101-111. DOI: 10.31857/S013128120007131-5; EDN TZXCQC
3. **Ван, Л.** Пути и формы совершенствования миграции крестьян в города в Китае / Л. Ван // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2020. — Т. 26. — № 2. — С. 226-238. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-226-238; EDN: GLEJHL
4. **Островский, А. В.** Экономика КНР — прогноз до 2030 года. Основные проблемы китайской экономики / А. В. Островский // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. — 2016. — № 2(6). — С. 36-45. EDN: WBORXH
5. **Веремейчик, А. С.** Законодательное регулирование демографической политики в Китае (на примере Северо-Восточного региона) / А. С. Веремейчик // Общество и государство в Китае. — 2013. — Т. 43. — № 2. — С. 474-485. EDN: YPPUOR
6. **Kalabikhina, I. E.** Demographic Situation in China: Convergence or Divergence? / I. E. Kalabikhina, E. Shatalova, F. Lieming // BRICS Journal of Economics. — 2020. — Vol. 1. — No. 1. — P. 81-101. DOI: 10.38050/2712-7508-2020-6; EDN: QZSDHM
7. **Lieming, F.** Determinants of Regional Fertility in China During the First Years of Reaching Below-Replacement Fertility / F. Lieming, E. Shatalova, I. Kalabikhina // BRICS Journal of Economics. — 2022. — Vol. 3. — No. 3. — P. 101-127. DOI: 10.3897/brics-econ.3.e83259; EDN: LKVQAZ
8. **Lieming, F.** Will China's «Two-Child in One Family» Policy to Spur Population Growth Work? / F. Lieming // Population and Economics. — 2019. — Vol. 3. — No. 2. — P. 36-44. DOI: 10.3897/popecon.3.e37962; EDN: ZSWRHB
9. **Yang, Y.** Second-Child Fertility Intentions among Urban Women in China: A Systematic Review and Meta-Analysis / Y. Yang, R. He, N. Zhang, L. Li // International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2023. — Vol. 20. — No. 4. — P. 37-44. DOI: 10.3390/ijerph20043744
10. **Chen, S.** The Positive Effect of Women's Education on Fertility in Low-Fertility China / S. Chen // European Journal of Population. — 2022. — Vol. 38. — Iss. 1. — P. 125-161. DOI: 10.1007/s10680-021-09603-2
11. **Guo, Z.** The Effect of Urbanization on China's Fertility. / Z. Guo, Z. Wu, C. M. Schimmele, L. Shuzhuo // Population Research and Policy Review. — 2012. — Vol. 31. — P. 417-434. DOI: 10.1007/s11113-012-9230-0
12. **Liu, H.** Housing wealth and fertility: evidence from China / H. Liu, L. Liu, L., F. Wang // Journal of Population Economics — 2023. — Vol. 36. — Iss. 1. — P. 359-395. DOI: 10.1007/s00148-021-00879-6
13. **По, Л. Т.** Преодоление демографического спада / Л. Т. По // Финансы и развитие. — 2020. — Март. — С. 14-16.
14. **Ставров, И. В.** Социальное развитие национальных районов Северо-Восточного Китая (1978-2002 гг.) / И. В. Ставров // Россия и АТР. — 2007. — № 3. — С. 91-95. EDN: JJWYQJ
15. **Yang, H.** Third-Child Fertility Intention and Its Socioeconomic Factors Among Women Aged 20-34 Years in China / H. Yang, R. Han, Z. Wang // BMC Public Health. — 2023. — Vol. 23. — Article No. 821. DOI: 10.1186/s12889-023-15719-3

16. **Li, Z.** The Impact of COVID-19 on the Intention of Third-Child in China: An Empirical Analysis Based on Survey Data / Z. Li, S. Qian // BMC Public Health. — 2023. — Vol. 23. — Article No. 1195. DOI: 10.1186/s12889-023-15944-w

Сведения об авторах:

Русанова Нина Евгеньевна, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ner238@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-1859-2345; РИНЦ AuthorID: 76915.

Ван Е, коммерческий директор, ООО «ВЛВ ГРУП», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: towangye@126.com; ORCID: 0009-0009-2706-0509; РИНЦ AuthorID: 1208791.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.4

NATIONAL FEATURES OF THE NEW CHINESE PRONATALISM

Nina E. Rusanova^{1*}, Ye Wang²

1Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

2VLV GROUP LLC

(14-1 Trofimova str., Moscow, Russia, 115432)

**E-mail: ner238@rambler.ru*

For citation:

Rusanova N.E., Wang Ye. National features of the new Chinese pronatalism. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 39-51. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.4 (in Russ.)

Abstract. *In 2016 the Chinese demographic policy, as a result of improving the regulation of population development, was radically reoriented to increase the birth rate. The rejection of «one-child policy» began with permission to have a second child, and soon was supplemented by second births stimulation. Taking into account the world pronatalism, socio-economic measures were applied. They showed that the most effective results can be achieved with the help of socio-economic tools that prevent deterioration of living conditions of families after childbirth. The regional diversity of China determines variability of such measures, but everywhere they begin with targeted «child» payments and the creation of conditions, which do not interrupt women's professional career after pregnancy and delivery, then they are expanded through social help to families with children, tax relief, reduction of housing and education costs, as well as measures relevant for specific population groups (large families, single mothers, etc.). The main criterion of the assistance targeting is the number of children, but its size and forms depend on local capabilities. The importance of material factors of reproductive choice decreases with an increase of living standards, the conditions making it possible to combine parenthood and profession, large family traditions, gender of children, fertility preservation with safe contraception become more important. Measures, taking into account national specifics, include availability of assisted reproduction programs and promoting a modern three-child family among the population of reproductive age, a significant part of which belongs to the generation consciously focused on small family.*

Keywords: *fertility policy, pronatalism, antinatalism, single child family, large family, assisted reproductive technologies.*

References and Internet sources

1. Bazhenova E. S. Naseleniye Kitaya: strategiya razvitiya i demograficheskoy politiki [1,300,000,000. *Population of China: Development Strategy and Population Policy*]. Moscow. Forum; 2010. 303 p. (in Russ.)
2. Bazhenova E. S. Naseleniye Kitaya: novyye tendentsii v epokhu modernizatsii i ekonomicheskikh reform [China's population: new trends in the era of modernization and economic reforms]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*. 2019. No. 5(1). P. 101–111. DOI: 10.31857/S013128120007131–5 (in Russ.)
3. Van L. Puti i formy sovershenstvovaniya migratsii krest'yan v goroda v Kitaye [Ways and forms of improving the migration of peasant to cities in China]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]*. 2020. Vol. No. 26(2). P. 226–238. DOI: 10.24290/1029–3736–2020–26–2–226–238 (in Russ.)
4. Ostrovsky A. V. Ekonomika KNR — prognoz do 2030 goda. Osnovnyye problemy kitayskoy ekonomiki [Economy China — forecast to 2030. Main problems of China economy]. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy vysshey shkoly biznesa MIRBIS [MIRBIS Research Journal]*. 2016. No. 2. P. 36–45. (in Russ.)
5. Veremeychik A. S. Zakonodatel'noye regulirovaniye demograficheskoy politiki v Kitaye (na primere Severo-Vostochnogo regiona) [Legislative regulation of demographic policy in China (on the example of the North-Eastern region)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye [Society and State in China]*. 2013. Vol. 43. No. 2. P. 474–485 (in Russ.).
6. Kalabikhina I. E., Shatalova E., Lieming F. Demographic situation in China: convergence or divergence? *BRICS Journal of Economics*. 2020. Vol. 1. No. 1. P. 81–101. DOI: 10.38050/2712–7508–2020–6
7. Lieming F., Shatalova E., Kalabikhina I. Determinants of regional fertility in China during the first years of reaching below-replacement fertility. *BRICS Journal of Economics*. 2022. Vol. 3. No. 3. P. 101–127. DOI: 10.3897/brics-econ.3.e83259
8. Lieming F. Will China's «two-child in one family» policy to spur population growth work? *Population and Economics*. 2019. Vol. 3. No. 2. P. 36–44. DOI: 10.3897/popecon.3.e37962
9. Yang Y., He R., Zhang N., Li L. Second-child fertility intentions among urban women in China: a systematic review and meta-analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20. No. 4. P. 37–44.
10. Chen S. The positive effect of women's education on fertility in low-fertility China. *European Journal of Population*. 2022. Vol. 38. Iss. 1. P.125–161. DOI: 10.1007/s10680–021–09603–2
11. Guo Z., Wu Z., Schimmele C. M., Shuzhuo L. The effect of urbanization on China's fertility. *Population Research and Policy Review*. 2012. Vol. 31. P. 417–434. DOI: 10.1007/s11113–012–9230–0
12. Liu H., Liu L., Wang F. Housing wealth and fertility: evidence from China. *Journal of Population Economics*. 2023. Vol. 36. Iss. 1. P. 359–395. DOI: 10.1007/s00148–021–00879–6
13. Poh Lin Tan. Preodoleniye demograficheskogo spada [Reversing demographic decline]. *Finansy i razvitiye [Finance and Development]*. 2020. March. P. 14–16. (in Russ.)
14. Stavrov I. V. Sotsial'noye razvitiye natsional'nykh rayonov Severo-Vostochnogo Kitaya (1978–2002 gg.) [Social development of national regions of North-East China (1978–2002)]. *Rossiya i ATR [Russia and the Pacific]*. 2007. No. 3. P. 90–104 (in Russ.)
15. Yang H., Han R., Wang Z. Third-child fertility intention and its socioeconomic factors among women aged 20–34 years in China. *BMC Public Health*. 2023. Vol. 23. Article No. 821. DOI: 10.1186/s12889–023–15719–3
16. Li Z., Qian S. The impact of COVID-19 on the intention of third-child in China: an empirical analysis based on survey data. *BMC Public Health*. 2023. Vol. 23. Article No. 1195. DOI: 10.1186/s12889–023–15944-w

Information about the authors:

Rusanova Nina Evgenievna, Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ner238@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-1859-2345; Elibrary AuthorID: 76915.

Wang Ye, Commercial Director, VLV GROUP LLC, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: towangye@126.com; ORCID: 0009-0009-2706-0509; Elibrary AuthorID: 1208791.

Статья поступила в редакцию 13.06.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ФАКТОРЫ МИГРАЦИЙ

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.5
EDN: OBCYAQ

ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ И РЫНОК ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Красинец Е. С.*, Шевцова Т. В.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

*E-mail: e_krasinets@mail.ru

Для цитирования:

Красинец Е. С., Шевцова Т. В. Трудовая иммиграция и рынок труда в современной России: проблемы взаимодействия // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 52-62. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.5; EDN: OBCYAQ

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов трудовой иммиграции в их взаимодействии с функционированием российского рынка труда и переменами в занятости населения на этапе выхода отечественной экономики из рецессии и перехода к возобновлению социально-экономического роста. В работе проведена оценка современных тенденций развития рынка труда в контексте анализа его сбалансированности. Исследованы особенности формирования трудового потенциала и предложения рабочей силы. Выявлены и раскрыты детерминирующие развитие этих процессов факторы. Проанализированы перемены в развитии спроса на рабочую силу и потребности в использовании труда иностранных мигрантов. Рассмотрено развитие ситуации в области трудовой миграции в Россию до и в период выхода из пандемии COVID-19. Во взаимосвязи с тенденциями формирования рынка труда определены тренды и противоречия процессов трудовой иммиграции. Показано, что рынок труда занимает центральное место среди социально-экономических факторов, определяющих развитие спроса на иностранных работников. Обсуждены особенности и качественные характеристики потоков трудовых мигрантов после завершения активной фазы борьбы с пандемией коронавируса. Дана оценка стратегиям миграционного поведения иностранных работников. Раскрыты неоднозначные последствия привлечения и использования иностранного труда для развития сферы занятости населения, а также ряд ключевых проблем, связанных с политикой по привлечению и использованию иностранной рабочей силы. Основные результаты исследования могут быть использованы при разработке мероприятий в области регулирования российского рынка иностранного труда.

Ключевые слова: международная трудовая миграция, иностранная рабочая сила, трудовые мигранты, рынок труда, миграционная политика.

Постановка проблемы

В последние десятилетия международная трудовая миграция охватила практически все регионы мира. Иностраный труд стал важным элементом экономики любой развитой страны, а от его динамики и состояния во многом зависит равновесие на рынке труда и в сфере занятости населения. По оценкам Международной организации труда (МОТ), в настоящее время трудящиеся-мигранты составляют 4,9% ресурсов рабочей силы, имеющейся во всех странах. В мировом миграционном кругообороте характерен заметный рост численности трудовых мигрантов. К концу второго десятилетия XXI в. количество международных трудовых мигрантов в мире достигло 169 млн человек и в сравнении с 2017 г. увеличилось на 5 млн человек¹.

В глобальном миграционном пространстве Россия является одним из главных мировых центров притяжения трудовых мигрантов. Вопросы привлечения рабочей силы из-за рубежа являются предметом многих дискуссий в российском современном обществе. В значительной мере это обусловлено тем, что вхождение иностранных граждан на рынок труда и их занятость в экономике содержит в себе целый ряд противоречий.

Положительные последствия и эффекты использования иностранного труда связаны прежде всего с тем, что трудящиеся-мигранты стали важным источником пополнения и накопления трудового потенциала страны. В современных реалиях выход российской экономики на траекторию устойчивого роста становится затруднительным без увеличения трудового потенциала и, соответственно, без притока трудовых мигрантов из-за рубежа. В условиях ухудшающейся демографической обстановки и падения предложения рабочей силы возможные выигрши привлечения в российскую экономику работников-мигрантов возрастают. Перед лицом внешних санкций по-

литика в области международной трудовой миграции выступает дополнительным инструментом для восполнения нехватки рабочей силы в трудодефицитных отраслях и регионах. В контексте неблагоприятных тенденций формирования человеческого потенциала, масштабного сокращения численности населения в трудоспособном возрасте и ограниченного предложения свободных внутренних ресурсов труда регулирование притока иностранных работников приобретает всё большее значение в разработке мер по повышению устойчивости национального рынка труда. По мнению И.П. Цапенко, «присутствие больших групп приезжего населения и рабочей силы заметно расширяет масштабы совокупного спроса и предложения и тем самым увеличивает масштабы экономики» [1, с. 8]. Определяя и оценивая последствия работающих в российской экономике иностранцев, Л.Л. Рыбаковский отмечает, что «трудовые иммигранты вносят весомый вклад в создание внутреннего валового продукта России» [2, с. 52]. В условиях демографического старения, значительной убыли населения в трудоспособных возрастах и возрастающего дефицита трудовых ресурсов приток мигрантов способствует развитию российской экономики. В.А. Ионцев. считает, что «в перспективе, как минимум, до 2050 г. Россия обречена на привлечение иностранной рабочей силы» [3, с. 96].

Противоположные суждения относительно активного привлечения и использования трудовых мигрантов сводятся к тому, что качественный состав работников-мигрантов не отвечает текущим и стратегическим интересам РФ. Приток иностранной рабочей силы на российский рынок труда компенсирует в основном дефицит неквалифицированных кадров, что приводит к снижению качественных характеристик человеческого потенциала страны и является сдерживающим фактором экономического развития. По мнению специалистов Института экономики РАН, к числу негативных последствий притока трудовых иммигрантов относятся «ухудшение структуры совокупной рабочей силы в результате

¹ Global Estimates on International Migrant Workers. Results and Methodology. Third edition // International Labour Organization. International Labour Office. – Geneva: ILO, 2021. – P. 11.

роста доли неквалифицированных работников; вытеснение местного населения из обширных сфер деятельности, монополизированных мигрантами; снижение стимулов к внедрению ресурсосберегающих технологий; вывоз денежных средств из России, выбывающих из внутреннего оборота.» [4, с. 72]. А.В. Топилин отмечает, что сложившаяся структура занятости низкоквалифицированной иностранной рабочей силы «неэффективна и сдерживает внедрение новой техники и передовых технологий» [5, с. 742]. Существенный урон развитию российской экономики наносят также латентная занятость иностранных граждан [6, с. 10]. Незаконное использование труда мигрантов подпитывает теневой сектор экономики, ведёт к масштабному выпадению финансовых средств из доходов бюджета, усиливает давление на рынок труда неквалифицированной рабочей силы, тормозит повышение уровня оплаты труда, снижает социальные стандарты занятости и ставит преграды на пути модернизации целого ряда отраслей.

В последние годы тема трудовой иммиграции в России всё чаще связывается с особенностями развития российского рынка труда. Нарастание и обострение структурных диспропорций в сфере занятости населения обострили проблему поиска баланса между пополнением трудового потенциала страны необходимым количеством рабочей силы и сдерживанием излишнего притока трудовых мигрантов.

Как меняется соотношение спроса и предложения на отечественном рынке труда? Каковы тенденции процессов трудовой иммиграции на современном этапе экономического развития российского общества? В какой мере изменилось миграционное поведение иностранных трудовых мигрантов в период завершения пандемии коронавируса? Как могут и должны меняться механизмы, регулирующие потоки иностранных работников? Обсуждение этих вопросов положено в основу данной статьи. В работе использованы статистические материалы Росстата, интернет-ресурсы Главного управления по вопросам миграции

МВД РФ, а также результаты социологических опросов трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья, проведённых авторами в 2020–2022 гг. на территории Калининградской области (N=900).

Спрос и предложение на российском рынке труда

К числу важнейших проблем экономического развития России относится поиск соответствия между потребностью в рабочей силе и её предложением. В своей работе А.Г. Коровкин справедливо отмечает, что «согласование спроса на рабочую силу и её предложения — ключевой процесс на рынке труда» [7, с. 103]. В экономике современной России, как и в большинстве развитых стран мира, ситуация на рынке труда развивается в условиях территориальных, отраслевых и профессионально-квалификационных диспропорций между спросом на рабочую силу и её предложением. В отраслях экономики и регионах структура рабочей силы и структура рабочих мест плохо «стыкуются» между собой. Рынок труда не сбалансирован: с одной стороны, существует нехватка рабочей силы и достаточно большое число вакантных рабочих мест, с другой — миллионы безработных, профессиональная или квалификационная подготовка которых не соответствует требованиям работодателей. Из-за несоразмерности структуры трудового потенциала и структуры спроса на него количество имеющихся и создаваемых рабочих мест не обеспечивает в полной мере занятость трудоспособного населения.

Основные индикаторы функционирования российского рынка труда свидетельствуют о тенденциях снижения трудового потенциала, старении трудоспособного населения, сокращении численности населения в возрасте наибольшей экономической активности, а также об отрицательном воздействии этих процессов на динамику экономического развития. В последнее время под влиянием демографических факторов объёмы предложения рабочей силы на рынке труда ощутимо сократились. Как свидетельствуют статистические данные, за пе-

риод 2012–2021 гг. численность населения в трудоспособном возрасте в стране уменьшилась на 4,0 млн человек, то есть на 4,6%. Количество населения в наиболее трудоспособном интервале 20–64 года снизилось в ещё большей степени — на 5,5 млн человек или на 5,8%. Только за последние 5 лет (2018–2022 гг.), по итогам выборочных обследований Росстата, численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше сократилась в РФ на 1,3 млн человек или на 1,7%. Под воздействием сокращения численности российского населения в трудоспособном возрасте убыло в этот период и количество занятых — на 0,5 млн человек или на 0,7%.

Другим ключевым индикатором динамики рынка труда является уровень безра-

ботицы. Согласно официальным статистическим данным, в последние годы безработица в стране стала заметно снижаться (рис. 1). В 2022 г. численность безработных составила 3 млн человек, что меньше значения 2021 г. почти на 20%. По сравнению с допандемийным 2019 г. уровень безработицы в РФ сократился с 4,6% до 3,9%, или на 0,7 процентных пункта. Безработица в стране вышла на исторический минимум и перестала быть значительным резервуаром, позволяющим сокращать недостаток рабочей силы и ослаблять усилившиеся в последнее время дисбалансы на рынке труда в региональном, профессиональном и отраслевом разрезах.

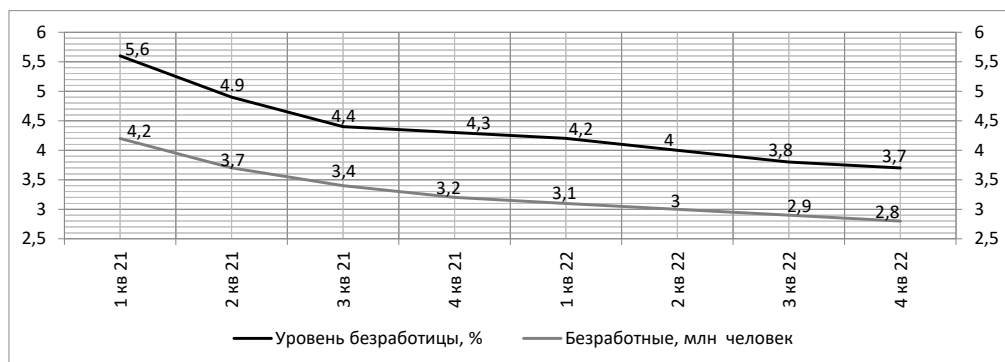

Рис. 1. Динамика безработицы в России, 2021–2022 гг.

Fig 1. Dynamics of unemployment in Russia, 2021–2022

Источник: Социально-экономическое положение России — 2022 // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 10.08.2023).

Вместе с тем, реалии сегодняшнего дня демонстрируют устойчивые тенденции роста потребности российского рынка труда в рабочей силе. Сокращение ресурсов труда в экономике сопровождается увеличением спроса на рабочую силу. Спрос работодателей на трудовые ресурсы заметно вырос во многих секторах экономики, прежде всего в строительстве, промышленности и сельском хозяйстве.

Динамика спроса секторов отечественной экономики на труд в период пандемии коронавируса несколько замедлилась, од-

нако в целом за последние годы характеризовалась нарастающим трендом (табл. 1). В период после кризиса, связанного с пандемией COVID-19, рынок вакансий полностью восстановился и перешёл в фазу роста. В последние годы (2021–2022 гг.) только официально зарегистрированная часть текущего спроса работодателей в работниках, заявленная в государственных учреждениях службы занятости, составляла в среднем около 2 млн человек в год, увеличившись в сравнении с допандемийным периодом 2018–2019 гг. на 15%.

Таблица 1

**Дополнительная потребность в рабочей силе, заявленная в
государственные службы занятости, 2015–2022 годы**

Table 1

Additional need for labor in Russia reported to the state employment services, 2015–2022

Показатель	Изменения за периоды			
	2015–2016 гг.	2017–2018 гг.	2019–2020 гг.	2021–2022 гг.
Тыс. человек (в среднем за период)	1403	1699	1641	2024
В % к предыдущему периоду	-	121,1	96,6	123,3

Источник: Социально-экономическое положение России. 2015–2022 гг. // Росстат.— URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 10.08.2023).

К концу 2020 г. отдельные отрасли экономики стали испытывать нарастающую нехватку иностранной рабочей силы. Острый недостаток трудовых мигрантов низкой и средней квалификации ощутили прежде всего строительная отрасль и сельское хозяйство. Дефицит трудовых ресурсов в секторах экономики, сильно зависимых от труда мигрантов, стал достигать до 30–40%. Восстановительные процессы в экономической сфере привели к возрастанию спроса как на низкоквалифицированных, так и на высококвалифицированных работников и сильному дисбалансу между спросом на труд и его предложением. Усилению как количественных, так и структурных диспропорций в сфере занятости населения способствовало существенное сжатие ресурсных источников в использовании трудового потенциала, таких как количественный спад трудоспособного населения вследствие демографической ямы 1990-х гг., сокращение численности работников из-за избыточной смертности во время пандемии коронавируса, уменьшение занятых в экономике по причине набора на добровольную контрактную службу в армию и проведения частичной мобилизации, а также релокации части россиян.

В ситуации возросшего дисбаланса между спросом на труд и его предложением в различных секторах экономики людей стало остро ощущать. В 2021 г. как следствие нехватки трудовых ресурсов было принято важное правительственное решение об организованном привлечении в строительную отрасль и АПК 11 тыс. узбек-

ских рабочих. Годом позднее Правительство РФ сняло количественные ограничения по оргнабору трудовых мигрантов из Узбекистана. В условиях растущего дефицита рабочей силы право на организованный наём трудовых мигрантов дополнительно получила и лёгкая промышленность.

**Тенденции трудовой иммиграции и её
социально-экономические последствия**

Следствием динамики развития спроса и предложения на рынке труда являются трансформации процессов в сфере внешней трудовой миграции. В течение трёх десятилетий на возрастание потребности в рабочей силе российская экономика реагирует ростом объёмов привлечения и использования работников из-за рубежа. В начале 1990-х гг. в российской экономике было занято немногим более 100 тыс. трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья [8, с. 261]. В 2010-х гг. на отечественный рынок труда стали входить уже миллионы иностранных работников. По данным ведомственной статистики, в последние три года допандемийного периода (2017–2019 гг.) среднегодовая численность иностранных граждан, прибывших в Россию с целью трудоустройства и занятости, составляла свыше 5 млн человек.

В 2020 г. с начала распространения в России эпидемии коронавируса приток трудовых мигрантов на отечественный рынок труда снизился. Однако уже в 2021 г. в результате стабилизации экономики масштабы трудовой миграции из-за рубежа опять

стали возрастать. На фоне роста экономической активности и восстановления авиасообщения с основными странами-донорами трудовых ресурсов (прежде всего с Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном), произошло резкое увеличение зарегистрированных трудовых мигрантов. По данным ведомственной статистики, в 2021 г. чис-

ленность иностранных граждан, указавших цель въезда в Россию «работу по найму», достигла 9,5 млн человек, то есть была почти в 4 раза больше в сравнении с предыдущим годом. На рынке труда значительно возросло количество выданных иностранным гражданам разрешительных документов на работу (рис. 2).

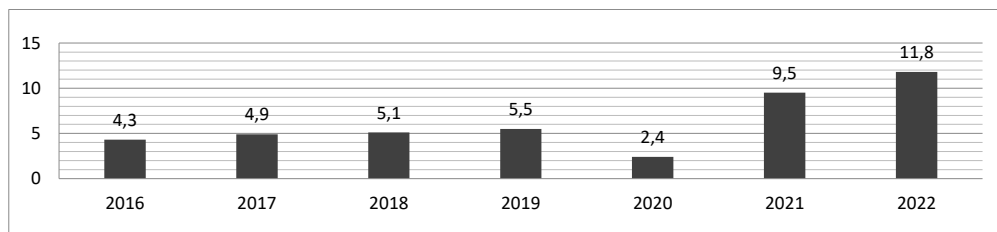

Рис. 2. Документированные трудовые мигранты, прибывшие в Россию в 2016–2022 гг., млн человек

Fig 2. Documented migrant workers who arrived in Russia in 2016–2022, million people

Источник: Статистические сведения по миграционной ситуации // МВД РФ. — URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 15.08.2023).

В 2022 г. численность зарегистрированных иностранных трудовых мигрантов составила в РФ уже 11,8 млн человек — вдвое больше относительно допандемийного 2019 года. Потенциал настроений среди мигрантов на продолжении работы в России остался высоким, при этом они стали всё более ориентироваться на долгосрочное пребывание в стране. По данным проведённых нами социологических опросов в Калининградской области, в 2022 г. в сравнении с 2020 г. доля тех трудовых мигрантов, кто намерен остаться в стране навсегда, увеличилась с 37% до 44%. Доля тех, кто хотел бы за короткое время заработать деньги и уехать домой снизилась с 17% до 15%. В 2022 г. по сравнению с годом ранее с 65% до 75% выросла доля тех, кто планирует ещё раз приезжать в Россию работать. С 11% до 7% уменьшилась доля тех, кто не хотел бы ещё раз приезжать в страну на заработки.

В современной России потоки внешней трудовой миграции характеризуются не только возрастающей масштабностью, но и противоречивостью. В результате привлечения и использования трудовых мигрантов восполняются потери трудового потен-

циала страны, компенсируется недостаток рабочей силы, обеспечивается стабильное функционирование секторов отечественной экономики. Однако в целом позитивные последствия трудовой иммиграции сопровождаются и негативными эффектами, прежде всего в части формирования качественных характеристик трудового потенциала страны. Профессионально-квалификационная структура прибывающих в страну мигрантов не соответствует потребностям модернизации экономики. В трудовой иммиграции участвуют прежде всего работники низкой квалификации. Происходит масштабное наполнение российского рынка труда неквалифицированной рабочей силой. Использование работодателями низкоквалифицированной иностранной рабочей силы ставит преграды для роста производительности труда.

Качественный состав основной массы прибывающих в страну иностранных работников характеризуется более низким уровнем образования в сравнении с тем, который отличает население России. За последние три года в потоке временной трудовой миграции доля лиц с высшим и незакон-

ченным высшим образованием составляла, по данным наших исследований, от 6,0% до 11,5%, что явно ниже аналогичных данных в сравнении с уровнем образования населения России (в целом по стране, по итогам переписи населения 2021 г., среди лиц старше 15 лет доля лиц с высшим и неполным высшим образованием и с учётом кадров высшей квалификации в аспирантуре и ординатуре составила 29,1%). В 2021 г. в структуре занятых в российской экономике доля лиц со средним общим образованием и ниже составляла 20,1%, среди трудовых мигрантов — значительно выше (61,5%), соответственно со средним профессиональным образованием — 45,3% и 32,5%.

Более того, в последние годы профессиональный уровень образования приезжающих в Россию иностранных работников стал снижаться. Как показали наши исследования, чем позднее трудовые мигранты прибывают в страну, тем больше среди них оказывается людей с более низким уровнем образования и подготовки. Так, если среди тех иностранных граждан, кто прибыл в 2020 г. на российскую территорию с целью трудоустройства и занятости, около 12% имели высшее или незаконченное высшее образование, то в 2022 г. таких было уже вдвое меньше. В числе прибывших на 7,8 процентных пунктов стала ниже доля лиц со средним специальным (профессиональным) образованием. Одновременно значительно возрос удельный вес трудовых мигрантов с пониженным уровнем образования (средним общим и ниже) — с 48,4% до 61,5%, а также увеличилась доля иностранных граждан без образования — с 0,7% до 2,0%.

Масштабный приток на российский рынок труда мигрантов с низким образовательным уровнем и невысокой квалификацией сдерживает внедрение новой техники и передовых технологий, способствует стагнации отечественной экономики. В результате привлечения и использования низкоквалифицированной рабочей силы ухудшаются стандарты в области условий труда, зарплаты, соблюдения трудовых прав, расширяются теневые сферы занятости, усиливается пространственная неравномерность

размещения населения и трудовых ресурсов. Занятость мигрантов в сфере неквалифицированного труда характеризуется не только относительно низкой оплатой, но и тем, что она встраивается в неформальные и теневые сектора экономики.

Приоритеты политики в области привлечения и использования иностранной рабочей силы

В реалиях современной России особую значимость приобретает государственная политика в сфере регулирования рынка иностранной рабочей силы. Восстановление отечественной экономики и переход её на траекторию устойчивого роста возможны с использованием потенциала трудовых мигрантов из-за рубежа. В этой связи возрастает значение шагов по переходу к новой модели государственного управления потоками международной трудовой миграции на основе широкого использования цифровых технологий и активизации дифференцированной политики привлечения и использования иностранных работников.

В условиях непростой международной обстановки неоднозначные процессы трудовой миграции требуют новых решений в области регулирования международного трудового обмена. Особое значение в этой связи приобретают мероприятия по преодолению стихийного развития трудовой иммиграции и упорядочению этой деятельности на федеральном и региональном уровнях. Управление процессами привлечения и использования иностранной рабочей силы является объективно необходимым и возможным. В практике регулирования трудовой иммиграции следует наращивать усилия по защите сферы занятости населения от слабо контролируемого прибытия трудовых мигрантов из стран с безвизовым режимом въезда и вхождения на рынок труда иностранных работников с незаконным статусом. Необходимо обязать работодателей до приёма на работу трудовых мигрантов размещать в государственной информационной системе сведения о потребности в иностранной рабочей силе для первооче-

редного подбора органами служб занятости работников из числа российских граждан.

Инструменты регулирования притока рабочей силы из-за рубежа должны обеспечить, с одной стороны, отбор востребованных категорий иностранных граждан, а с другой — отсеивать избыточные группы трудовых мигрантов. Управляющие усилия следует направить на создание преференций для одних категорий мигрантов и ограничения для других. Преференциальный режим необходимо создать не только для привлечения высококвалифицированных иностранных специалистов, но и для квалифицированных работников с учётом наличия устойчивого дефицита кадров определённых профессий на российском рынке труда. Важным является также стимулирование приезда в страну тех, кто не только нужен, но и может сравнительно легко адаптироваться к российским условиям жизни и интегрироваться в отечественную экономику. Большое значение могло бы иметь введение балльной системы отбора трудовых мигрантов для получения ими вида на жительство.

В целях оптимизации привлечения и использования иностранных трудовых мигрантов в российской экономике необходимо: 1) ввести в практику государственного регулирования использование двух взаимозвязанных электронных информационных платформ — реестра работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу, и реестра иностранных трудовых мигрантов; 2) активизировать создание новых цифровых продуктов и условий для облегчённого доступа на российский рынок труда трудящихся из государств-участников Евразийского экономического союза; 3) инициировать принятие нормативно-правового акта евразийской интеграции об организованном наборе граждан в государствах-членах ЕАЭС; 4) наращивать усилия государственных структур по сокращению незаконного трудоустройства и теневой занятости мигрантов на основе совершенствования автоматизированной системы государственного контроля въезда и пребывания иностранных граждан и усиления экономической составляющей в борьбе с нарушениями

ми миграционного законодательства РФ; 5) совершенствовать систему сбора и мониторинга статистических данных по вопросам внешней трудовой миграции с использованием современных информационных технологий, ввести внятную статистику занятости иностранных работников, перейти от данных административного учёта выданных в России патентов к развёрнутой статистике самих трудовых мигрантов.

Заключение

Анализ развития трудовой иммиграции в контексте функционирования рынка труда позволяет сделать следующие выводы. В современном развитии российской экономики отчётливо проявляются две разнонаправленные тенденции — сокращение трудового потенциала и увеличение потребности в рабочей силе. Спрос на труд в экономике поддерживается на достаточно высоком уровне. В последнее время количество заявляемых вакансий почти втрое превышает численность безработных, зарегистрированных в центрах занятости. В период перехода экономики на траекторию устойчивого роста возрастает спрос и на иностранных трудовых мигрантов — как на низкоквалифицированных, так и квалифицированных и высококвалифицированных работников. В условиях высокого уровня вовлеченности населения в занятость недостаток работников все настойчивее проявляет себя как фактор, который тормозит экономическое развитие страны.

Международная трудовая мобильность и рынок труда тесно взаимодействуют. Между функционированием рынка труда и потоками трудовых мигрантов существует объективная причинная связь, выражающаяся в том, что трудовая миграция является одновременно фактором и следствием динамики развития рынка труда. В настоящее время в результате взаимодействия спроса и предложения на рынке труда привлечение и использование иностранной рабочей силы в российской экономике характеризуется нарастающим трендом. Последствия увеличения объёмов трудовой иммиграции

для экономического развития противоречивы. В целом позитивное влияние трудовой иммиграции на формирование рынка труда сопровождается негативным воздействием данного процесса на развитие качественных характеристик трудового потенциала.

Адекватное реагирование на обострение проблем достижения равновесия между спросом и предложением на рынке труда требует обновления инструментов регулирования трудовой иммиграции и разработки механизмов, позволяющих обеспечить приоритет на занятии свободных рабочих мест российскими гражданами. Для смягчения диспропорций между количественными и качественными характеристиками спроса на рабочую силу и её предложени-

ем необходимо принятие решений, направленных на селективную инклюзию иностранных граждан в сферу трудоустройства и занятости населения. Важной задачей является введение такого режима управления, который будет способствовать достижению баланса между пополнением регионов и секторов экономики необходимым количеством иностранной рабочей силы и сдерживанием излишнего притока неквалифицированных трудовых мигрантов. Политика в сфере трудовой иммиграции должна быть направлена на разработку мероприятий, стимулирующих приезд востребованных трудовых мигрантов и ограничение доступа на рынок труда тех, в ком нет особой надобности.

Литература и Интернет-источники

1. **Цапенко, И.П.** Объективные и воспринимаемые последствия иммиграции / И.П. Цапенко // Демоскоп Weekly.— 2016.— № 675–676.— URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0675/demoscope675.pdf>. (дата обращения: 15.08.2023). EDN: VTYNQV
2. **Рыбаковский, Л.Л.** Трудовая иммиграция: масштабы и последствия / Л.Л. Рыбаковский // Уровень жизни населения регионов России.— 2015.— № 3.— С. 49–56. DOI: 10.12737/13550; EDN: UXLTTH
3. **Ионцев, В.А.** Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России / В.А. Ионцев // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований.— 2023.— № 2.— С. 90–96. DOI: 10.24412/1994–3776–2023–2–90–96; EDN: AXNOWY
4. **Бараненкова, Т.А.** Структурные дефициты российского рынка труда и риски миграции / Т.А. Бараненкова, И.В. Соболева // Вестник института экономики Российской академии наук.— 2018.— № 5.— С. 66–78. DOI: 10.24411/2073–6487–2018–00005; EDN: YLZLAL
5. **Топилин, А.В.** Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования / А.В. Топилин // Вестник Российской академии наук.— 2019.— Т. 89.— № 7.— С. 736–744. DOI: 10.31857/S0869–5873897736–744; EDN: QOKBIN
6. **Ивахнюк, И.В.** Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года / И.В. Ивахнюк.— Москва : Российский совет по международным делам, 2017.— 82 с. EDN: UWNВНС
7. **Коровкин, А.Г.** Проблемы согласования спроса на рабочую силу и её предложения на российском рынке труда / А.Г. Коровкин // Проблемы прогнозирования.— 2011.— № 2(125)— С. 103–123. EDN: ODDMON
8. Миграционные процессы в России / под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского.— Москва : Экон-информ, 2014.— 383 с. EDN: YTKXUN

Сведения об авторах:

Красинец Евгений Семёнович, к.э.н., зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: e_krasinets@mail.ru; ORCID: 0000–0001–8608–7116; РИНЦ AuthorID: 71705.

Шевцова Татьяна Васильевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: gildenberg@yandex.ru; РИНЦ AuthorID: 138572.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.5

LABOUR IMMIGRATION AND LABOUR MARKET IN MODERN RUSSIA: INTERACTION PROBLEMS

Evgeny S. Krasinets*, Tatiana V. Shevtsova

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

*E-mail: e_krasinets@mail.ru

For citation:

Krasinets E. S., Shevtsova T. V. Labor immigration and labor market in modern Russia: interaction problems. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 52-62. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.5 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to study of the processes and factors of labor immigration in their interaction with functioning of the Russian labor market and changes in the employment at the stage of recovery of the national economy from recession and transition to resumption of the socio-economic growth. The paper assesses the current trends in development of the labor market in terms of analysis of its balance. The features of the formation of labor potential and the dynamics of labor supply are studied. The factors determining the development of these processes are identified and disclosed. The development of demand for labor and the dynamics of the need to use the labor of foreign migrants are analyzed. The development of the situation in the field of labor migration to Russia before and during the recovery from the COVID-19 pandemic is presented. In connection with the trends in the formation of labor market, trends and contradictory aspects of the processes of labor immigration are identified. It is shown that labor market occupies a central place among the socio-economic factors that determine development of labor immigration. The features and qualitative characteristics of labor migrant flows after completion of the active phase of the fight against the coronavirus pandemic are considered. An assessment is given to the strategies of migration behavior of foreign workers in the national labor market. The ambiguous consequences of attracting and using foreign labor for development of the sphere of employment of the country's population are discussed, a number of key problems related to the policy of attracting and using foreign labor force are also revealed. The main results of the study can be used in development of measures in the field of regulation of the Russian foreign labor market.*

Keywords: *international labor migration, foreign labor force, migrant workers, labor market, migration policy.*

References and Internet sources

1. Tsapenko I. P. Ob'ektivnyye i vosprinimaemye posledstviya immigratsii [Objective and perceived consequences of immigration]. *Demoscope Weekly*. No. 675–676. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0675/demoscope675.pdf>. (Accessed: 15 August 2023). (in Russ.)
2. Rybakovsky L. L. Trudovaya immigratsiya: masshtaby i posledstviya [Labor immigration: the scale and consequences]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2015. No. 3. P. 49–56. DOI: 10.12737/13550 (in Russ.)
3. Iontsev V. A. Mezhdunarodnaya trudovaya migratsiya v usloviyah «komfortnogo» rynka truda v Rossii [International labor migration in a «comfortable» labor market in Russia]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]*. 2023. No. 2. P. 90–96. DOI: 10.24412/1994–3776–2023–2–90–96 (in Russ.)

4. Baranenkova T. A., Soboleva I. V. Strukturnyje defitsity rossijskogo rynka truda i riski migratsii [Structural deficiencies of the Russian labor market and migration risks]. Vestnik instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Science]. 2018. No. 5. P. 66–78. DOI: 10.24411/2073–6487–2018–00005 (in Russ.)
5. Topilin A. V. Trudovoj potentsial Rossii: demograficheskiye i sotsial'no-ekonomicheskiye problemy formirovaniya i ispol'zovaniya [Russia's labor potential: demographic and socio-economic problems of formation and utilization]. Vestnik Rossijskoj akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2019. Vol. 89. No. 7. P. 736–744. DOI: 10.31857/S0869–5873897736–744 (in Russ.)
6. Ivakhnyuk I. V. Predlozheniya k migratsionnoj strategii Rossii do 2035 goda [Proposals for Russia's Migration Strategy till 2035]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]. Moscow. 2017. 82 p. (in Russ.)
7. Korovkin A. G. Problemy soglasovaniya sprosa na rabochuyu silu i yeyo predlozheniya na rossijskom rynke truda [Problems of matching the demand for labor force and its supply in the Russian labor market]. Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]. 2011. No. 2(125). P. 103–123. (in Russ.)
8. Migratsionnyje processy v Rossii [Migration Processes in Russia]. Eds. V. V. Lokosov, L. L. Rybakovsky. Moscow. Econ-Inform. 2014. 383 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Krasinets Evgeny Semyonovich, Candidate of Economics, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: e_krasinets@mail.ru; ORCID: 0000–0001–8608–7116; Elibrary AuthorID: 71705.

Shevtsova Tatyana Vasilievna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: gildenberg@yandex.ru; Elibrary AuthorID: 138572.

Статья поступила в редакцию 31.08.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.6
EDN: XPLIZS

ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ

Корсаков К. В.

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
(620137, Россия, Екатеринбург, улица Комсомольская, 21)
Институт философии и права Уральского отделения РАН
(620048, Россия, Екатеринбург, улица Софьи Ковалевской, 16)

E-mail: korskovekb@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00032 – URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00032/>.

Для цитирования:

Корсаков К. В. Внешняя трудовая миграция в современной России: социально-правовой и криминологический контексты // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 63–74. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.6; EDN: XPLIZS

Аннотация. В современной России актуальными являются криминологические и социальные проблемы внешней трудовой миграции, связанные с большими масштабами неконтролируемой и нелегальной миграции, а также с продолжающейся криминализацией сферы миграционных отношений. В данной статье автором предпринята попытка установления социальных очагов и детерминантов криминализации процессов миграции и формулирования оптимальных криминологических и иных мер и средств, направленных на декриминализацию этой сферы и снижение уровня нелегальной миграции в России. Исследование было осуществлено на основе эмпирических методов (беседы, глубинные интервью, социологический опрос), а также общенаучных и междисциплинарных методов познания (сравнительно-правовой, формально-юридический и структурно-функциональный). Подтверждена ключевая идея публикации о том, что масштабы и уровень криминологических и социальных проблем в области внешней трудовой миграции требуют разработки и принятия кодифицированного нормативного правового акта — Миграционного кодекса РФ, в котором детально прописывались и закреплялись правовой статус, порядок въезда и пребывания, обязанности и правомочия внешних мигрантов в России. В силу особого криминологического значения процессов социальной адаптации, аккультурации и интеграции внешних трудовых мигрантов автором публикации предлагается разработать и принять федеральный закон «О социальной и культурной адаптации и интеграции внешних трудовых мигрантов в Российской Федерации» с подробной регламентацией соответствующих мер, процедур и механизмов.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, социология миграции, преступность мигрантов, социальная адаптация мигрантов, криминологическая профилактика.

Введение

Наблюдаемую в настоящее время в России миграционную ситуацию нельзя охарактеризовать как контролируемую и управляемую, о чем свидетельствуют сохраняющийся высокий уровень нелегальной миграции и большое количество правонарушений в миграционной сфере. Несмотря на решительные меры, предпринимаемые органами государственной власти за последние годы для борьбы с незаконной миграцией и поощрения легальных способов трудоустройства иностранных работников, контроль со стороны государства над миграционными процессами остаётся недостаточным. Плохая управляемость процессами внешней трудовой миграции крайне негативно отражается на состоянии российского рынка труда, влечёт повсеместные нарушения прав и законных интересов трудовых мигрантов, формирует очаги социальной и межэтнической напряжённости в регионах и отдельных населённых пунктах [1]. Как верно отмечают российские криминологи, демографы и социологи — исследователи проблем внешней миграции (Т.Н. Балашова, Д.В. Брызгалов, В.И. Мукомель, Т.А. Прудникова и другие), нелегальная внешняя миграция сегодня наносит большой урон ресурсному и экономическому потенциалу большинства регионов России [2–6]. Финансовые результаты трудовой деятельности нелегальных трудовых мигрантов в виде незаконных заработков отправляются за границу, что также создаёт угрозу финансовой и экономической безопасности России. Согласно замечанию С.А. Алтухова, «миграция населения, в том числе незаконная её разновидность, при относительно высоких темпах роста создаёт серьёзные угрозы национальной безопасности Российской Федерации» [7]. Проводимый нами криминологический мониторинг выявил новый стремительный виток цикла преступности внешних трудовых мигрантов, пик которого имел место с 2010 по 2015 гг. и снизился в период 2015–2020 годов. Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, приводящим-

ся в сборниках о состоянии преступности в России, в 2022 г. иностранными гражданами было совершено 36993 преступлений, из них 30353 преступлений совершены внешними мигрантами из стран СНГ.

Сохраняющийся большой приток внешних трудовых мигрантов из государств с другим социально-культурным менталитетом является серьёзным вызовом для РФ, особенно если таких иммигрантов не удастся быстро адаптировать к новым условиям жизни и обеспечить их успешную интеграцию в российский социум. Общий курс на либерализацию миграционной политики, открытость границ России и отсутствие визового режима с соседними странами не позволяют использовать сегодня жёсткие меры в упорядочивании миграционных процессов. Несмотря на усложнение геополитической и международной обстановки ввиду событий на Украине, закрытие границ для иностранных работников в обозримой перспективе вряд ли станет возможным. Между тем в России до сих пор не существует универсального действующего организационно-правового механизма, позволяющего с момента пересечения иностранным работником государственной границы РФ взять его перемещение по территории нашей страны под контроль.

Проблемы правового регулирования и управленческого воздействия в сфере внешней трудовой миграции

Используемая в настоящее время система контроля за въездом и выездом из России, а равно пребыванием иностранных граждан на нашей территории не позволяет эффективно отслеживать и упорядочивать миграционные процессы и получать валидные данные о числе внешних мигрантов, находящихся в настоящее время в РФ. Ныне действующее российское законодательство не предоставляет достаточной нормативно-правовой базы для полномасштабного и эффективного противодействия нелегальной миграции [8]. Используемые органами власти методы управления в сфере внешней миграции основываются на ста-

тичных нормативных положениях, тогда как миграция — это многоплановый и поливалентный динамический процесс. Управление им должно основываться на научно обоснованных прогнозах развития миграционной ситуации в нашей стране: именно с помощью криминологических, демографических и социологических прогнозов возможно повысить эффективность принимаемых управленческих решений в области внешней миграции, правильно ориентировать и скоординировать деятельность правоохранительной органов и контрольно-надзорных структур. Полагаем, что повысить эффективность и результативность управления в области трудовой миграции возможно посредством внедрения международных стандартов системы менеджмента качества (в частности, международного стандарта ISO 9001:2008, на соответствие требованиям которого организации проходят сертификацию системы менеджмента качества и аналогичного российскому стандарту ГОСТ Р ИСО 9001–2008) в деятельность субъектов этого вида управления. Данный стандарт устанавливает требования к системе менеджмента качества в тех случаях, когда организация нуждается в демонстрации своей способности создавать продукт или оказывать услуги, отвечающие соответствующим обязательным требованиям, и ставит своей целью повышение удовлетворённости потребителей посредством эффективного применения системы менеджмента качества, включая процессы постоянного её улучшения. Требования этого стандарта являются общими и предназначены для применения всеми организациями независимо от их вида, структуры и специфики.

Повышению эффективности данного вида управления будут служить анализ и использование иностранного опыта регламентации и упорядочивания миграционных процессов. В частности, в Китае в настоящее время за многие преступления и правонарушения в этой сфере общественных отношений установлена строгая юридическая ответственность, а также налажено сотрудничество по вопросам борь-

бы с незаконной миграцией со многими государствами мира, включая Россию. Власти КНР ведут последовательную и дальновидную политику по активному привлечению из-за рубежа высококвалифицированных профессионалов и мастеров редких специальностей в целях применения их знаний, умений и навыков в разных областях производства, науки и техники [9]. В США и многих странах Европы (Австрия, Германия, Великобритания, Франция и другие) обеспечение защиты прав и законных интересов внешних трудовых мигрантов в соответствии с нормами «Международной конвенции о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей» от 18 декабря 1990 г. сопровождается ужесточением государственного контроля за соблюдением обязанности покинуть территорию этой страны в случаях грубого нарушения миграционного законодательства и усиления мер уголовной и административной ответственности за подделку любых разрешительных документов [10–15].

Проводимую в настоящее время на федеральном уровне миграционную политику следует дополнить и конкретизировать путём разработки и принятия программ по противодействию нелегальной внешней миграции на уровне регионов России. Структура таких региональных программ должна включать цели и задачи соответствующей программы, принципы предупредительной деятельности в отношении нелегальной миграции на местном уровне, социально-криминологическую характеристику того или иного региона, параметры нелегальной миграции в регионе РФ, прогноз развития миграционной ситуации в регионе на ближайшую перспективу, конкретные мероприятия по предупреждению нелегальной миграции на уровне соответствующего региона.

По нашему мнению, назрела необходимость формирования единого механизма взаимодействия государственных и муниципальных ведомств, занимающихся проблемами регламентации миграционных процессов, который обеспечил бы согласованность их деятельности. Данный меха-

низм следует рассматривать как структурный элемент и составную часть общего механизма межгосударственного взаимодействия в сфере миграции.

В дело повышения эффективности международного сотрудничества в области противодействия нелегальной миграции и связанной с ней преступности большой вклад могут внести секретариаты, исполнительные комитеты и иные органы СНГ, ЕврАзЭС, ШОС, БРИКС и ОДКБ. Полагаем, что в рамках функционирования данных структур следует развивать систему международных и межгосударственных соглашений, направленных на стимулирование и поддержку законной трудовой миграции и снижение уровня нелегальной миграции. В частности, посредством заключения реадмиссионных соглашений и проработки единых стандартов и правил по принятию решений об ограничении въезда и пребывания в России лиц, ранее совершавших тяжкие преступления; депортации иностранцев, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы в российских пенитенциарных заведениях; обеспечении добровольного возвращения на родину тех иностранцев, которым по каким-то причинам не удалось получить необходимые разрешительные документы и легализовать свой статус (в частности, для этого во многих странах мира законодательно закрепляется условие о наличии на счёте иммигранта определённой денежной суммы, которая предоставит возможность его депортации за свой счёт в случае нарушения им миграционных правил). На международном уровне также возможно формирование единой и удобной для пользователей службы трудового найма, а равно создание межгосударственной информационной системы, аккумулирующей регулярно обновляемые данные о имеющихся вакансиях, условиях трудоустройства и внешних трудовых мигрантах, въехавших и выехавших за пределы того или иного государства.

Усилия представителей России в международном правотворчестве должны быть направлены на формирование благоприятных условий для обеспечения рос-

сийской экономики квалифицированной рабочей силой из государств, которые культурно и исторически близки нашей стране. К их числу в первую очередь относятся бывшие советские республики, граждане которых пользуются безвизовым режимом въезда на территорию РФ. Сегодня для таких иностранцев обеспечены возможности для легализации своего статуса и вступление в законные трудовые отношения со стороны государства, однако, проведённые нами эмпирические исследования — беседы, глубинные интервью и социологический опрос (июнь-июль 2023 г.) 1012 внешних трудовых мигрантов-нелегалов, приехавших из стран Средней Азии и работающих в сферах строительства, транспорта и торговли в крупных российских городах-миллионерах Екатеринбург, Челябинске, Перми и Уфе¹ показали, что многие нелегальные мигранты хоть и осознают плюсы и преимущества легального трудоустройства, но не вступают в законные трудовые отношения по ряду веских причин, одна из которых — действующая в России система подоходного налогообложения [16]. Все это требует реализации управленческих мер по формированию условий для устранения целесообразности перехода мигрантов в теневой сектор экономики, в частности, мероприятий по формированию экономических стимулов для легального и транспарантного использования труда мигрантов отечественными работодателями, одним из которых может послужить закрепление на законодательном уровне льгот, преференций и преимуществ при получении государственного заказа.

Эмпирические исследования также выявили, что немалая часть нелегальных мигрантов из стран Средней Азии не обладают достаточными знаниями о том, что и в ка-

¹ При проведении опроса в целях обеспечения репрезентативности выборки нами был применена методика «типичный представитель», при которой из генеральной совокупности (внешних трудовых мигрантов, приехавших из-за рубежа и работающих в настоящее время в России) были отобраны респонденты с таким признаком целевой аудитории, как длительное нахождение на территории РФ нелегально, то есть без необходимых разрешительных документов.

кие сроки им необходимо сделать для легализации своего положения по прибытию в Россию. Но более важным явился вывод, что личностные предпочтения большинства трудовых мигрантов расходятся с интересами нашей страны по таким аспектам, как направленность и рассредоточение миграционных потоков и интегрированность мигрантов в принимающее общество. Данное расхождение во многом объясняет сложный и противоречивый характер взаимоотношений между внешними трудовыми мигрантами и представителями российского социума и государства, который обостряется проблемами в формировании общественного мнения по вопросам миграции со стороны СМИ, нередко искажающих существующую в миграционной сфере реальность.

В связи с проводимой в настоящее время работой по формированию проекта нового федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» необходимо учесть недостатки действующего миграционного законодательства, в частности, возникающие противоречия в тексте федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Согласно нормам данного закона российские работодатели и заказчики работ (услуг) не должны получать разрешения на привлечение в качестве рабочей силы многих категорий иностранных граждан, включая постоянно или временно проживающих в настоящее время в России и обучающихся в российских образовательных организациях. Между тем последовательное проведение в жизнь принципа приоритетного использования внутренних российских трудовых ресурсов требует, чтобы отечественные работодатели получали разрешение на привлечение к работе любого иностранного гражданина, находящегося сегодня на территории России. На наш взгляд, данная недоработка, приводящая к несоблюдению приоритетного права российских граждан на привлечение к труду вну-

три нашей страны, должна быть законодательно устранена.

Направления, пути и способы решения выявленных проблем

Для решения выявленных проблем нами предлагается всем трудовым мигрантам сразу при въезде в РФ раздавать специальные буклеты на их родном языке, которые содержали бы информацию о правах и обязанностях иностранных граждан, находящихся на территории России, и о других важных вопросах, связанных с требованиями, предъявляемыми действующим российским законодательством к внешним трудовым мигрантам. Отечественные СМИ необходимо ориентировать на выпуск информационного контента и материалов, направленных на укрепление идей толерантности, интернационализма, веротерпимости и добрососедского отношения к внешним трудовым мигрантам со стороны жителей России. На федеральном уровне следует разработать специальную информационно-просветительскую программу, нацеленную на формирование правильного представления об укладе жизни, этнопсихологии, менталитете, обычаях и традициях как народов России, так и других стран, выходцы из которых являются работающими в РФ внешними трудовыми мигрантами, а также предусматривающей проведение совместных культурных, научно-популярных, музыкальных, творческих и спортивных мероприятий и проектов с участием иностранных работников, их детей и широких слоёв населения России. Активное привлечение к работе с внешними мигрантами общественных объединений, некоммерческих неправительственных организаций, землячеств и национально-культурных автономий, наиболее авторитетных представителей исламского духовенства и мусульманских законоучёных (факихов, муфтиев, улемов (алимов), мулл, имамов, мавлави, шейхов, кадиев) способно усилить систему профилактики конфликтов, возникающих между сообществами внешних трудовых

мигрантов и их диаспорами и автохтонным населением.

Данные меры полностью оправданы, т.к. социальные конфликты, противоречия и напряжённость между коренным населением и иммигрантами в основном связаны с подробно описанной в социологической и демографической литературе ситуацией столкновения различных культур (субкультур) и условиями этнопсихологической несовместимости [17]. Мигранты воспроизводят усвоенные в их родных странах поведенческие шаблоны, схемы и модели, которые часто не соответствуют принятым в России поведенческим нормативам и стандартам. Причём многие внешние трудовые мигранты в повседневной жизни выбирают не вариант адаптации под социокультурные ориентиры и ценности автохтонного населения России, а избирают путь изоляции и сохранения собственной социокультурной идентичности. А предупреждение анклавизации иммигрантов, как отмечает О.В. Щедрина, относится к числу первоочередных задач в деле социальной интеграции, адаптации [18]. Изучение социально-бытовой среды внешних трудовых мигрантов из стран Средней Азии, находящихся в настоящее время в России как легально, так и нелегально, выявило наличие большого потенциала инкультурации их детей через функционирующую в РФ образовательно-воспитательную систему.

За последнее время на страницах научной литературы не раз поднимался вопрос об учреждении в РФ должности омбудсмена по правам внешних трудовых мигрантов (в ряде государств мира такая должность именуется миграционным комиссаром), который бы на регулярной и профессиональной основе занимался защитой прав, свобод и законных интересов внешних трудовых мигрантов. С учётом скопившихся в области трудовой миграции проблем, мы считаем, что данная инициатива правильна, а вопрос об учреждении такой должности должен быть проработан на законодательном уровне.

Для успешной криминологической профилактики правонарушений со стороны

внешних трудовых мигрантов необходима нейтрализация причин и условий, способствующих криминализации данной категории иностранцев. При этом следует учитывать, что причины и условия нелегальной миграции и преступного поведения внешних трудовых мигрантов взаимосвязаны, они требуют комплексного изучения с учётом особенностей мотивации антиобщественного поведения со стороны мигрантов. Представляется, что сегодня необходимо скорректировать подходы к мерам ответственности за организацию и обеспечение каналов нелегальной миграции: установление соответствующего общественной опасности данного вида деятельности уголовного наказания позволит оказать предупредительное воздействие на условия, предпосылки и факторы нелегальной миграции [19; 20].

Подчеркнём, что высокая латентность миграционной преступности существенно затрудняет получение достоверной и полной информации о ней и выбор адекватных мер реагирования со стороны правоохранительных органов и иных властных структур. Для снижения уровня латентности данной разновидности преступности предлагается повысить социальный контроль за деятельностью по регистрации преступлений, совершенных иммигрантами, а также на регулярной основе проводить социологические опросы местного населения и представителей иммигрантских сообществ и диаспор с целью выявления реального количества преступных деяний, совершенных внешними трудовыми мигрантами и в отношении самих таких мигрантов на территории соответствующего населённого пункта.

В территориальных органах внутренних дел России до сих пор не проводится «специальной и целенаправленной работы по профилактике и упреждению миграционной преступности» [21], а обнаружение, регистрация и расследование фактов криминальной активности в области миграционных процессов не относится к числу приоритетов в оперативно-розыскной деятельности. Эти факты негативно сказываются на криминогенной

ситуации в миграционной сфере. В то же время надо отметить успехи деятельности прокуратуры РФ по выявлению и пресечению противоправной деятельности, направленной на мнимую легализацию внешних мигрантов в интернете: предложений о заключении фиктивных браков, купле-продаже паспортов гражданина РФ, видов на жительство и иных официальных документов, подтверждающих законный характер пребывания на территории страны. Сайты и порталы в интернете, на которых внешним трудовым мигрантам предлагается приобрести сертификаты владения русским языком, знания истории России и основ российского законодательства без проведения тестирования, оформить без фактического прохождения обучения дипломы, школьные аттестаты и иные документы, по инициативе прокуратуры закрываются и блокируются на основании судебных решений. На российских сайтах интернета также часто размещаются и тиражируются нацеленные на иммигрантов объявления о купле-продаже медицинских справок, необходимых для трудоустройства либо поступления в образовательную организацию, которые в наши дни в судебном порядке признаются информацией, запрещённой к распространению на территории РФ.

Считаем, что среди потоков прибывающих в Россию внешних трудовых мигрантов (путём применения криминалистических, криминологических и оперативно-розыскных методов и приёмов, включающих в себя профайлинг, агентурную работу, спецпроверки, тесное взаимодействие с иностранными и международными правоохранительными органами, дактилоскопию и другие способы идентификации, использование специальных информационных баз и прочее) следует оперативно и своевременно выявлять представителей (членов, эмиссаров, агентов, вербовщиков и др.) экстремистских и террористических объединений, которые дискредитируют и формируют негативное представление об остальных внешних мигрантах, большинство из которых — честные и законопослушные люди, на

которых часть россиян переносит негативные эмоции и чувства, вызываемые у них преступной деятельностью террористов, наркоторговцев и бандитов из стран Средней Азии и Закавказья, ваххабитов и этнических криминальных сообществ, к которым обычные трудовые мигранты никакого отношения не имеют, и блокировать возможность их прибытия в нашу страну.

Эффективному противодействию нелегальной миграции в РФ в текущий момент мешают лакуны, пробелы и недоработки законодательного плана. В частности, статья 322.1 Уголовного кодекса (УК) РФ, предусматривающая уголовную ответственность за организацию незаконной миграции, не содержит понятия незаконной миграции и не делает отсылки к нормативным правовым актам, содержащим таковое. Определение незаконной миграции приведено в тексте Концепции сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконной миграции, одобренной Решением Совета глав государств СНГ от 16 сентября 2004 г., согласно которому «незаконная миграция представляет собой перемещение на территорию государства-участника СНГ, пребывание, перемещение с его территории граждан государств-участников СНГ, третьих государств и лиц без гражданства с нарушением законодательства данного государства». Полагаем, что аналогичное определение должно содержаться и в примечании к статье 322.1 УК РФ. Другим недостатком статьи 322.1 УК РФ является закрепление уголовной ответственности лишь для организаторов незаконной миграции, тогда как помимо организаторов в такой преступной деятельности участвуют и иные соучастники. В данной связи мы предлагаем дополнить статью 322.1 УК РФ указанием не только на организацию, но и на участие в незаконной миграции, изменив её название на «Организация и участие в незаконной миграции» и изложив текст части 1 данной статьи следующим образом: «Организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Россий-

ской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации, а также участие в данных действиях».

Заключение

Масштаб криминологических и социальных проблем в области внешней трудовой миграции в настоящее время велик и затрагивает не только плоскость уголовных и административных правоотношений, а в равной степени сферы трудовых, гражданских, предпринимательских и конституционных правоотношений. Разрешение данных вопросов законодательным путём возможно посредством широкого обсуждения, тщательной проработки и принятия специального кодифицированного нормативного правового акта — Миграционного кодекса Российской Федерации, в котором детально прописывались и закреплялись бы правовой статус, порядок въезда и пребывания, обязанности и правомочия внешних мигрантов в России.

Идея систематизации и кодификации миграционного законодательства в целом не нова и на протяжении длительного времени является предметом дискуссий политиков, учёных, управленцев. Практические шаги в данном направлении уже предприняты. В ходе работы Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ состоялось заседание Постоянной комиссии по

социальной политике и правам человека, участники которого рассмотрели проекты модельного Миграционного кодекса для государств-участников СНГ, что придало импульс и усилило деятельность по разработке проекта Миграционного кодекса в России.

Нами также предлагается подготовить и принять федеральный закон «О социальной и культурной адаптации и интеграции внешних трудовых мигрантов в Российской Федерации» с подробным описанием и нормативной регламентацией соответствующих мер, процедур и механизмов. Необходимость его разработки связана с тем, что действующие в настоящее время нормативные акты в области социальной адаптации и интеграции иммигрантов, а также проводимые органами власти субъектов РФ и муниципалитетами мероприятия по включению внешних трудовых мигрантов в российский рынок труда, не позволяют обеспечить системный подход к решению социальных и криминологических проблем во взаимоотношениях иностранных работников с принимающим российским обществом. Нарастающие в социуме проблемы криминализации, маргинализации, анклавизации и геттоизации внешних мигрантов являются подтверждением недостаточности осуществляющихся мероприятий и инициатив, нуждающихся в законодательном фундаменте и должном ресурсном обеспечении.

Литература и Интернет-источники

1. **Дмитриев, А. В.** Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряжённость, конфликты / А. В. Дмитриев, Г. А. Пядухов // Социологические исследования. — 2006. — № 9. — С. 86–95. EDN: OPKCB
2. **Балашова, Т. Н.** Миграционные процессы в России и обеспечение национальной безопасности: проблемы правового регулирования / Т. Н. Балашова. — Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2007. — 163 с. EDN: QRMWED
3. **Брызгалов, Д. В.** О теоретических основах миграционной политики / Д. В. Брызгалов // Закон и право. — 2009. — № 2. — С. 17–18. EDN: KUCUYN
4. **Прудникова, Т. А.** Трудовая миграция как массовое явление в современном мире / Т. А. Прудникова // Вестник Московского университета МВД России. — 2006. — № 1. — С. 31–32. EDN: HTRRYZ
5. **Мукомель, В. И.** Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда / В. И. Мукомель // Статистика и экономика. — 2017. — № 6. — С. 69–79.

EDN: YMWJPM

6. **Мукомель, В. И.** Миграционная политика России. Постсоветские контексты / В. И. Мукомель. — Москва : Диполь-Т, 2005. — 350 с. EDN: QOPBGR
7. **Алтухов, С. А.** Проблемы противодействия преступности мигрантов, вызванные событиями на Украине, в Сирии и в Европе / С. А. Алтухов // Регулирование миграционных процессов на юге России: политические, юридические и правоохранные аспекты: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции (Ростов-на-Дону, 12 октября 2016 г.). — Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД РФ, 2016. — С. 139–146. EDN: XWXGOB
8. **Самойлов, В. Д.** О государственной миграционной политике / В. Д. Самойлов, К. В. Селезнева // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 8. — С. 54–57. EDN: AAZHWT
9. **Pajo, E.** International Migration, Social Demotion and Imagined Advancement: An Ethnography of Socioglobal Mobility / E. Pajo. — New York : Springer, 2018. — 213 p.
10. **Sandberg, S.** Black Drug Dealers in a White Welfare State: Cannabis Dealing and Street Capital in Norway / S. Sandberg // British Journal of Criminology. — 2008. — No. 48. — P. 604–619.
11. **Neto, F.** Acculturation, Adaptation and Saudade Among Portuguese Migrants / F. Neto // Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. — 2019. — No. 7(153). — P. 667–669.
12. **Stanciu, A.** Stereotype Accommodation: A Socio-Cognitive Perspective on Migrants' Cultural Adaptation / A. Stanciu, M. Vauclair // Journal of Cross-Cultural Psychology. — 2018. — No. 7(49). — P. 1027–1047. EDN: YHFWEP
13. **Palmqvist, L.** International Labor Migration and Its Contribution to Economic Growth—A Case Study of Labor Immigration to Canada / L. Palmqvist. — Toronto: Lund University, 2017. — 261 p.
14. **Tonry, M.** The Handbook of Crime and Punishment / M. Tonry. — New York : Oxford University Press, 2000. — 832 p.
15. **Сухов, А. Н.** Миграция в Европе и её последствия / А. Н. Сухов, С. А. Трыканова. — Москва : Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2011. — 214 с. EDN: UVVYLR
16. **Истомин, В. Г.** Проблема ответственности физических лиц за уклонение от уплаты налогов: уголовно-правовой и социальный аспекты / В. Г. Истомин // Российский юридический журнал. — 1999. — № 3. — С. 142–152. EDN: OLVJPE
17. **Bauman, Z.** Wasted Lives: Modernity and Its Outcasts / Z. Bauman. — Cambridge : Polity Press, 2014. — 152 p.
18. **Щедрина, О. В.** Возможна ли мультикультуральная модель интеграции мигрантов в России? / О. В. Щедрина // Социологические исследования. — 2004. — № 11. — С. 67–74. EDN: OWQMUP
19. **Корсаков, К. В.** Парадигмальный фон дискурса об абсолютном и утилитарном в уголовном наказании / К. В. Корсаков // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2014. — № 1. — С. 118–123. EDN: TAFVTP
20. **Корсаков, К. В.** Предупреждение конфликтов между россиянами и внешними трудовыми мигрантами / К. В. Корсаков, А. Д. Цветкова // Российское право: образование, практика, наука. — 2023. — № 2. — С. 86–96. EDN: SSCDST
21. **Предьбайло, В. А.** Незаконная миграция как объект профилактического воздействия / В. А. Предьбайло // Российская юстиция. — 2009. — № 12. — С. 29–31. EDN: KZBEEP

Сведения об авторе:

Корсаков Константин Викторович, к.ю.н., доцент, ведущий научный сотрудник Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева; старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: korsakovekb@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2967-9884; РИНЦ AuthorID: 625307.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.6

EXTERNAL LABOR MIGRATION IN MODERN RUSSIA: SOCIO-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL CONTEXTS

Konstantin V. Korsakov

Ural State Law University

(21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, Russia, 620137)

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch RAS

(16 Sofya Kovalevskaya str., Yekaterinburg, Russia, 620048)

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Funding:

The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23–28–00032. URL: <https://rscf.ru/project/23–28–00032/>.

For citation:

Korsakov V.K. External labor migration in modern Russia: socio-legal and criminological contexts. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 63-74. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.6 (in Russ.)

Abstract. *In modern Russia, criminological and sociological problems of external labor migration are relevant and topical, and primarily associated with large-scale uncontrolled and illegal migration, as well as with the ongoing criminalization of the sphere of migration relations. The problems accumulated in the migration area pose a significant threat to the national security of our country. The author has made an attempt to identify social hotbeds and determinants of the criminalization of migration processes and to formulate special measures and means aimed at decriminalizing the sphere of migration relations and reducing the level of illegal migration in Russia. The aim was to consider the current processes in the field of external labor migration in the Russian Federation and specific tasks to identify the main problems in this area in the socio-legal and criminological context and to propose effective ways to solve them, which are characterized by novelty and originality both in practical and theoretical terms. The research was carried out on the basis of empirical methods of cognition (conversations, in-depth interviews, sociological survey), as well as general scientific and interdisciplinary methods of cognition (comparative legal, formal legal and structural-functional). The key idea of this publication is that the scale and level of criminological and sociological problems in the field of external labor migration require development and adoption of a codified regulatory legal act—Migration Code of the Russian Federation, which would prescribe in detail and enshrine legal status, order of entry and stay, duties and rights of external migrants in Russia. Due to the special criminological and social significance of the processes of social adaptation, acculturation and integration of external labor migrants, the author of the publication proposes to develop and adopt a Federal Law «On social and cultural adaptation and integration of external labor migrants in the Russian Federation» with detailed regulation of appropriate measures, procedures and mechanisms.*

Keywords: *external labor migration, sociology of migration, migrant crime, social adaptation of migrants, criminological prevention.*

References and Internet sources

1. Dmitriev A. V., Piadukhov G. A. Etnicheskiye gruppy trudyashchihsya-migrantov i prinimayushcheje obshchestvo: vzaimodejstviye, napryazhonnost', konflikty [Working migrants' ethnic groups and receiving society: interaction, tensions, and conflicts]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2006. No. 9. P. 86–95. (in Russ.)
2. Balashova T.N. Migratsionnyje processy v Rossii i obespechenije natsional'noj bezopasnosti: problemy pravovogo regulirovaniya. [Migration Processes in Russia and Ensuring National Security: Problems of Legal Regulation]. Yelets. EGY [Yelets State University]. 2007. 163 p. (in Russ.)
3. Bryzgalov D. V. O teoreticheskikh osnovakh migratsionnoj politiki [On the theoretical foundations of migration policy]. *Zakon i pravo [Justice and Law]*. 2009. No. 2. P. 17–18. (in Russ.)
4. Prudnikova T.A. Trudovaya migratsiya kak massovoje yavlenije v sovremennom mire [Labor migration as a mass phenomenon in the modern world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2006. No. 1. P. 31–32. (in Russ.)
5. Mukomel V.I. Migranty na rossijskom rynke truda: zanyatost', mobilnost', intensivnost' i oplata truda [Migrants at the Russian labor market: occupatins, mobility, intensity of labor and wages]. *Statistika i ekonomika [Statistics and Economics]*. 2017. No. 6. P. 69–79 (in Russ.)
6. Mukomel V.I. Migratsionnaya politika Rossii. Postsovetskie konteksty [Migration Policy of Russia. Post-Soviet Contexts]. Moscow. Dipol-T. 2005. 350 p. (in Russ.)
7. Altukhov S.A. Problemy protivodejstviya prestupnosti migrantov, vyzvannye sobytiyami na Ukraine, v Sirii i v Evrope [Problems of countering migrant crime caused by the events in Ukraine, Syria and Europe]. *Regulirovaniye migratsionnyh processov na yuge Rossii: politicheskije, yuridicheskije i pravoohranitel'nyje aspekty [Regulation of Migration Processes in the South of Russia: Political, Legal and Law Enforcement Aspects]*. Proceedings of the All-Russian scientific conference. Rostov-on-Don. 2016. P. 139–146. (in Russ.)
8. Samoilov V.D., Selezneva K.V. O gosudarstvennoj migratsionnoj politike [On the state migration policy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2020. No. 8. P. 54–57. (in Russ.)
9. Pajo E. *International Migration, Social Demotion and Imagined Advancement: An Ethnography of Socioglobal Mobility*. New York. Springer. 2018. 213 p.
10. Sandberg S. Black drug dealers in a white welfare state: cannabis dealing and street capital in Norway. *British Journal of Criminology*. 2008. No. 48. P. 604–619.
11. Neto F. Acculturation, adaptation and saudade among Portuguese migrants. *Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*. 2019. No. 7(153). P. 667–669.
12. Stanciu A., Vauclair M. Stereotype accommodation: A socio-cognitive perspective on migrants' cultural adaptation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018. No. 7(49). P. 1027–1047.
13. Palmqvist L. *International Labor Migration and Its Contribution to Economic Growth—A Case Study of Labor Immigration to Canada*. Toronto. Lund University. 2017. 261 p.
14. Tonry M. *The Handbook of Crime and Punishment*. New York. Oxford University Press. 2000. 832 p.
15. Sukhov A.N., Trykanova S.A. Migratsiya v Evrope i yeyo posledstviya. [Migration in Europe and Its Consequences]. Moscow. Flinta. 2011. 214 p. (in Russ.)
16. Istomin V.G. Problema otvetstvennosti fizicheskikh lits za ukloenije ot uplaty nalogov: ugovovno-pravovoj i sotsialnyj aspekty [The problem of responsibility of individuals for tax evasion: criminal-legal and social aspects]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 1999. No. 3. P. 142–152. (in Russ.)

17. Bauman Z. *Wasted Lives: Modernity and Its Outcasts*. Cambridge. Polity Press. 2014. 152 p.
18. Shchedrina O.V. *Vozmozhna li multikulturalnaya model integratsii migrantov v Rossii?* [Is multicultural model feasible to integrate migrants in Russia?]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [*Sociological Studies*]. 2004. No. 11. P. 67–74. (in Russ.)
19. Korsakov K.V. *Paradigmalnyj fon diskursa ob absoljutnom i utilitarnom v ugovnom nakazanii* [Paradigmatic background of discourse on absolute and utilitarian in criminal penalty]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [*Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*]. 2014. No. 1. P. 118–123. (in Russ.)
20. Korsakov K.V., Tsvetkova A.D. *Preduprezhdenije konfliktov mezhdru rossiyanami i vneshnimi trudovymi migrantami* [Conflict prevention between Russians and external labor migrants]. *Rossijskoje pravo: obrazovaniye, praktika, nauka* [*Russian Law: Education, Practice, Research*]. 2023. No. 2. P. 86–96. (in Russ.)
21. Predybaylo V.A. *Nezakonnaya migratsiya kak ob»jekt profilakticheskogo vozdejstviya* [Illegal migration as an object of preventive actions]. *Rossijskaya yustitsiya* [*Russian Justice*]. 2009. No. 12. P. 29–31. (in Russ.)

Information about the author:

Korsakov Konstantin Viktorovich, Candidate of Law, Leading Researcher, Ural State Law University; Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch RAS, Yekaterinburg, Russia.
Contact information: e-mail: korsakovekb@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2967-9884; Elibrary AuthorID: 625307.

Статья поступила в редакцию 03.06.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.7
EDN: YIGEOF

ВЫЯВЛЕНИЕ ЗОН ТЯГОТЕНИЯ ЦЕНТРОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ ПО ЦИФРОВЫМ СЛЕДАМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Чернышев К. А.^{1*}, Митягина Е. В.², Петров Е. Ю.³

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

²Вятский государственный университет
(610000, Россия, Киров, ул. Московская, 36)

³Томский государственный университет
(634050, Россия, Томск, проспект Ленина, 36)

*E-mail: kochern81@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00766. – URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00766/>.

Для цитирования:

Чернышев К. А., Митягина Е. В., Петров Е. Ю. Выявление зон тяготения центров высшей школы по цифровым следам пользователей социальной сети // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 75–86. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.7; EDN: YIGEOF

Аннотация. В информационном обществе данные социальных сетей наряду с официальной статистикой и социологическими опросами становятся важным источником информации о миграции населения. В статье анализируются возможности и опыт использования профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте» для изучения внутренней образовательной миграции. Основная цель работы – выявление зон влияния ведущих центров высшей школы, притягивающих межрегиональных образовательных мигрантов. Главным методом исследования выступил анализ цифровых следов пользователей социальной сети. В результате выявлены зоны влияния 23 городов, являющихся ведущими центрами получения высшего образования в РФ. К ним авторы относят города, соответствующие одному из критериев: наличие университета со статусом «федеральный» или включённого в число 10 лучших в России согласно рейтингу QS World University Rankings 2022, численность населения свыше 1 млн человек. Для каждой зоны рассчитано соотношение числа пользователей социальной сети: обучающихся в регионах тяготения центра, обучающихся во всех или только в «своём» ведущем центре высшей школы. Установлено, что территориальная близость не является определяющим фактором формирования зон тяготения ведущих центров высшей школы в современной России. На формирование образовательных потоков влияет совокупность факторов: престижность вуза, качество получаемого образования, предлагаемые направления подготовки, низкая стоимость обучения, наличие крупного города, восприятие социально-экономических условий и другие. Делается вывод, что использование данных социальной сети «ВКонтакте» для изучения образовательной миграции позволяет продвинуться в изучении процессов образовательной миграции.

Ключевые слова: высшая школа, социальные сети, «ВКонтакте», внутренняя миграция, образовательная миграция, регионализация, регионы России.

© Чернышев К. А., Митягина Е. В., Петров Е. Ю., 2023.

Введение

Обучение в высшем учебном заведении является важнейшим событием в жизни человека, нередко приводящим к смене места жительства на период учёбы или безвозвратно. Для молодого человека завершение общего образования открывает возможности профессионального самоопределения и миграционной мобильности. Для региона наличие развитого университета является ресурсом, необходимым для привлечения населения с других территорий и удержания собственного человеческого потенциала.

В данной работе рассмотрено получение высшего образования в «ведущих центрах высшей школы» — городах, имеющих наибольший потенциал для привлечения образовательных мигрантов. Внутророссийские образовательные миграции и зоны сбора абитуриентов исследуются с использованием профилей пользователей сети «ВКонтакте». Привлечение данных социальных сетей как источника для изучения миграции обусловлено существующими недостатками миграционного учёта: перемещение населения в пределах страны не всегда сопровождается выполнением формальных процедур, регистрацию по месту жительства или пребывания мигранты нередко игнорируют. Система учёта образовательной миграции в России также выступает объектом критики со стороны специалистов, указывающих, например, на расхождение данных Росстата и Минобрнауки РФ [1]. Внутророссийские образовательные мигранты, заполняя листки статистического учёта, как причину должны выбирать формулировку «в связи с учёбой». Однако вместо данной причины переселенцы стали чаще указывать другие. Так, в 2021 г. «в связи с учёбой» переселилось 7,3% внутророссийских мигрантов старше 14 лет, а в 2015 г. таковых было 16,9%¹. Кроме того, публикуемые данные текущей статистики не позволяют определить уровень учреждений образования,

притягивающих мигрантов, и конкретные города-центры притяжения.

Дополнительные возможности для изучения межрегиональной миграции даёт использование цифрового следа, который оставляют люди, проводя время в социальных сетях. Даже при условии, что распространённость социальных сетей среди социально-демографических групп населения неодинакова, данные, извлекаемые из профилей пользователей, позволяют сформировать внушительные выборки, обладающие необходимой полнотой информации. Понимаем, что пользователи могут указывать в профиле недостоверные сведения, закрывать информацию о себе, что приводит к смещению выборки. Поэтому перспективы использования данных социальных сетей связаны с верификацией полученных сведений, уточнением критериев достоверности данных, а также привлечением математических методов [2].

В качестве источника данных о внутророссийской миграции, связанной с получением высшего образования, использована выгрузка из социальной сети «ВКонтакте», которая содержит публичные профили студентов и выпускников вузов. Каждый заполненный профиль, выгруженный из социальной сети, содержит набор сведений о пользователе: информацию об образовании и карьере, демографических характеристиках, интересах, месте рождения, учёбы, проживания в разрезе конкретных населённых пунктов. Кроме того, сеть «ВКонтакте» имеет открытое API², которое позволяет получить более полную обобщённую информацию о пользователях.

Обзор исследований миграции населения на основе данных «ВКонтакте»

Одна из первых работ по изучению миграции на основе сведений о пользователях в социальной сети «ВКонтакте» была предпринята Н.Ю. Замятиной [3], предложившей оценивать территориальные зоны

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году (статистический бюллетень). — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 12.12.2022).

² Использование API. — URL: https://vk.com/dev/first_guide (дата обращения: 01.12.2022).

сбора абитуриентов и распределения выпускников вузов. Данная работа вылилась в создание веб-атласа «Виртуальное население России», в котором была представлена информация о местах учёбы и жительства, датах рождения, именах и дружеских связях пользователей социальной сети «ВКонтакте» [4]. Выгрузка осуществлялась в начале 2015 г., то есть до появления возможности сделать профиль закрытым, что позволило охватить 88 млн профилей. Указанный проект, выступая результатом масштабного исследования, рассматривается и как источник информации для других работ. Например, на основе его данных В.В. Фаузер и А.В. Смирнов изучали направления перемещения населения Арктики [5].

Другая группа социологов для изучения трансграничной образовательной миграции использовала данные сети «ВКонтакте» по потокам образовательных мигрантов из 279 российских городов в 40 зарубежных странах. Это позволило сгруппировать регионы России по тяготению к странам Ближнего Востока, Скандинавии, Китаю [6]. Н.К. Габдрахманов и Т.С. Бабкина рассматривали географию поступления абитуриентов (в разрезе федеральных округов), используя профили выпускников шести вузов России: Высшей школы экономики, Томского государственного университета, Северного (Арктического), Северо-Восточного, Уральского федеральных университетов, МГУ имени М.В. Ломоносова [7]. Н.К. Габдрахманов, В.В. Орлова и Ю.К. Александрова положили в основу типологии миграционного поведения данные цифровых следов студентов восьми университетов (кроме вышеназванных, Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, Тюменского государственного университета). Типы миграционного поведения выявлялись путём соотношения местоположений «родной город» и «текущий город», выдлив студентов, которые приезжают в город вуза и остаются в нём или считают регион вуза как транзитный [8]. И.П. Смирнов, Д.М. Виноградов и А.И. Алексеев предлагают рассматривать данные социальной сети как отражение предыдущей миграции насе-

ления. На примере «межстоличной» Тверской области, теряющей население, авторы выявили распределение по современному месту проживания участников сообществ «ВКонтакте» по отдельным населённым пунктам региона [9].

Новизна подхода, предлагаемого авторами данной статьи, заключается в охвате всей территории России. Удалось получить базу данных, в которой обозначен не только город получения образования, но и регион выхода мигрантов с делением до уровня муниципального образования. Это первая подобная попытка после того, как пользователи «ВКонтакте» получили возможность закрывать свои профили.

Источники информации

Количество пользователей «ВКонтакте» из России, по данным на 2021 г., составляло более 72 млн пользователей³. При выгрузке данных существуют ограничения: не у всех пользователей профиль хотя бы частично заполнен. Кроме того, с сентября 2018 г. администрация «ВКонтакте» объявила о «реформе приватности», благодаря которой появилась возможность делать профили закрытыми, данные по ним невозможно получить, не нарушая законодательство о защите персональных данных.

Для проведения исследования необходимы данные, содержащие информацию о регионе выхода и месте обучения студентов и выпускников российских вузов. Выгрузка данных цифрового следа из «ВКонтакте» осуществлена в научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Томского государственного университета с помощью платформы «SN Lab» (<https://lk.opendata.university>) в феврале 2022 года.

Для того чтобы пользователь был включён в выборку, необходимо соблюдение следующих условий: 1) тип аккаунта — «открытый» для выгрузки данных; 2) наличие в профиле пользователя заполнен-

³ Аудитория Вконтакте 2021: ежегодный рост продолжается. — URL: <https://vc.ru/vk/279614-auditoriya-vkontakte-2021-ezhogodnyy-rost-prodolzhaetsya> (дата обращения: 01.12.2022).

ного поля «родной город» («home_city_name»), а при его отсутствии поля «школа» («schools_city»), необходимых для идентификации места жительства до поступления в вуз. В случаях, когда пользователи указывали двойные названия населённых пунктов (например, «Курган-Тюмень»), в разработку брался город, указанный первым; 3) наличие в профиле пользователя заполненных полей «вуз» («univ_name») и «город вуза» («univ_city_name») — для идентификации города, в который переехал пользователь для обучения. У пользователей, которые указали, что обучались в нескольких вузах, рассматривалось последнее учебное заведение; 4) наличие в профиле пользователя заполненного поля «дата рождения». Указанным условиям соответствовали на момент выгрузки профили 5,3 млн пользователей «ВКонтакте» во всех регионах РФ. В работе использованы только открытые обезличенные данные пользователей, поэтому каждому профилю был проставлен случайно сгенерированный идентификатор. Для получения итоговой выборки профили не достигших 17 лет были исключены из рассмотрения. Далее, по ключевым словам, были исключены пользователи, у которых в поле «вуз» («univ_name») указано не высшее учебное заведение, а колледж, техникум и другое. В итоге, количество пользователей «ВКонтакте» было сокращено до 3,7 млн человек. Полученный набор данных превышает выборку, например, Всероссийской микропереписи населения 2015 г. в 2,2 млн человек⁴.

Следующим этапом являлась привязка данных пользователей к регионам на основании информации о родном городе или школе. Для решения этой задачи использовался набор данных сайта ИНИД «Населённые пункты России: численность населения и географические координаты»⁵. Массив данных включал более 70 млн позиций,

для работы с которым использовался язык программирования Python 3. С его помощью в начальную таблицу с базой «ВКонтакте» были добавлены данные из базы ИНИД по совпадению двух ключевых полей, присутствующих в обеих базах: название населённых пунктов («home_city_name» и «settlement») и название региона («home_region» и «region»). При условии совпадения названных полей профилю пользователя сети «ВКонтакте» проставлялся родной регион. Такой подход позволил избежать искажений в случае одинаковых названий населённых пунктов, расположенных в разных субъектах РФ.

Ведущие центры высшего образования РФ

На основании полученных данных был выявлен для каждого субъекта РФ город-центр, где высшее образование предпочитает получать большинство уроженцев или выпускников школ региона. Предпочтение в основном отдаётся вузам родных регионов, и только в Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, большинство пользователей направляются в другой субъект РФ. Мы исходим из того, что миграционная привлекательность центров высшей школы связана, во-первых, со статусом университета; во-вторых, с численностью населения города, поскольку небольшая численность жителей и неразвитый рынок труда снижают привлекательность для мигрантов. Регионы, в которых отсутствуют значимые вузы и нет крупных городов, в большинстве своём являются экспортерами человеческого капитала [10].

Большинство крупных российских университетов находятся в Москве и Санкт-Петербурге. Наивысшим статусом среди российских вузов наделены, наряду с МГУ и СПбГУ, федеральные университеты. Данные университеты создавались с целью формирования и развития конкурентоспособного человеческого капитала в федеральных округах РФ. Большинство из 10 университетов, обладающих статусом «федеральный» (за исключением вузов Екате-

⁴ Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года. — URL: <https://rosstat.gov.ru/micro-perepis> (дата обращения: 12.02.2023).

⁵ ИНИД. Населённые пункты России: численность населения и географические координаты. Источник: Минздрав РФ; обработка: Инфраструктура научно-исследовательских данных, АНО «ЦПУР», 2021. — URL: <http://data-in.ru/data-catalog/datasets/160/> (дата обращения: 12.08.2022).

ринбурга, Казани, Ростова-на-Дону) в настоящее время находятся в городах, не являющихся крупнейшими в соответствующих федеральных округах, а 4 университета — в городах с населением менее полумиллиона жителей (Архангельск, Калининград, Симферополь, Якутск). Вместе с тем, в России есть 10 городов-миллионников (Волгоград, Воронеж, Краснодар, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Самара, Уфа, Челябинск), не имеющих университетов с подобным статусом, но из-за многонаселённости тоже рассматриваются нами в качестве ведущих центров высшего образования. Включение в число лучших университетов в России согласно рейтингу QS World University Rankings 2022⁶ также указывает на высокий статус вуза. Однако не в городах-миллионниках находятся только Московский физико-технический институт (в городе Долгопрудном, фактически слившимся с Москвой) и Томский государственный университет.

Предложенная схема регионализации не лишена недостатков. Во-первых, в качестве ведущих центров не учитываются города с сильными университетами, не входящими в лидеры международного рейтинга и не имеющими федерального статуса, численность населения которых менее 1 млн человек (Тюмень, Саратов, Барнаул); во-вторых, для регионализации использованы крупные единицы — субъекты РФ.

Таким образом, ведущими центрами высшей школы, обладающими наибольшим потенциалом для привлечения или удержания населения в ходе образовательной миграции, являются 23 города-центра, соответствующие хотя бы одному из критериев: наличие университета со статусом «федеральный» или включённого в число 10 лучших в России согласно рейтингу QS World University Rankings 2022, численность населения свыше 1 млн человек. Получение высшего образования в ведущих центрах высшей школы отметили 2,197 млн пользователей «ВКонтакте», или 60% от выборки. По количеству тяготеющих к ним субъектов РФ

ведущие города-центры высшей школы могут быть разделены на пять типов (табл. 1).

1. «Столица» — наибольшим охватом пользователей «ВКонтакте» отличается Москва — главный центр высшего образования в России, опережающая другие ведущие города-центры по количеству образовательных мигрантов в 33 субъектах РФ (регионы Центральной России, большинство республик Северного Кавказа, отдельные регионы Поволжья и Дальнего Востока).

2. «Вторая столица» — Санкт-Петербург является центром притяжения для 11 субъектов РФ. Это почти все субъекты Северо-Запада, отдельные регионы Крайнего Севера в азиатской части страны.

3. «От 3 до 4 регионов» — такое число тяготеющих субъектов РФ имеют Воронеж, Владивосток, Красноярск, Новосибирск.

4. «Свой + 1» — привлекательны для абитуриентов из своего региона и одного из соседних субъектов РФ: Архангельск, Екатеринбург, Казань, Краснодар, Самара, Симферополь, Ставрополь, Томск, Челябинск.

5. «Свой регион» — зона влияния города-центра охватывает только свой регион: Волгоград, Калининград, Нижний Новгород, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Уфа, Якутск.

На привлекательность центров оказывает влияние совокупность основных факторов, которые учитываются абитуриентом при принятии решения о переезде: территориальная близость, параметры сферы образования, уровень социально-экономического развития региона. Выбирая университет, абитуриенты стремятся поступить в ведущий образовательный центр в своём регионе (если таковой имеется) или в ближайшем субъекте РФ. Формирование зон влияния некоторых городов-центров может быть связано с их бывшим или современным административным статусом в рамках территориального устройства страны, определившим традиционные связи по получению высшего образования. Примерами такого взаимодействия являются тяготение Карачаево-Черкесской Республики — к Ставрополю, Республики Хакасия — к Красноярску, Ненецкого АО — к Архангельску. Однако есть примеры, когда зоны влияния ве-

⁶ QS World University Rankings 2022. — URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022> (дата обращения: 12.02.2023).

Таблица 1

**Тяготение регионов России к ведущим центрам высшего образования
(по данным профилей пользователей «ВКонтакте»)**

Table 1

Gravity of Russian regions to the leading centers of higher education (according to «VKontakte» user profiles)

Город-центр высшего образования	Регионы тяготения	Тип
Архангельск	Архангельская обл., Ненецкий АО	4
Владивосток	Амурская обл., Еврейская АО, Приморский край, Сахалинская обл.	3
Волгоград	Волгоградская обл.	5
Воронеж	Белгородская обл., Воронежская обл., Липецкая обл.	3
Екатеринбург	Свердловская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра	4
Казань	Республики Марий Эл и Татарстан	4
Калининград	Калининградская обл.	5
Краснодар	Адыгея, Краснодарский край	4
Красноярск	Иркутская обл., Красноярский край, республики Тыва и Хакасия	3
Москва	Астраханская обл., Брянская обл., Владимирская обл., Республика Дагестан, Забайкальский край, Ивановская обл., республики Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Калмыкия, Калужская обл., Кировская обл., Костромская обл., Курская обл., Республика Мордовия, Москва, Московская обл., Орловская обл., Пензенская обл., Рязанская обл., Саратовская обл., Республика Северная Осетия – Алания, Смоленская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Тульская обл., Тюменская обл., Удмуртская Республика, Ульяновская обл., Хабаровский край, республики Чеченская и Чувашия, Чукотский АО, Ярославская обл.	1
Нижний Новгород	Нижегородская обл.	5
Новосибирск	Республики Алтай и Бурятия, Алтайский край, Новосибирская обл.	3
Омск	Омская обл.	5
Пермь	Пермский край	5
Ростов-на-Дону	Ростовская обл.	5
Самара	Оренбургская обл., Самарская обл.	4
Санкт-Петербург	Вологодская обл., Камчатский край, республики Карелия и Коми, Ленинградская обл., Магаданская обл., Мурманская обл., Новгородская обл., Псковская обл., Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий АО	2
Симферополь	Республика Крым, Севастополь	4
Ставрополь	Республика Карачаево-Черкесская, Ставропольский край	4
Томск	Кемеровская обл. – Кузбасс, Томская обл.	4
Уфа	Республика Башкортостан	5
Челябинск	Курганская обл., Челябинская обл.	4
Якутск	Республика Саха (Якутия)	5

Источник: выгрузка из сети «ВКонтакте» за февраль 2022 года.

дущих центров получения высшего образования включают удалённые от них субъекты РФ. Так, абитуриенты Ямало-Ненецкого АО, Камчатского края, Магаданской области предпочитают Санкт-Петербург другим ве-

дущим центрам, к Владивостоку тяготеют не граничащие с Приморьем области Амурская и Еврейская автономная, к Новосибирску – Республика Бурятия.

Слабое значение территориальной близости для формирования зон влияния ведущих центров проявляется при рассмотрении отдельных субъектов РФ, относящихся к зоне влияния Москвы, включающей, в частности, Чукотский АО, Республику Дагестан, Хабаровский край, другие удалённые территории. Показателен пример Республики Калмыкия, которая граничит с Ростовской, Волгоградской областями и Ставрополем — регионами, где имеются ведущие центры высшей школы. Но из 1579 профилей пользователей, родившихся или окончивших школы Калмыкии и поступивших в ведущие центры, 36% предпочли обучаться в Москве, а доля соседних регионов заметно ниже: Волгограда — 19%, Ставрополя — 16%, Ростова-на-Дону — 11%. Схожая картина с предпочтением столиц трём ближайшим городам-миллионникам характерна и для Удмуртской Республики, где доля Москвы в структуре обучающихся в ведущих центрах составляет 34%, Санкт-Петербурга — 16%, тогда как соседние Казань, Пермь, Уфа предпочитали, соответственно 16%, 15% и 1% рассматриваемых 7620 профилей пользователей «ВКонтакте».

Привлекательность ведущих центров высшей школы определяется и факторами, непосредственно связанными со сферой образования. Формированию исходящих потоков образовательных мигрантов способствует слабость высшей школы в отдельных регионах, в которых вузы отсутствуют или имеются только филиалы. Притягивающими факторами, связанными со сферой образования, являются престижность вуза, качество получаемого образования, предлагаемые направления подготовки, низкая стоимость обучения.

Миграции, связанные со сферой образования, могут определяться социально-экономическими факторами. Согласно отдельным исследованиям, выбор учебного заведения и миграционные планы абитуриентов определяются не столько качеством образования в региональных вузах, сколько субъективным восприятием социально-экономических условий региона, в котором они хотели бы получать образование [11].

С учётом того, что в малом городе не может быть создан широкий набор условий жизни, важным притягивающим фактором указывается наличие в регионе крупного центра как его экономического, культурного, инфраструктурного ядра [10]. Социально-экономические факторы или их восприятие определяют возможности трудоустройства, заработка, самореализации мигрантов, большинство из которых переселяется в молодом возрасте. Такие переселения только по форме являются образовательными миграциями, а поступление и дальнейшая учёба в вузе другого региона выступает способом переезда и адаптации на новом месте. Направления выезда на учебу из малых городов выбираются с учётом планов остаться в крупном городе и даже «с прицелом» на последующий отъезд всей семьи [12].

Дополнительный материал для анализа каждой из групп регионов, тяготеющих к одному из ведущих центров, даёт анализ соотношения количества следующих групп пользователей «ВКонтакте»: обучающихся в регионах тяготения, во всех или только в «своём» ведущем центре высшей школы (табл. 2).

Доля обучающихся в ведущих центрах в общем числе обучающихся из регионов тяготения определённого ведущего центра показывает стремление и возможность абитуриентов получать образование в ведущих центрах высшей школы. Низкая доля обучающихся в них характерна для групп субъектов РФ, тяготеющих к Томску и Москве. В случае столицы России это объяснимо большим количеством тяготеющих регионов и значительным территориальным охватом данной группы, а в случае Томска — наличием крупных городов, удерживающих абитуриентов в тяготеющей Кемеровской области — Кузбассе.

Наиболее велика доля ведущих центров в общем числе обучающихся в Калининградской (96%) и Омской областях (95%). Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, Калининград и Омск удалены от других ведущих центров, во-вторых, большая часть населения этих субъектов РФ проживает и обучается в областных центрах, где и находятся вузы. Подавляющее большинство поступающих из данных регионов

Таблица 2

Распределение профилей пользователей «ВКонтакте» по зонам тяготения городов-ведущих центров высшей школы, человек

Table 2

Distribution of «VKontakte» user profiles by gravity zones of cities — leading centers of higher education, persons

Город-центр высшего образования	Число обучающихся в регионах тяготения	Число обучающихся в ведущих центрах из регионов тяготения	Число обучающихся в «своём» ведущем центре из регионов тяготения	Доли при делении данных в колонках А, В и С		
	А	В	С	В/А	С/А	С/В
Архангельск	37484	28808	16622	0,77	0,44	0,58
Владивосток	77149	43327	34534	0,56	0,45	0,80
Волгоград	63839	52153	43956	0,82	0,69	0,84
Воронеж	129041	73997	61515	0,57	0,48	0,83
Екатеринбург	163967	120763	97760	0,74	0,60	0,81
Казань	118950	76690	64929	0,64	0,55	0,85
Калининград	28963	27583	23042	0,95	0,80	0,84
Краснодар	116089	76899	53933	0,66	0,46	0,70
Красноярск	148618	80107	58547	0,54	0,39	0,73
Москва	1310548	634783	532378	0,48	0,41	0,84
Нижний Новгород	100983	82432	73986	0,82	0,73	0,90
Новосибирск	165820	99508	76941	0,60	0,46	0,77
Омск	51833	50017	45547	0,96	0,88	0,91
Пермь	85669	70515	57030	0,82	0,67	0,81
Ростов-на-Дону	99196	68306	57953	0,69	0,58	0,85
Самара	134429	76752	61744	0,57	0,46	0,80
Санкт-Петербург	422629	300713	254403	0,71	0,60	0,85
Симферополь	43607	23890	17690	0,55	0,41	0,74
Ставрополь	49759	31658	21309	0,64	0,43	0,67
Томск	98009	44333	30010	0,45	0,31	0,68
Уфа	66817	38943	24565	0,58	0,37	0,63
Челябинск	123397	80202	61669	0,65	0,50	0,77
Якутск	19659	14435	7893	0,73	0,40	0,55
Всего	3656455	2196814	1777956	0,60	0,49	0,81

Источник: выгрузка из сети «ВКонтакте» за февраль 2022 года.

были либо внутрирегиональными мигрантами, а не межрегиональными, либо не являлись мигрантами, получая образование в родном городе.

Наименьшая значимость «своего» ведущего центра выявлена у выходцев из Саха (Якутии) и Архангельской области, 55 и 58%

соответственно. Архангельск и Якутск не относятся к числу крупнейших городов, а статусные университеты, расположенные здесь не столь успешно конкурируют с другими вузами. Абитуриенты из Архангельской области, направляющиеся в ведущие центры, предпочитают обучение не только в Архан-

гельске, но и в Санкт-Петербурге — 21%, Москве — 12%, Владивостоке — 2% и других городах. Уроженцы и выпускники школ Республики Саха (Якутии), помимо Якутска, выбирают Новосибирск — 12%, Москву — 11%, Санкт-Петербург — 8% от числа выбравших ведущие центры высшей школы.

Заключение

Существование ведущих центров высшего образования организует потоки образовательной миграции на пространстве России. Центры высшей школы заметно различаются по количеству тяготеющих к ним субъектов РФ. Наиболее мощными из них являются Москва и Санкт-Петербург. К слабым из ведущих центров, притягивающих абитуриентов только своего региона относятся Волгоград, Калининград, Нижний Новгород, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Уфа, Якутск.

Наличие «сильных» университетов в разных регионах страны должно позитивно сказываться на интеллектуальной динамике. Но создавать в каждом крупном городе мощный вуз с целью «удержания молодё-

жи» нецелесообразно. Получение высшего образования в столицах не будет приводить к негативным последствиям для других регионов в случае, если социально-экономическая ситуация в них будет мотивировать выпускников вузов вернуться. В ином случае получение образования скорее будет являться способом переезда.

Привлечение данных цифровых следов пользователей «ВКонтакте» позволяет продвинуться в изучении процессов регионализации сферы высшего образования. Однако следует учитывать, что использование пользователями настроек приватности или указания в профиле недостоверной информации, может приводить к смещению выборки. Тем не менее, применение сведений социальных сетей для изучения образовательной миграции, как и вообще «больших данных» в изучении населения, представляется авторам актуальным, поскольку позволяет, с одной стороны, дополнить данные традиционной статистики, доверие к которой снижается из-за недоучёта мигрантов, а с другой, охватить больше респондентов, чем традиционные социологические опросы.

Литература и Интернет-источники

1. **Чудиновских, О. С.** О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами / О. С. Чудиновских, А. В. Степанова // Демографическое обозрение. — 2020. — Т. 7. — № 1. — С. 54–82. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10820; EDN: CGSRIL
2. **Гребенюк, А. А.** Исследование миграционных процессов в электронных социальных сетях / А. А. Гребенюк, А. А. Субботин // Цифровая социология. — 2021. — Т. 4. — № 2. — С. 23–31. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-2-23-31; EDN: FVKNMY
3. **Замятина, Н. Ю.** Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте») / Н. Ю. Замятина // Региональные исследования. — 2012. — № 2(36). — С. 15–28. EDN: PCFDYP
4. **Замятина, Н. Ю.** Виртуальная география виртуального населения / Н. Ю. Замятина, А. Д. Яшунский // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 1. — С. 117–137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07; EDN: YQUCNL
5. **Фаузер, В. В.** Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов // Арктика: экология и экономика. — 2020. — № 4 (40). — С. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18; EDN: JDXXAO
6. **Alexandrov, D.** Educational Migration from Russia to China: Social Network Data / D. Alexandrov, V. Karepin, I. Musabirov // WebSci'16: Proceedings of the 8th ACM Conference. — 2016. — P. 309–311. DOI: 10.1145/2908131.2908192; EDN: WVYCMN

7. **Габдрахманов, Н.К.** Цифровые следы образовательной миграции / Н.К. Габдрахманов, Т.С. Бабкина // Межвузовская научно-техническая конференция студентов, аспирантов и молодых специалистов имени Е.В. Арменского (Москва, 18–28 февраля 2019 г.).— Москва : НИУ ВШЭ, 2019.— С. 87–88. EDN: ZEZPGH
8. **Габдрахманов, Н.К.** Миграционное поведение студентов российских вузов на основе данных цифровых следов / Н.К. Габдрахманов, В.В. Орлова, Ю.К. Александрова // Вестник Томского государственного университета.— 2021.— № 467.— С. 106–114. DOI: 10.17223/15617793/467/14; EDN: IJYMZD
9. **Смирнов, И. П.** К Москве или к Санкт-Петербургу? Тяготение населения Тверской области по данным сети «ВКонтакте» / И.П. Смирнов, Д.М. Виноградов, А.И. Алексеев // Известия РГО.— 2019.— Т. 151.— Вып. 6.— С. 69–80. DOI: 10.31857/S0869-6071151669-80; EDN: XFKOXN
10. **Гайнанов, Д. А.** Влияние центр-периферийных отношений на молодёжную образовательную миграцию / Д. А. Гайнанов, А. Г. Атаева // Ars Administrandi.— 2021.— Т. 13.— № 3.— С. 335–358. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-3-335-358; EDN: ROXEGX
11. **Захарова, И. В.** Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов / И.В. Захарова // Высшее образование в России.— 2019.— Т. 28.— № 7.— С. 71–84. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84; EDN: AMMQJP
12. **Мкртчян, Н. В.** Миграция молодёжи из малых городов России / Н.В. Мкртчян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.— 2017.— № 1.— С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15; EDN: YORVWV

Сведения об авторах:

Чернышев Константин Анатольевич, к.геогр.н., ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kochern81@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3543-4776; РИНЦ AuthorID: 623010.

Митягина Екатерина Владимировна, д.соц.н., доцент, проректор по развитию на основе анализа данных, Вятский государственный университет, Киров, Россия.

Контактная информация: e-mail: usr07868@vyatsu.ru; ORCID: 0000-0002-7294-4508; РИНЦ AuthorID: 530937.

Петров Евгений Юрьевич, лаборант суперкомпьютерного центра, Томский государственный университет, Томск, Россия.

Контактная информация: e-mail: petrov@data.tsu.ru; ORCID: 0000-0002-7140-7882; РИНЦ AuthorID: 1109731.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.7

IDENTIFYING GRAVITY ZONES OF HIGHER SCHOOL CENTERS BY DIGITAL TRACES OF SOCIAL MEDIA USERS

Konstantin A. Chernyshev^{1*}, Ekaterina V. Mitiagina², Evgeny Yu. Petrov³

¹*Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS
(6, bldg. 1 Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)*

²*Vyatka State University
(36 Moskovskaja str., Kirov, Russia, 610000)*

³*Tomsk State University
(36 Lenina prospect, Tomsk, Russia, 634050)*

**E-mail: kochern81@gmail.com*

Funding:

The study was funded by the RSF, grant No. 22–28–00766. URL: <https://rscf.ru/en/project/22–28–00766/>.

For citation:

Chernyshev K.A., Mitiagina E.V., Petrov E. Yu. Identifying gravity zones of higher school centers by digital traces of social media users. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 75-86. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.7 (in Russ.)

Abstract. *In the information society, social media data, along with official statistics and sociological surveys, are becoming an important source of information about population migration. The article analyzes the possibilities and experience of using «VKontakte» user profiles for studying internal educational migration. The main purpose of the study is to identify the leading higher school centers that attract interregional educational migrants. The principal research method used is analysis of digital traces of social network users. As a result, there have been identified the influence zones of 23 cities being the leading higher education centers in the Russian Federation. Among them are the cities that meet one of the following criteria: having a university with the «Federal» status or being included in the top 10 in Russia according to the QS World University Rankings 2022, population of the city—over 1 million people. The ratio of the number of the social network users is calculated for each zone: students in regions of the gravity center, students in all or only in «their» leading center of higher education. Territorial proximity has turned out not to be a determining factor when forming higher education areas in modern Russia. Formation of educational flows is influenced by a combination of factors: prestige of university, quality of education received, proposed areas of training, low cost of education, presence of a big city, socio-economic conditions, and others. It is concluded that the use of data from the «VKontakte» social network for the study of educational migration makes it possible to make a significant progress in studying these processes.*

Keywords: *higher education, social networks, VKontakte, internal migration, educational migration, regionalization, regions of Russia.*

References and Internet sources

1. Chudinovskikh O.S., Stepanova A.O. O kachestve federalnogo statisticheskogo nabljudeniya za migratsionnymi protsessami [On the quality of the federal statistical observation of migration processes]. *Demograficheskoe obozreniye [Demographic Review]*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 54–82. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10820 (in Russ.).
2. Grebenyuk A.A., Subbotin A.A. Issledovaniye migratsionnykh processov v elektronnykh sotsialnykh setyah [Research of migration processes in electronic social networks]. *Tsifrovaya sotsiologiya [Digital Sociology]*. 2021. Vol. 4. No. 2. P. 23–31. DOI: 10.26425/2658–347X-2021–4–2–23–31 (in Russ.).
3. Zamyatina N. Yu. Metod izucheniya migratsiy molodezhi po dannym sotsial'nykh internet-setey: Tomskiy gosudarstvennyy universitet kak «tsentr proizvodstva i raspredeleniya» chelovecheskogo kapitala (po dannym sotsial'noy internet-seti «VKontakte») [The method of studying the migration of young people on these social networking Web: Tomsk State University as a «center for the production and distribution» of human capital (according to the social online network «VKontakte»). *Regionalnyye issledovaniya [Regional Studies]*. 2012. № 2(36). P. 15–28. (in Russ.).
4. Zamyatina N. Yu., Yashunsky A.D. Virtualnaya geografija virtualnogo naseleniya. [Virtual geography of virtual population] *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i sotsialnyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2018. No. 1. P. 117–137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07 (in Russ.).
5. Fauzer V.V., Smirnov A.V. Migratsii naselenija rossijskoj Arktiki: modeli, marshruty, rezultaty [Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results]. *Arktika: ekologija i ekonomika [Arctic: Ecology and Economy]*. 2020. No. 4(40). P. 4–18. DOI: 10.25283/2223–4594–2020–4–4–18 (in Russ.).

6. Alexandrov D., Karepin V., Musabirov I. Educational migration from Russia to China: Social network data. *WebSci'16: Proceedings of the 8th ACM Conference*. 2016. P. 309–311. DOI: 10.1145/2908131.2908192
7. Gabdrakhmanov N.K., Babkina T.S. Tsifrovyye sledy obrazovatelnoy migratsii [Digital traces of educational migration]. *Interuniversity Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates and Young Specialists*. (Moscow, 18–28 February 2019). Moscow. VShE [Higher School of Economics]. 2019. P. 87–88. (in Russ.)
8. Gabdrakhmanov N.K., Orlova V.V., Aleksandrova Yu. K. Migratsionnoye povedeniye studentov rossijskikh vuzov na osnove dannyh tsifrovyyh sledov [Migration behavior of Russian university students based on digital footprint data]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2021. No. 467. P. 106–114. DOI: 10.17223/15617793/467/14 (in Russ.)
9. Smirnov I. P., Vinogradov D. M., Alexeev A. I. K Moskve ili k Sankt-Peterburgu? Tjagoteniye naselenija tverskoj oblasti po dannym seti «VKontakte» [To Moscow or to Saint Petersburg? Population gravity of the Tver Region according to the data of «VKontakte» online network]. *Izvestija Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Russian Geographical Society]*. 2019. Vol. 151. No. 6. P. 69–80. DOI: 10.31857/S0869–6071151669–80 (in Russ.)
10. Gaynanov D.A., Ataeva A.G. Vlijaniye centr-periferijnyh otnoshenij na molodezhnuju obrazovatelnuju migratsiju [Influence of center-peripheral relations on youth educational migration]. *Ars Administrandi*. 2021. Vol. 13. No. 3. P. 335–358. DOI: 10.17072/2218–9173–2021–3–335–358 (in Russ.)
11. Zakharova I.V. Sderzhivaniye mezhregionalnoj uchebnoj migratsii: rol' vuzov [The role of universities in curbing interregional educational migration]. *Vyssheje obrazovaniye v Rossii [Higher Education in Russia]*. 2019. Vol. 28. No. 7. P. 71–84. DOI: 10.31992/0869–3617–2019–28–7–71–84 (in Russ.)
12. Mkrтчan N.V. Migratsija molodezhi iz malyh gorodov Rossii [The youth migration from small towns in Russia]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Ekonomicheskije i sotsialnyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2017. No. 1 P. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15 (in Russ.)

Information about the authors:

Chernyshev Konstantin Anatolyevich, Candidate of Geography, Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kochern81@gmail.com; ORCID: 0000–0003–3543–4776; Elibrary AuthorID: 623010.

Mitjagina Ekaterina Vladimirovna, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Development, Vyatka State University, Kirov, Russia.

Contact information: e-mail: usr07868@vyatsu.ru; ORCID: 0000–0002–7294–4508; Elibrary AuthorID: 530937.

Petrov Evgeny Yuryevich, Laboratory Assistant, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

Contact information: e-mail: petrov@data.tsu.ru; ORCID: 0000–0002–7140–7882; Elibrary AuthorID: 1109731.

Статья поступила в редакцию 28.05.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.8
EDN: ZDTP TZ

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Крошкилин С. В.^{1,2,3*}, Медведева Е. И.^{1,2}, Ярашева А. В.¹

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашиевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского
менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ)
(115088, Россия, Москва, Шарикоподшипниковская ул., 9)

³Рязанский государственный медицинский университет имени академика
И. П. Павлова (390026, Россия, Рязань, ул. Высоковольтная, 9)

*E-mail: krosh_serгей@mail.ru

Для цитирования:

Крошкилин С. В., Медведева Е. И., Ярашева А. В. Построение модели оценки удовлетворённости качеством жизни: эконометрический подход // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 87-98.
DOI: 10.19181/population.2023.26.4.8; EDN: ZDTP TZ

Аннотация. Целью исследования являлось применение авторского подхода к оценке удовлетворённости качеством жизни населения на основе построения математической модели. Для этого был рассчитан интегральный показатель, отражающий степень удовлетворённости от n -ого количества факторов, влияющих на качество жизни. Моделирование осуществлялось на основе эконометрического аппарата с применением методов взвешенных оценок, а также корреляционного анализа для учёта влияния каждого из параметров, выбранных для интегрального показателя. Объект исследования – население типичного российского города, предмет – самооценка населением показателей качества жизни. Эмпирической базой исследования послужили данные квазилонгитюдного социологического исследования Таганрог-2014. Уникальность проекта, который реализуется на базе ИСЭПН ФНИСЦ РАН с 1967 г., заключается в том, что существует возможность изучения социально-экономических показателей, характеризующих жизнь населения одного города в динамике. Проведённый расчёт интегрального коэффициента показал, что с учётом выделенных 7 показателей удовлетворённости: доход, работа, питание, жильё, здоровье, образование, семейное положение, и рассчитанными коэффициентами парной корреляции, он составил 4,84 (по десятибалльной шкале). Модель проверена на основе нескольких выборок по категории «Основное занятие». Интегральный показатель для работающих по найму людей составил 4,88, работающих пенсионеров – 4,45, для предпринимателей – 5,02. Представленная модель является универсальной, т.к. при построении интегрированного показателя может быть использовано любое количество параметров, которые исследователь предполагает проанализировать при расчёте показателей качества жизни населения. Полученные результаты имеют как теоретическое, так и практическое значение для учёных, исследователей и специалистов, которые занимаются вопросами оценки удовлетворённости качеством жизни населения, а также для органов власти, принимающих участие в решении вопросов социального и экономического характера.

Ключевые слова: качество жизни населения, модель оценки удовлетворённости, эконометрический подход, уровень доходов, качество питания, жилищные условия.

© Крошкилин С. В., Медведева Е. И., Ярашева А. В., 2023.

Введение

Как в периоды экономического роста и увеличения благосостояния населения, так и в условиях нестабильности, одной из важных исследовательских задач выступает разработка подходов к оценке удовлетворённости человеком качеством жизни. Понятие «качество жизни населения», широко используемое в экономике, социологии, политике, менеджменте, здравоохранении как совокупная оценка условий и характеристик жизнедеятельности, связано со степенью удовлетворённости этими условиями. Учёными рассматриваются внешние (объективные) [1; 2] и внутренние (субъективные) [3] группы факторов, влияющие на динамику изменения качества жизни, формирование оценки индивидуумом удовлетворения потребностей [4], а также определения его уровня — минимальный; нормальный; высокий. Методики оценки качества жизни населения в нашей стране постоянно меняются, при этом для России большую роль играют подходы, связанные с измерением дифференциации показателей по субъектам федерации [5]. «Методологические положения по статистике» (Росстат), определяющие основной набор индикаторов уровня и качества жизни населения, а также социально-экономических показателей их оценки в РФ¹, содержат объективные² и, в связи с этим, относительно легко измеряемые показатели.

Но в отличие от объективных индикаторов, формирующих форматы удовлетворённости на основе в большей мере институциональных переменных, субъективные

базируются на самооценке населением удовлетворённости своей жизнью. Они включают в себя анализ ответов респондентов относительно возможности для самореализации, социальной уверенности, успешности [6; 7], оценки личной безопасности, принципов уважения со стороны окружающих, состояния физического и психического здоровья, мотивации к трудовой жизни [8; 9] и карьерному росту, удовлетворённости условиями жилья и уровнем своего дохода, экологической обстановкой, качеством досуга и отдыха. На наш взгляд, именно субъективная оценка удовлетворённости качеством жизни (УКЖ), связанная с понятием «потребность» [10], под которой понимается нужда индивида в необходимом для поддержания жизнедеятельности и развития человеческой личности, имеет важное теоретическое и практическое значение. Не всегда объективные показатели совпадают с ощущениями и истинными потребностями людей: встречаются и парадоксальные ситуации, когда даже относительно высокий уровень, например, доходов или состояния здоровья, может не удовлетворять представителей отдельного слоя общества, и, наоборот, низкая, например, жилищная обеспеченность, не вызывает желания улучшить качество жилья, или низкий уровень дохода компенсируется удовлетворённостью благоприятной экологической обстановки. В связи с этим предложен авторский подход к оценке удовлетворённости населения качеством своей жизни на основе формирования интегрального показателя, базирующегося на ответах респондентов.

Методология исследования

Методология построения модели интегральной оценки удовлетворённости качеством жизни населения основана на эконометрических подходах [11] с применением методов взвешенных оценок и корреляционного анализа [12]. Эконометрический подход позволяет математическим путём определить степень влияния каждого из выделенных факторов (показателей), сформировать вид модели, оценить параметры,

¹ Методологические положения по статистике.—URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13250> (дата обращения: 26.06.2023).

² Показатели: 1) номинальный и располагаемый доход; 2) реальный располагаемый денежный доход; 3) конечные номинальные доходы; 4) конечные реальные доходы; 5) валовой располагаемый доход домашних хозяйств; 6) валовой скорректированный располагаемый доход; 7) фактическое конечное потребление; 8) расходы на конечное потребление; 9) валовое сбережение; 10) среднедушевые денежные доходы; 11) совокупный доход домашних хозяйств; 12) среднемесячная начисленная заработная плата; 13) среднемесячная назначенная пенсия; 14) покупательная способность денежных доходов населения; 15) структура доходов населения; 16) дифференциация доходов населения; 17) величина прожиточного минимума.

проверить адекватность и качество полученных результатов. Для математических расчётов поставленных задач исследования были использованы табличный процессор Microsoft Excel (Надстройка «Пакет анализа данных») и программный продукт IBM SPSS Statistics [13] (Standard Campus Edition Academic Authorized). В качестве источника статистических наблюдений использованы результаты опроса 2014 г., полученные в рамках уникального Проекта «Таганрог», который реализуется на базе ИСЭПН ФНИСЦ РАН с 1967 г. [14]. Данный проект позволяет выявлять в динамике изменения, происходящие в социально-экономических процессах населения одного города. Полученные результаты (Таганрог-2014) сопоставлялись и анализировались с предыдущими этапами исследования с сохранением основного блока вопросов. В 2014 г. было обследовано 723 домохозяйства (1951 человек) [15]. На основе результатов данных статистических наблюдений в рамках последнего среза Таганрог-2014 была создана база данных в пакете IBM SPSS Statistics³.

При проведении сравнительного анализа параметров, которые используются в модели интегральной оценки и для учёта влияния совокупности факторов основной проблемой является разная размерность и/или большой массив данных⁴. Для получения более объективных результатов использовались несколько методов перевода имею-

щихся качественных характеристик в цифровую форму. Метод взвешенных оценок использовался для представления «качественной» социологической информации в «количественную» на основе интерпретации (перевода) необходимых для анализа переменных (данных) в балльную оценку. Он основывается на множестве альтернатив специально подобранных критериев выбора и шкал. При сведении размерной шкалы социально-экономических показателей (факторов) в безразмерную используется преобразование вида [12]:

$$I'_s = \frac{S_i - S_{\min}}{S_{\max} - S_{\min}}, \quad (1)$$

где I'_s – удельный индекс показателя S_i параметра, отражённого в статистическом наблюдении; S_i – значение показателя S_i параметра в наблюдении; S_{\max} – максимальное значение показателя S_i ; S_{\min} – минимальное значение показателя S_i .

Ещё одним способом, использованным в работе, является трансформация переменной S_i в переменную перечисляемого типа I'_s , осуществляемый следующим образом [12]:

$$I'_s = \begin{cases} 0, & \text{если } S_i \in [\text{интервал } 0] \\ 1/k, & \text{если } S_i \in [\text{интервал } 1] \\ \dots & \\ 1, & \text{если } S_i \in [\text{интервал } k] \end{cases} \quad (2)$$

³ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022620172 Российская Федерация. Социально-экономическое исследование «Таганрог-5 (2015 г.)» № 2021623331: заявление 27.12.2021, опубликовано 19.01.2022 / В.В. Локозов, С.В. Крошкин, Е.И. Медведева; заявитель ФГБУН ФНИСЦ РАН. EDN: LRFIFM

⁴ Потребовалось преобразование имеющейся базы данных: прежде всего из выборки были исключены респонденты, которые не работали на момент исследования: пенсионеры, школьники, учащиеся профессиональных учреждений. В результате база статистических наблюдений для настоящего исследования составила 1040 человек из них: 46,5% мужчин и 53,5% женщин. Основные характеристики респондентов следующие: работают по найму 73,4%, занимаются предпринимательской деятельностью 5,5%, работающих пенсионеров 12,4%, находящихся в декретном отпуске, в отпуске по уходу за ребёнком и занимающихся домашним хозяйством 7%, работающих студентов и аспирантов 1,5%. Согласно семейному положению: в зарегистрированном браке 63,7%, состоящих в незарегистрированном браке/союзе 9,5%, вдовцов/вдов 4,3%, разведённых 11,6%, не состоял(и) в браке 10,9%.

В этом случае I'_s фактически является нормированной балльной оценкой по параметру S_i . Основная проблема заключается в определении границ интервалов. В нашем случае для ответов на большинство вопросов по Проекту Таганрог-2014, которые были выбраны для оценки УКЖ населения, использовали пятибалльную шкалу (от 1 – «Очень плохо» до 5 – «Очень хорошо»)⁵. После перевода всех необходимых данных

⁵ Для возможности дальнейшего сопоставления и результатов наблюдения все ответы респондентов были «перемасштабированы» в данный вид шкалы. Такой подход позволяет получить достаточно точную количественную балльную оценку рассматриваемых переменных, систематизируя критерии с оценкой их веса.

по наблюдениям к одной шкальной размерности можно перейти к расчету совокупной интегральной оценки удовлетворённости населения. Данный показатель можно рассчитывать следующим образом:

$$J = \sum_{i=1}^n I_{(cp)i} (1 + K_i), \quad (3)$$

где J — интегральный показатель УКЖ; $I_{(cp)i}$ — усреднённый показатель по i -ому показателю УКЖ; K_i — коэффициент корреляции по i -ому показателю УКЖ; i — количество показателей УКЖ, используемых в модели.

Для расчётов коэффициентов корреляции по i -ому показателю УКЖ (K_i) использовался математический аппарат IBM SPSS Statistics, который позволяет построить парный коэффициент корреляции Пирсона. Данный статистический аппарат возможно применять, когда анализируемые переменные представлены метрическими шкалами. Формула для вычисления коэффициента корреляции [12]:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^N (x - \bar{x})(y - \bar{y})}{N S_x S_y}, \quad (4)$$

где x и y — средние значения пары переменных; S_x и S_y — стандартные отклонения пары переменных; N — количество наблюдений.

Коэффициент корреляции Пирсона (r) позволяет зафиксировать, в какой степени рассматриваемая пара переменных (x и y) одновременно отклоняется от средних значений. Таким образом, коэффициент корреляции Пирсона учитывает линейность между парой переменных. Значение данного коэффициента может колебаться от -1 (отрицательная связь или обратная) до $+1$ (положительная связь или прямая). Нулевое значение данного коэффициента свидетельствует только об отсутствии линейной зависимости, но при исследовании социологических данных зависимость между показателями может быть и не линейной, и носить более сложный характер.

Усреднённый показатель по i -ому показателю УКЖ можно рассчитать следующим образом:

$$I_{(cp)i} = \frac{1}{m} \sum_{j=1}^m A_j I_j, \quad (5)$$

где A_j — вес данного показателя согласно шкале (балл); I_j — значение показателя УКЖ; m — размерность шкалы. Таким образом, для расчёта интегральной оценки удовлетворённости качеством жизни населения необходимо воспользоваться формулой (3) с учётом предварительных расчётов по формулам (4) и (5).

Результаты исследования

Использование определённого метода всегда обусловлено целью исследования. В мировой практике сформированы индексы качества жизни, сочетающие в себе данные объективные (статистические) и субъективные (опросы населения). Так, например, интегральный индекс The Economist Intelligence Unit's quality-of-life index, получивший в 2013 г. новое название: «Лучшие страны, где можно родиться» (Where-to-be-born⁶), включает в себя 9 факторов: 1) ожидаемая продолжительность жизни; 2) семейная жизнь: уровень разводов (на 1 тыс. человек); 3) общественная жизнь; 4) материальное благополучие: ВВП на душу населения; 5) политическая стабильность и безопасность; 6) климат и география; 7) гарантия занятости; 8) политическая свобода; 9) гендерное равенство. При расчёте индекса Better Life Index⁷ используются данные: 1) жилищные условия; 2) уровень дохода; 3) уровень безработицы и качество рабочих мест; 4) самоорганизация населения для социальной поддержки, насыщенности общественной жизни; 5) качество образования; 6) состояние окру-

⁶ The «Where-To-Be-Born» Index: The Highest And Lowest Scoring Countries. — URL: <https://www.worldatlas.com/articles/the-where-to-be-born-index-the-highest-and-lowest-scoring-countries.html> (дата обращения: 21.05.2023).

⁷ Индекс лучшей жизни ОЭСР — OECD Better Life Index. — URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/OECD_Better_Life_Index (дата обращения: 03.07.2023). Его отличием является возможность для каждого пользователя расставить свои приоритеты по важности перечисляемых показателей.

жающей среды; 7) общественные действия за демократию; 8) состояние здоровья населения; 9) удовлетворённость населения своей жизнью; 10) безопасность; 11) соотношение труда и отдыха. Главная задача международного индекса Happy Planet Index⁸ — отразить «реальное» благосостояние, но не через значения ВВП на душу населения или иные экономические показатели, а на основе трёх групп данных: 1) субъективная удовлетворённость жизнью населения; 2) ожидаемая продолжительность жизни; 3) загрязнённость окружающей среды. Ещё один индекс — Happy Life Expectancy⁹ — строится всего по двум параметрам: 1) продолжительность жизни; 2) удовлетворённость жизнью¹⁰. Глобальный индекс благополучия, вычисляемый компанией Gallup и Healthways¹¹, является мировым барометром восприятия собственного благополучия населением и включает: 1) наличие у человека жизненных целей и возможности их достижения; 2) круг общения и семейное благополучие; 3) финансовое благополучие; 4) комфортные отношения на уровне местного сообщества; 5) состояние здоровья. Благополучие человека по каждому показателю в данном случае описывается тремя уровнями: «процветает», «борется» или «страдает»¹².

В настоящей статье предложена авторская методика определения интегральной оценки удовлетворённости населением качеством своей жизни. Авторским коллективом на основе проведённых ранее исследований [3; 6; 7; 9; 10] определены 7 основ-

ных показателей УКЖ, которые можно было выделить из имеющейся базы социологических наблюдений Проекта Таганрог-2014¹³. Эти показатели включали удовлетворённость следующими составляющими: уровнем дохода, состоянием здоровья, условиями труда, качеством питания, жилищными условиями, уровнем образования и семейным положением.

Используя преобразования на основе формул (1) и (2), показатели удовлетворённости доходом, работой, образованием, здоровьем были сведены к единой шкале измерения. Для показателя удовлетворённости семейным положением потребовалось изменение направления шкалы¹⁴. Затем были заданы параметры частотных таблиц для создания запроса к базе статистических наблюдений. Визуализация результатов приведена на рисунке 1.

Как видно из приведённых данных, наиболее значимо из всех факторов УКЖ респонденты оценивают семью — 63,7% на 5 баллов. Однако и критической оценки в 1 балл в данной категории больше, нежели других: каждый десятый выбрал данный вариант. Критически оценивают респонденты и свою работу — 9,4% на 1 балл, пятая часть на 2 балла. Полностью удовлетворяет работа лишь 1,7% респондентов. По оставшимся факторам показатели значительно не отличаются. Оценили образование на «хорошо» 48,6%, здоровье 44,9%, доход 43,5%. Для наглядности произведённых расчётов была построена визуализация средней оценки факторов УКЖ (рис. 2).

⁸ Happy Planet Index 2021. Methodology Paper. — URL: <https://happyplanetindex.org/wp-content/themes/hpi/public/downloads/happy-planet-index-methodology-paper.pdf> (дата обращения: 27.06.2023).

⁹ Ruut Veenhoven. Happy Life Expectancy. — URL: <https://personal.eur.nl/veenhoven/Pub1990s/96b-full.pdf> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁰ Вычисляется индекс как произведение средней ожидаемой продолжительности жизни на долю граждан страны, довольных своей жизнью.

¹¹ Gallup Global Life Evaluation Index. — URL: <https://www.gallup.com/394505/indicator-life-evaluation-index.aspx> (дата обращения: 03.07.2023).

¹² «Процветание» определяется как высокий уровень благополучия, «борьба» — умеренное или нестабильное благополучие, «страдание» — низкий и нестабильный уровень.

¹³ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022620172 Российская Федерация. Социально-экономическое исследование «Таганрог-5 (2015 г.)»: № 2021623331: заявление 27.12.2021: опубликовано 19.01.2022 / В.В. Локосов, С.В. Крошилин, Е.И. Медведева; заявитель ФГБУН ФНИСЦ РАН. EDN: LRFFIM

¹⁴ Так как в анкете вопрос звучал следующим образом: «Назовите, пожалуйста, семейное положение каждого члена семьи в настоящее время» и для него использовались закрытия: «состоит в зарегистрированном браке» — 1; «состоит в незарегистрированном браке/союзе» — 2; «вдовец/вдова» — 3; «разведен/разведена» — 4; «никогда не состоял(а) в браке/союзе» — 5. Что не соответствовало введённой пятибалльной шкале, где 1 — «Очень плохо», 2 — «Плохо», 3 — «Удовлетворительно», 4 — «Хорошо», 5 — «Очень хорошо».

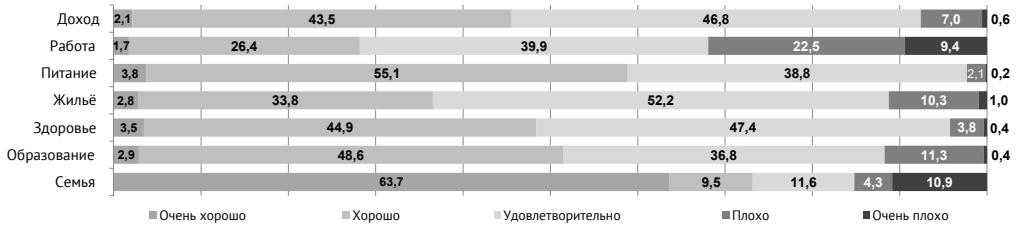

Рис. 1. Оценка факторов УКЖ (по всей выборке), %*

Fig. 1. Assessment of satisfaction with the quality of life factors (for the entire sample), %

*Для оценки используется пятибалльная шкала, где 1 — «Очень плохо», 2 — «Плохо», 3 — «Удовлетворительно», 4 — «Хорошо», 5 — «Очень хорошо».

Источник: расчёты авторов (на основе данных лонгитюдного исследования Таганрог-2014).

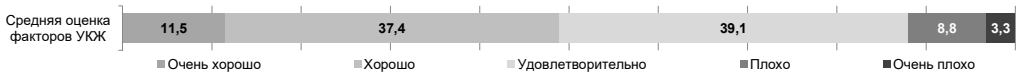

Рис. 2. Средняя оценка факторов УКЖ (по всей выборке), %*

Fig. 2. The average assessment of satisfaction with the quality of life factors (for the entire sample), %

*Для оценки используется пятибалльная шкала, где 1 — «очень плохо», 2 — «плохо», 3 — «удовлетворительно», 4 — «хорошо», 5 — «очень хорошо».

Источник: расчёты авторов (на основе данных лонгитюдного исследования Таганрог-2014).

В среднем по всем выделенным факторам УКЖ 39,1% респондентов оценивают их «удовлетворительно», почти столько же «хорошо» (37,4%), «очень хорошо» — каждый десятый (11,5%). «Плохо» и «очень плохо» оценили в среднем все факторы УКЖ 8,8% и 3,3% — респондентов соответственно.

Далее для расчётов была применена формула (5), которая позволила получить усреднённый показатель по *i*-ому показателю УКЖ. Алгоритм расчётов предполагает осуществление «взвешенности» полученными данными по коэффициентам корреляции показателей удовлетворённости (ПУ) (формула 4). Коэффициенты корреляции ПУ были получены путём построения таблицы парных корреляций между основными показателями УКЖ. За основу сравнения был принят фактор «удовлетворённость доходом» (табл. 1).

С точки зрения корреляционной зависимости наиболее весомым оказался фак-

тор «питание» — 0,504. Вторым по значимости показатель «работа» — 0,464, а на третьем месте «здоровье» — 0,262. Практически аналогичные показатели у факторов «жильё» (0,241) и «образование» (0,235). Меньше всего выявлена корреляционная зависимость между «доходом» и «семьей» — лишь 0,168. Проведённые расчёты показали, что полученные в табл. 1 значения коэффициентов статистически значимы. Для расчёта интегрального показателя УКЖ человека была использована формула (3). Визуализация результатов приведена на рис. 3.

Интегральный показатель УКЖ для базы социологических наблюдений Проекта Таганрог-2014 с учётом выделенных 7 показателей удовлетворённости, которые были включены в авторскую модель удовлетворённости качеством жизни населения составил 4,84 (в соответствии с десятибалльной шкалой). Причём наибольший

Таблица 1

Коэффициенты корреляции ПУ (составляющих УКЖ)

Table 1

Correlation coefficients of success rate (components of satisfaction with the quality of life)

Фактор	ПУ _(Доход)	ПУ _(Работа)	ПУ _(Питание)	ПУ _(Жильё)	ПУ _(Здоровье)	ПУ _(Образование)	ПУ _(Семья)
ПУ _(Доход)	1	0,464	0,504	0,241	0,262	0,235	0,168
ПУ _(Работа)	0,464	1	0,369	0,193	0,192	0,229	0,129
ПУ _(Питание)	0,504	0,369	1	0,301	0,240	0,246	0,131
ПУ _(Жильё)	0,241	0,193	0,301	1	0,142	0,137	0,082
ПУ _(Здоровье)	0,262	0,192	0,240	0,142	1	0,136	0,040
ПУ _(Образование)	0,235	0,229	0,246	0,137	0,136	1	0,038
ПУ _(Семья)	0,168	0,129	0,131	0,000	0,040	0,038	1

Источник: расчёты авторов (на основе данных лонгитюдного исследования Таганрог-2014).

Рис. 3. Интегральный показатель УКЖ*

Fig. 3. The integral indicator of the satisfaction with the quality of life

*Расчёт баллов в соответствии с десятибалльной шкалой (на основе расчетов по формуле (5), где $m=10$, для более точной оценки).

Источник: расчёты авторов (на основе данных лонгитюдного исследования Таганрог-2014).

вес имеют следующие показатели: «доход» (6,79), «питание» (5,42) и «семья» (4,80). Следует отметить, что исходная выборка достаточно специфическая, т.к. при проведении исследований в 2014 г. не стояла задача оценки всех сфер (сторон) качества жизни населения, были лишь оценены некоторые факторы, которые возможно включить в показатель «удовлетворённость». Однако несмотря на дан-

ные ограничения, полученный показатель УКЖ соответствует уровню жизни жителей г. Таганрог, т.к. коррелируется в сравнении с иными данными, полученными в результате опроса в 2014 г. и открытыми источниками.

Для проверки адекватности авторской модели были рассчитаны показатели согласно формулам (3–5) на нескольких выборках из базы данных Таганрог-2014. За

основу составления выборки взяты ответы респондентов на вопрос «Основное занятие». Были отобраны «работающие по найму» (73,4% от общей выборки), «работающие пенсионеры» (12,4%) и «предприниматели» (5,5%).

Результаты расчёта интегрального показателя УКЖ в соответствии с выбранным типом занятости респондентов приведены на рисунке 4.

Рис. 4. Интегральный показатель УКЖ в соответствии с типом занятости респондентов*
 Fig. 4. The integral indicator of the satisfaction with the quality of life in accordance with the type of employment of respondents

*расчёт баллов в соответствии с десятибалльной шкалой (на основе расчетов по формуле (5), где $m=10$, для более точной оценки).

Источник: расчёты авторов (на основе данных лонгитюдного исследования Таганрог-2014).

Группа «работающие по найму» составляет основу выборки. Полученный результат совпал с подсчётом предыдущего показателя. Интегральный показатель УКЖ «работающие пенсионеры» равен 4,45; это меньше общего значения на 8,05%. У «предпринимателей» показатель равен 5,02 (выше на 3,7% от общей выборки), причём у последних «значительный вклад» в показатель вносят такие параметры как: «доход» (7,61), «работа» (5,92) и «здоровье» (4,85). У категории «работающие пенсионеры» в интегральном показателе больший вес имеют: «доход» (6,73), «питание» (4,60) и «семья» (4,60). То есть, модель вполне адекватно «ведёт себя» на разных выборках и позволяет получать логичный и обоснованный результат.

Мониторинг качества жизни на разных уровнях социального управления целесообразно рассматривать как целостную систе-

му непрерывного наблюдения для анализа и прогнозирования развития основных социально-экономических процессов в стране. Достоверная оценка удовлетворённости качеством жизни человека может использоваться как один из действенных механизмов и способов управленческого воздействия на рост благополучия населения. Авторами предложена модель оценки удовлетворённости качеством жизни на основе эконометрических подходов с применением методов взвешенных оценок и корреляционного анализа. Данный подход даёт возможность изучить и учесть влияние различных факторов, которые оказывают воздействие на самооценку УКЖ. Разработанный метод универсален, т.к. количество включаемых для анализа переменных может быть любым; на основе корреляционной зависимости определён уровень влияния каждого из них. Модель прошла проверку на адекватность и верификацию на нескольких выборках социологических наблюдений из базы исследований Таганрог-2014.

Литература и Интернет-источники

1. **Закирова, А. Ф.** Удовлетворённость трудом как составляющая качества трудовой жизни / А. Ф. Закирова // Вестник науки. — 2020. — Т. 2. — № 4 (25). — С. 16–19. EDN: ВРЕУАФ
2. **Александрова, О. А.** Влияние экономических ожиданий на финансовое поведение российского населения / О. А. Александрова, А. В. Ярашева // Вопросы статистики. — 2016. — № 5. — С. 70–79. EDN: WAWXKR
3. **Ярашева, А. В.** Качество жизни населения: проблемы социологического измерения / А. В. Ярашева // От качества жизни — к качеству народонаселения. Сборник статей участников Конференции в рамках программы «МЭФ-2016» (Москва, 23 марта 2016 г.) / отв. ред. В. В. Локосов. — Москва, 2017. — С. 122–138. EDN: YTKZGF
4. **Шибалков, И. П.** Дифференциация удовлетворённости качеством жизни у пожилых людей в России / И. П. Шибалков, О. П. Недоспасова, И. А. Павлова, В. А. Бойков // Успехи геронтологии. — 2022. — Т. 35. — № 6. — С. 900–910. DOI: 10.34922/AE.2022.35.6.012; EDN: YAMXJY
5. **Берендеева, А. Б.** Анализ показателей и рейтингов уровня и качества жизни населения регионов / А. Б. Берендеева, О. С. Воробьева, Ю. С. Руданова // Вестник Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия: Экономические науки. — 2020. — № 1(23). — С. 95–108. EDN: KSIRAA
6. **Шабунова, А. А.** Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования / А. А. Шабунова, В. Г. Доброхлеб, Е. И. Медведева [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12. — № 6. — С. 27–50. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2; EDN: GRDOTW
7. **Шабунова, А. А.** Успешность в современном обществе: итоги межстранового исследования / А. А. Шабунова, В. Г. Доброхлеб, Е. И. Медведева [и др.]. — Вологда : Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. — 253 с. EDN: WOJLJI
8. **Веприкова, А. И.** Условия труда и его безопасность как факторы уровня и качества жизни населения / А. И. Веприкова // Социально-экономическое управление: теория и практика. — 2013. — № 1(23). — С. 130–132. EDN: XEAUMP
9. **Медведева, Е. И.** Новые вызовы «успешным людям»: тренды российских реалий / Е. И. Медведева, С. В. Крошкилин // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2023. — № 4(150). — С. 229–237. EDN: NMJNPV
10. **Медведева, Е. И.** Экономическая успешность: детерминанты и тенденции / Е. И. Медведева, С. В. Крошкилин // Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2): проблемы, факторы и перспективы развития в современной геэкономической реальности: сборник материалов VII Санкт-Петербургского экономического конгресса (СПЭК-2022) (Санкт-Петербург, 31 марта — 01 апреля 2022 г.). — Москва : Институт нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, 2022. — С. 529–538. EDN: HNLTXG
11. **Крошкилин, С. В.** Эконометрическое исследование на основе многомерного линейного моделирования / С. В. Крошкилин, Е. И. Медведева. — Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2006. — 40 с. EDN: TDSKXB
12. **Крыштановский, А. О.** Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS / А. О. Крыштановский. — Москва : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2006. — С. 78–81. EDN: QOFWVL
13. **Пациорковский, В. В.** SPSS для социологов / В. В. Пациорковский, В. В. Пациорковская. — Москва : РИЦ ИСЭПН РАН, 2005. — 432 с. EDN: QOEJIN
14. **Римашевская, Н. М.** Таганрогские исследования: полвека спустя. Коллективная монография / Н. М. Римашевская, В. В. Локосов, О. А. Александрова [и др.]. — Москва, 2017. — 288 с. DOI: 10.26653/2017/978-5-7425-0185-5; EDN: YXJAFV
15. **Римашевская, Н. М.** Специфика информационной базы проекта «ТАГАНРОГ-2014» / Н. М. Римашевская, Е. И. Медведева, С. В. Крошкилин // Народонаселение. — 2016. — № 1(71). — С. 4–12. EDN: VRCROD

Сведения об авторах:

Крошилин Сергей Викторович, к.тех.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия; доцент Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова Министерства здравоохранения РФ, Рязань, Россия.

Контактная информация: e-mail: krosh_servey@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6070-1234; РИНЦ AuthorID: 664581.

Медведева Елена Ильинична, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ; Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: e_lenam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4200-1047; РИНЦ AuthorID: 381176.

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ AuthorID: 519466.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.8

CREATING A MODEL FOR ASSESSING SATISFACTION WITH THE QUALITY OF LIFE: AN ECONOMETRIC APPROACH

Sergey V. Kroshilin^{1,2,3*}, Elena I. Medvedeva^{1,2}, Aziza V. Yarasheva¹

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

²*Research Institute of Healthcare Organization and Medical
Management of the Moscow Department of Healthcare
(9 Ball Bearing Street, Moscow, Russia, 115088)*

³*Ryazan State Medical University
(9 Vysokovoltynaya str., Ryazan, Russia, 390026)*

*E-mail: krosh_servey@mail.ru

For citation:

Kroshilin S.V., Medvedeva E.I., Yarasheva A.V. Creating a model for assessing satisfaction with the quality of life: an econometric approach. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 87-98. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.8 (in Russ.)

Abstract. *The purpose of this study was to apply the author's approach to assessing satisfaction with the quality of life of the population based on construction of a mathematical model. Modeling is carried out on the basis of econometric approaches using methods of weighted estimates and correlation analysis to take into account the impact of each of the parameters selected for the integral indicator of satisfaction with the quality of life of the population on the final assessment. The object of the study is population of a typical Russian city, the subject is self-assessment of the quality of life by the population. The empirical basis of the study was the data from the sociological study Taganrog-2014. The uniqueness of this study that it was implemented within the longitudinal project carried out by ISESP RAS since 1967, that it makes it possible to study socio-economic indicators characterizing the life of the population of one city in dynamics. Calculation of the integral indicator of satisfaction with the quality of life of the population showed that, taking into account the selected 7 indicators of satisfaction (Income, Work, Food, Housing, Health, Education, Marital status) and the calculated coefficients of paired correlation, it made 4.84 (on a ten-point scale). The model was tested and its*

adequacy was verified on the basis of several samples in the category of «Main occupation» (the integral indicator for employed people was 4.88, for working pensioners — 4.45, and for entrepreneurs — 5.02). The presented model is universal, since when constructing an integrated indicator, any number of parameters can be used, which the researcher wishes to analyze when calculating indicators of the quality of life of the population. The results obtained have both theoretical and practical significance for scientists, researchers and specialists engaged in assessing the quality of life of the population, as well as for government structures involved in solving social and economic issues.

Keywords: quality of life of the population, satisfaction assessment model, econometric approach, income level, nutrition quality, housing conditions.

References and Internet sources

1. Zakirova A.F. Udovletvoronnost' trudom kak sostavlyayushchaya kachestva trudovoy zhizni [Job satisfaction as a component of the quality of working life]. *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*. 2020. Vol. 2. No. 4 (25). P. 16–19. (in Russ.)
2. Aleksandrova O. A. Yarasheva A. V. Vliyaniye ekonomicheskikh ozhidaniy na finansovoye povedeniye rossiyskogo naseleniya [The impact of the economic expectations on financial behavior of the Russian population]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2016. No. 5. P. 70–79. (in Russ.)
3. Yarasheva A. V. Kachestvo zhizni naseleniya: problemy sotsiologicheskogo izmereniya [Quality of life of the population: issues of sociological measurement]. *Ot kachestva zhizni — k kachestvu narodonaseleniya [From the Quality of Life to the Quality of Population]*. Proceedings of the Conference within the framework of the MEF-2016. Ed. V. V. Lokosov. Moscow. 2017. P. 122–138. (in Russ.)
4. Shibalkov I. P., Nedospasova O. P., Pavlova I. A., Boikov V. A. Differentsiatsiya udovletvoronnosti kachestvom zhizni u pozhilykh lyudey v Rossii [Differentiation of satisfaction with the quality of life of the older generation in Russia]. *Uspekhi gerontologii [Advances in Gerontology]*. 2022. Vol. 35. No. 6. P. 900–910. (in Russ.)
5. Berendeeva A. B., Vorobyova O. S., Rudanova Yu. S. Analiz pokazateley i reytingov urovnya i kachestva zhizni naseleniya regionov [Analysis of indicators and ratings of level and quality of life of population of regions]. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. G. i N. G. Stoletovykh. Seriya: Ekonomicheskiye nauki [Bulletin of Vladimir State University. Series: Economic Sciences]*. 2020. No. 1(23). P. 95–108. (in Russ.)
6. Shabunova A. A., Dobrokhleb V. G., Medvedeva E. I., et. al. Uspeshnost' sovremennogo cheloveka: teoretiko-metodologicheskiye aspekty issledovaniya [The successfulness of a modern individual: theoretical and methodological aspects of the study]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2019. Vol. 12. No. 6. P. 27–50. (in Russ.)
7. Shabunova A. A., Dobrokhleb V. G., Medvedeva E. I., et al. Uspeshnost' v sovremennom obshchestve: itogi mezhranovogo issledovaniya [Success in Modern Society: Results of a Cross-Country Research]. Vologda. Vologodskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk [Vologda Scientific Center RAS]. 2022. 253 p. (in Russ.)
8. Veprikova A. I. Usloviya truda i yego bezopasnost' kak faktory urovnya i kachestva zhizni naseleniya [Working conditions and its safety as factors of the standards and quality of life of the population]. *Sotsial'no-ekonomicheskoye upravleniye: teoriya i praktika [Socio-Economic Management: Theory and Practice]*. 2013. No. 1(23). P. 130–132. (in Russ.)
9. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Novyye vyzovy «uspeshnym lyudyam»: trendy rossiyskikh realiyy [New challenges for «successful people»: trends of Russian realities]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*. 2023. No. 4(150). P. 229–237. (in Russ.)
10. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Ekonomicheskaya uspeshnost': determinanty i tendentsii [Economic success: determinants and trends]. *Novoye industrial'noye obshchestvo vtorogo pokoleniya (NIO.2)*

problemy, faktory i perspektivy razvitiya v sovremennoy geoekonomicheskoy real'nosti [New Industrial Society of the Second Generation (NIS.2): Problems, Factors and Prospects for Development in Modern Geo-Economic Reality]. Proceedings of the VII St. Petersburg Economic Congress (SPEC-2022). Moscow. Institut novogo industrial'nogo razvitiya imeni S. Yu. Vitte [Institute of New Industrial Development]. 2022. P. 529–538. (in Russ.)

11. Kroshilin S. V., Medvedeva E. I. Ekonometricheskoye issledovaniye na osnove mnogomernogo lineynogo modelirovaniya [Econometric Research Based on Multidimensional Linear Modeling]. Kolomna. Kolomenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut [Kolomna State Pedagogical Institute]. 2006. 40 p. (in Russ.)
12. Kryshtanovsky A. O. Analiz sotsiologicheskikh dannykh s pomoshch'yu paketa SPSS [Analysis of Sociological Data Using the SPSS Package]. Moscow. VShE [Higher School of Economics]. 2006. P. 78–81. (in Russ.)
13. Patsiorkovsky V. V., Patsiorkovskaya V. V. SPSS dlya sotsiologov [SPSS for Sociologists]. Moscow. ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies RAS]. 2005. 432 p. (in Russ.)
14. Taganrogskiy issledovaniya: polveka spustya [Taganrog Studies: Half a Century Later]. Eds. N. M. Rimashevskaya, V. V. Lokosov. Moscow. 2017. 288 p. (in Russ.)
15. Rimashevskaya N. M., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Spetsifika informatsionnoy bazy proyekta «TAGANROG-2014» [Specifics of the information base of the Taganrog-2014 project]. Narodonaselenie [Population]. 2016. No. 1 (71). P. 4–12. (in Russ.)

Information about the authors:

Kroshilin Sergey Viktorovich, Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS; Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russia; Associate Professor, Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia.

Contact information: e-mail: krosh_sergey@mail.ru; ORCID: 0000–0002–6070–1234; Elibrary AuthorID: 664581.

Medvedeva Elena Ilyinichna, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS; Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: e_lenam@mail.ru; ORCID: 0000–0003–4200–1047; Elibrary AuthorID: 381176.

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Full Professor, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000–0002–6041–7700; Elibrary AuthorID: 519466.

Статья поступила в редакцию 04.07.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.9
EDN: KMGSRB

СЕМЕЙНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ

Доброхлеб В. Г.^{1,2*}, Ефанова О. А.¹

¹Институт социально-экономических проблем
населения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

*Email: vdobrokhled@mail.ru

Для цитирования:

Доброхлеб В. Г., Ефанова О. А. Семейный потенциал как составляющая человеческого потенциала регионов России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 99-109. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.9; EDN: KMGSRB

Аннотация. Целью проведённого исследования является изучение семейного потенциала, ядро которого составляют браки, как структурной компоненты человеческого потенциала. Формирование семей, их численность и качество имеет основополагающее значение при рассмотрении человеческого потенциала, т.к. отражает состояние социальной солидарности, которая формируется в том числе в семьях. В период между Всероссийскими переписями 2002, 2010, 2020 гг. в стране произошло снижение лиц, состоящих в браках: число состоящих в браке уменьшилось в 2020 г. по сравнению с 2002 г. на –7839 тыс. человек (–12,6%). Доля мужчин, состоящих в браке, снизилась на 11,8%, среди женщин снижение составило 11,4%. При этом наибольшее снижение произошло в период между переписями 2010 и 2020 гг.: –9,9% для мужских когорт и –9,5% для женских. В статье проанализированы показатели брачности и разводимости по регионам РФ, представлены факторы, влияющие на них, дана авторская дефиниция семейного потенциала. Показано, что социальная политика в РФ в основном связана с мерами по увеличению рождаемости, что в отрыве от влияния на сферу семейно-брачных отношений не приносит положительных результатов. При этом важнейшей задачей является формирование социальных ценностей, направленных на увеличение крепких семей, основанных на ценностях супружества.

Ключевые слова: человеческий потенциал, семейный потенциал, брачность, разводимость, социальные ценности, зарегистрированный брак, незарегистрированный супружеский союз.

Человеческий потенциал (ЧП) структурно может быть представлен многообразными компонентами, которые имеют различное наполнение для тех или иных социально-демографических групп. Информационной базой исследования стали статистические данные по регионам РФ за 2021 г., материалы Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг., результаты исследований зарубежных и отечественных учёных, а также данные социологических опросов, проведённых с участием авторов. Выбор 2021 г. для исследования обусловлен тем, что перепись 2020 г. фактически прошла в 2021 году.

Обзор исследований и методологические подходы к определению и анализу семейного потенциала

Учёными были созданы, а в дальнейшем и структурированы современные концепции человеческого потенциала [1]. На междисциплинарном уровне данные подходы разделены по трём основным направлениям: общетеоретическому, социально-экономическому и социологическому. Общетеоретический подход концентрирует внимание на выявлении социальной сущности человека и возможностях её применения [2, с. 20]. При этом подходе человеческий потенциал связан со способностями людей к разнообразным социальным действиям. Содержательно структура человеческого потенциала состоит из шести показателей: здоровья; готовности к семейной жизни и воспитанию детей; знаний и квалификации; приспособляемости к социальной инфраструктуре; культурно-ценностных ориентаций и психологической компетентности. Группа социально-экономических теорий ЧП базируются на утверждении, согласно которому целью социально-экономического развития является не уровень дохода, или объём ВВП, а растущие возможности людей прожить долгую, здоровую жизнь [3–7]. Н.М. Римашевская подчёркивала, что ЧП обусловлен как качественными,

так и количественными характеристиками населения. Она уделяла существенное внимание анализу потенциала различных половозрастных групп населения, в том числе с использованием гендерного подхода [8]. Н.М. Римашевская выделила ряд фундаментальных компонент, составляющих качественную характеристику населения: здоровье, профессионально-образовательные способности, формирующие интеллектуальный потенциал, культурно-нравственные ценности и духовность граждан, их социокультурная активность [9, с. 54]. Т.И. Заславская предложила в числе элементов человеческого потенциала: социально-демографический, социально-экономический; социокультурный; деятельностный потенциал [10].

Ряд исследователей выделяют такую компоненту человеческого потенциала как семейный потенциал. Некоторые учёные рассматривают семейный потенциал как подвид социального потенциала [11]. В ряде работ даётся определение семейного потенциала как интегрального показателя, в первую очередь, связанного с воспроизводственной функцией [12; 13]. В рамках данного исследования предлагается следующая авторская дефиниция семейного потенциала: «Семейный потенциал является одной из составляющей человеческого потенциала и входит в его демографическую компоненту. Семейный потенциал отражает склонность населения к семейной жизни, формируется пронаталистским поведением массовых слоев населения, под влиянием которого складывается посемейная структура поселений, регионов, стран. Семейный потенциал может измеряться в количественных и качественных показателях. Количественные показатели семейного потенциала определяются такими факторами, как численность и половозрастная структурой населения, склонность населения к формированию семейно-брачных отношений, которые измеряются демографическими показателями, базирующихся на результатах переписей населения, показателях брачности и разводимости и дру-

гих. Формирование семей, их численность и качество имеет основополагающее значение при рассмотрении человеческого потенциала, т.к. отражает состояние социальной солидарности, которая формируется в том числе в семьях. Качественные показатели, характеризующие семейный потенциал основаны на результатах социологических опросов по семейным ценностям и социальным нормам».

В.Е. Черникова и Н.И. Мазаева отмечают, что наличие центробежных тенденций — характерная особенность современных семейно-гендерных отношений, обусловленных стремлением к удовлетворению индивидуальных потребностей супругов [14, с. 272]. Ослабление супружеских связей, как сложный современный вызов, рассматривал в своих работах С. И. Голод. По его мнению, «невозможно представить себе совмещение: полного «слияния» в любви и признания эротической автономии для каждого из супругов; долг друг перед другом и свободу расторжения союза; непререкаемый авторитет одного из партнёров и их эгалитарность; взаимное поощрение профессиональных амбиций и готовность к выстраиванию собственных индивидуальных биографий — всё это не может функционировать в традиционной моногамии» [15, с. 48]. Вместе тем результаты социологических опросов регулярно подтверждают высокую социальную ценность семьи для разных поколений нашей страны. Международные исследования показывают, что направленность динамики демографических процессов определяется изменениями ценностей и норм. Р. Инглхарт совместно с другими исследователями предложил учитывать в числе наиболее значимых индикаторов социальных изменений взгляды населения на семейные, гендерные и сексуальные отношения [16; 17].

Фундаментальным вопросом современности остаётся вопрос: «крепкая семья» — это традиционная ценность прошлого или будущего? Может ли общество реально воздействовать на социальные изменения, и что является потенциальной, «огромной

силой»? На эти вопросы П. Сорокин дал ответ в одной из своих книг «Главные тенденции нашего времени». Это «увеличение неэгоистической творческой любви» [18, с. 229]. Вопрос в том, готовы ли мы к решению этой задачи.

Семейный потенциал современной России

Численность населения и его состав является основой расчётов количественных показателей человеческого потенциала населения как на макро-, так и на мезоуровнях. Между Всероссийскими переписями населения 2010¹ и 2020² гг. население РФ увеличилось на 2041 тыс. человек. За счёт роста городского населения прибавилось 3438 тыс. человек, а число сельских жителей в этот период сократилось на 1397 тысяч. Впервые со времени последней переписи, проведённой в СССР в 1989 г., на 2 процентных пункта (п.п.) вырос уровень урбанизации России. По данным переписи 2020 г. в России остаётся существенным разрыв в соотношении полов: в стране проживало 68431 тыс. мужчин и 78750 тыс. женщин. Среди горожан число женщин превышает число мужчин на 9062 тыс. человек, на селе — на 1256 тысяч. В промилле соотношение мужчин и женщин на макроуровне составляет 1151.

За период между Всероссийскими переписями увеличилось число россиян в возрастах 16+. В том числе на +3628 тыс. человек в период между 2002 и 2020 гг., и на +2775 тыс. человек в 2020 г. по сравнению с 2010 годом. При этом число состоящих в браке уменьшилось в 2020 г. по сравнению с 2002 г. на 7839 тыс. человек (–12,6%), а в период между 2020 и 2010 гг. — на 6403 тыс. человек (–9,6%). В сравнении данных переписей 2020 и 2002 гг. доля мужчин, состоящих в браке, снизилась на 11,8%, среди женщин на 11,4%. При этом

¹ Росстат. — URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612. (дата обращения: 09.02.2023).

² Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 09.02.2023).

наибольшее снижение произошло в период между переписями 2010 и 2020 гг.: $-9,9\%$ для мужских когорт и $-9,5\%$ — для женских. Отметим, что снизилось количество зарегистрированных браков (в 2020 г. по сравнению с 2002 г. снижение составило 6635 тыс. человек (или $10,8\%$) и возросла численность населения, состоящего в незарегистрированном супружеском союзе (+2181 тыс. человек). Женщины чаще отмечают, что они состоят в браке. Наблюдается рост разведённых, особенно между переписями 2002 и 2010 годов. Между переписями 2010 и 2020 гг. наблюдался рост численности лиц в возрасте 16+ никогда не состоявших в браке.

По нашей гипотезе изменения в сфере браков в РФ связаны с двумя тенденциями: во-первых, с особенностями воспроизводства населения, влиянием процесса старения населения на половозрастную структуру; во-вторых, с динамикой социальных ценностей массовых слоёв населения. Изменения демографической структуры населения, в том числе в соотношении полов в различных возрастных когортах, а также динамика браков и разводов являются существенными факторами, влияющими на семейный потенциал в его количественном измерении

Изменения состояния семейного потенциала можно измерять показателями брачности и разводимости. Сокращение численности браков, растущая численность одиноких людей, высокий уровень разводов ухудшают состояние семейного потенциала. В связи с этим определяющими факторами, оказывающими влияние, на формирование семейного потенциала являются: 1) общий коэффициент брачности на 1000 человек населения; 2) общий коэффициент разводимости на 1000 человек населения; 3) доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке; 4) доля населения от 16 лет и старше, в т.ч. доля мужчин и женщин; 5) доля никогда не состоявших в браке в возрасте 18–34 года.

В рамках оценки семейного потенциала нами были рассмотрены регионы РФ по показателям общих коэффициентов брач-

ности и разводимости, которые измеряются в промилле, что показывает интенсивность данных процессов в различных регионах страны. Наименьшие коэффициенты брачности в этот период наблюдались в республиках Северная Осетия — Алания и Дагестан — 4% . Самые высокие показатели брачности зарегистрированы в Санкт-Петербурге — $9,3\%$, Калининградской области — $7,6\%$, Краснодарском крае — $7,5\%$ ³.

В ходе исследования была проведена корреляция данного показателя с такими факторами как среднедушевые доходы на человека в месяц, долей населения с доходами ниже прожиточного минимума (ПМ), а также удельным весом сельского населения в общей численности населения региона. Полученные результаты показали, что проживание в сельской местности оказывает отрицательное влияние на показатели брачности ($-0,55$), что по нашей гипотезе обусловлено возрастной структурой сельского населения. Факторы среднедушевых доходов и бедности населения регионов имеют разнонаправленные векторы: доля бедных в регионе снижает показатели брачности ($-0,49$), а показатели среднедушевых доходов повышают возможности для заключения брака ($0,43$). Это позволяет предположить, что материальное благополучие, его укрепление — существенный фактор для создания новых семей в стране.

Показатели устойчивости брака оцениваются коэффициентом общей разводимости в регионах РФ. Самый высокий показатель разводов выявлен в Еврейской АО — $6,4\%$. Самый низкий — в Чеченской Республике, где общий коэффициент разводимости в 2021 г. составлял $2,5\%$ ⁴. Было выбрано пять факторов, оказывающих влияние на уровень разводов в регионах, в том числе: среднедушевые доходы на человека в месяц, доля населения с доходами ниже ПМ, удельный вес сельского населе-

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2021. — 1112 с.

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2021. — 1112 с.

ния в общей численности жителей региона, а также средняя ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) для обоих полов и потребительские расходы на душу населения. Корреляционный анализ показал, что ОПЖ для обоих полов ($-0,53$) и удельный вес сельского населения в общей численности населения ($-0,35$) снижают показатели разводимости в регионах. Доля же населения с доходами ниже ПМ ($-0,12$), потребительские расходы на душу населения ($0,28$) и среднедушевые доходы на человека в месяц ($0,25$) связаны с уровнем разводимости в меньшей степени. Проведённый анализ подтвердил определённую значимость материальных факторов для сферы семейно-брачных отношений.

Семья как социальная ценность жителей России.

Как отечественные, так и зарубежные исследователи отмечают, что происходит трансформация семейных норм и ценностей. В работе «Третья волна» Э. Тоффлер связывает изменения в жизни современной цивилизации с тремя волнами перемен. Третья волна — это сегодняшняя эпоха, обусловленная переходом к постиндустриальной цивилизации. По мнению исследователя, эта новая цивилизация изменяет все сферы человеческой жизни, в том числе семейные отношения [19, с. 31]. Семейные ценности связаны с широко распространёнными представлениями о наиболее приемлемых нормах, моделях и стратегиях жителей той или иной страны о семье и её месте в системе базовых ценностей. Российские исследователи М. Фабрикант и В. Магун в статье «Семейные ценности россиян и европейцев» [20] использовали материалы одной из волн Европейского исследования ценностей (European Values Study), проведённого в 2008 г. в 48 странах Европы ($N=67786$). Ими подтверждено наличие «обобщённого параметра традиционности-современности», позволяющего выявить разницу нормативных взглядов на семейно-гендерные отношения. Население 11 стран находятся в той

же группе, что и РФ (Греция, Косово, Румыния, Северная Македония, Черногория, Северный Кипр, Словакия, Мальта, Болгария, Венгрия, Босния и Герцеговина). Граждане 28 стран имеют более либеральные взгляды на семью. Это преимущественно западноевропейские и скандинавские страны, а также (в порядке возрастания либеральности) — Латвия, Белоруссия, Сербия, Эстония, Польша, Литва, Чехия, Хорватия и Словения. Население 8 стран (Кипр, Албания, Украина, Армения, Молдавия, Турция, Азербайджан, Грузия) по нормативным установкам относятся к более консервативным.

Опрос «Ценности семейно-детного образа жизни», проведённый в 2019 г. сотрудниками социологического факультета МГУ, показал, что респонденты отнесли семью, детей и заботливых близких к числу важнейших жизненных ценностей. Однако данная ценность на 0,8 ниже ранга такой социальной ценности как здоровье [21, с. 23]. По данным опроса «Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели», проведённого ВЦИОМ в 2021 г., более двух третей (71%) из числа опрошенных россиян считают, что предпочтительнее оформить брак и жить в семье (78% в 2017 г.). При этом каждый десятый ответил, что можно жить в семье, но брак не регистрировать, среди молодёжи такого мнения придерживаются 14% респондентов. 11% ответили, что одиночество предпочтительнее семейной жизни (5% в 2017 г.).⁵ Исследование «Ресурсный потенциал старшего поколения», проведённое с участием авторов в 2022 г. в Краснодарском крае ($N=804$ респондентов в возрасте 50 лет и старше), показывает высокую ценность семьи для старшего поколения (табл. 1).

⁵ ВЦИОМ. Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (дата обращения 20.04.2023).

Таблица 1

**Наиболее важные жизненные ценности пожилых
мужчин и женщин, Краснодарский край, %***

Table 1

The most important life values of older men and women, Krasnodar krai, %

Ценность	Мужчины	Женщины	Всего
Крепкая семья	70,2	64,6	66,8
Здоровье	84,8	90,5	88,3
Дети, внуки	35,3	83,0	64,7
Материальное благополучие	40,1	18,2	26,6
Работа	8,4	4,8	6,2
Надёжные друзья	13,6	2,2	6,6
Образование	0,6	-	0,2
Религия, вера	2,3	11,5	8,0
Самореализация	5,5	3,0	4,0

*Сумма не равна 100%, т.к. по методике опроса можно было выбрать несколько ответов.

Источник: результаты исследования «Ресурсный потенциал старшего поколения», 2022 год.

Для пожилых мужчин семья является более значимой ценностью, чем для женщин старших возрастов. Выявлено, что семейный статус оказывает положительное влияние на реализацию своих мечтаний: более двух третей состоящих в браке опрошенных

мужчин реализовали свои мечты; среди не состоящих в браке — это лишь каждый второй респондент (табл. 2). Отметим, что доля женщин старших возрастов, реализовавших свои мечты, также выше у состоящих в браке.

Таблица 2

**Мнение мужчин 50+ о том, смогли ли они реализовать свои мечты,
в зависимости от семейного статуса, Краснодарский край, %**

Table 2

The opinion of men aged 50+ whether they have realized their
dreams, depending on family status, Krasnodar krai, %

Брачный статус	Нет	В настоящее время нет, но я надеюсь, что у меня для этого ещё есть время	
		Нет	Да
Состоящие в браке	14,9	14,4	70,7
Не состоящие в браке	25,3	19,5	55,2

Источник: результаты исследования «Ресурсный потенциал старшего поколения», 2022 год.

Основным мотивом создания семьи является любовь. Именно этот ответ выбирают жители нашей страны, что подтверждают, как опросы ВЦИОМ, так и другие социологические исследования [22]. Понятие «крепкая семья» безусловно включает в себя продолжительность семейной жизни. Как отмечает А.Б. Синельников, по опросам МГУ, средняя продолжительность брака составляет 16,7 лет. С возрастом респондентов этот показатель растёт: среди респондентов

в возрастах старше пятидесяти лет продолжительность брака достигает 26,8 года. Показано, что длительность незарегистрированного брачного союза почти в три раза короче, чем продолжительность зарегистрированных браков [23].

Закключение

Подходы к анализу человеческого потенциала, несмотря на их широкий спектр,

как правило, не включают в число показателей, его формирующих, семейный потенциал, или сводят семейный потенциал лишь к его воспроизводственной функции. Вместе с тем формирование семей, их численность и качество имеет основополагающее значение при рассмотрении человеческого потенциала, т.к. отражает состояние социальной солидарности, которая формируется в том числе в семьях. Авторами дано определение семейного потенциала, который обусловлен склонностью населения образовывать семейные союзы, прежде всего, зарегистрированные. Ранее российскими исследователями подтверждено наличие «обобщённого параметра традиционности-современности», позволяющего выявить разницу нормативных взглядов на семейно-гендерные отношения россиян и европейцев. «Россия является страной со средне-высоким уровнем традиционности высказываемых нормативных взглядов» [20, с. 13]. Показано, что между переписями

2002, 2010 и 2020 гг. снизилось число мужчин и женщин, состоящих в браке. Выявлены факторы, влияющие на количественные показатели семейного потенциала. Рассчитана корреляция представленных факторов с региональными показателями брачности и разводимости. Подтверждено, что браки, в первую очередь официально зарегистрированные, положительно влияют как на продолжительность брачных союзов, так и на возможность реализовать личные мечты. Вместе с тем авторы разделяют вывод А.Б. Синельникова о том, что в настоящее время социальная политика в РФ в основном связана с мерами по увеличению рождаемости, что в отрыве от влияния на сферу семейно-брачных отношений не приносит положительных результатов. При этом важнейшей задачей является формирование социальных ценностей, направленных на увеличение количества крепких семей, основанных на эгалитарных ценностях супружества.

Литература и Интернет-источники

1. **Быченко, Д. Ю.** Методологические основы исследования человеческого потенциала / Д. Ю. Быченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2011. — Т. 11. — Вып. 2. — С. 56–60. DOI: 10.18500/1818-9601-2011-11-2-56-60; EDN: ODZTDP
2. **Генисаретский, О. И.** Концепция человеческого потенциала: основные положения / О. И. Генисаретский, Н. А. Носов, Б. Г. Юдин // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / ред. И. Т. Фролов — Москва : Эдиториал УРСС. 1999. — 176 с.
3. **Sen, A.** Development as Capability Expansion / A. Sen // Journal of Development Planning. — 1989. — No. 19. — P. 41–58.
4. **Римашевская, Н. М.** Человеческий потенциал России: взгляд в XXI век / Н. М. Римашевская // Народонаселение. — 1999. — № 1. — С. 9–19. EDN: VGAOBU
5. **Римашевская, Н. М.** Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век / Н. М. Римашевская // Проблемы прогнозирования. — 2001. — № 3. — С. 34–48. EDN: HRTODT
6. **Римашевская, Н. М.** Качество человеческого потенциала в современной России / Н. М. Римашевская // Безопасность Евразии. — 2004. — № 1(15). — С. 14–32. EDN: RDPQCL
7. **Римашевская, Н. М.** Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» / Н. М. Римашевская // Российский экономический журнал. — 2004. — № 9–10. — С. 22–40. EDN: PGKVEN
8. Женщины, мужчины, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / под ред. Н. М. Римашевской. — Москва : ИСЭПН РАН, 2001. — 320 с.
9. **Римашевская, Н. М.** Человек и реформы: Секреты выживания / Н. М. Римашевская. — Москва : ИСЭПН РАН, 2003. — 392 с.

10. **Заславская, Т.И.** Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // *Общественные науки и современность*.— 2005.— № 4.— С. 13–25. EDN: OOUYRP
11. **Шок, Н.П.** Социальный потенциал семьи в контексте реализации семейной политики в современной России / Н.П. Шок // *Социальная политика и социология*.— 2010.— № 8.— С. 178–182. EDN: MYUHHZ
12. **Сазонов, А.А.** Семейный потенциал молодых москвичей в условиях социокультурной неоднородности мегаполиса / А. А Сазонов, А.Л. Сазонова // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*.— 2015.— Т. 6.— № 3–1(23).— С. 162–170. EDN: UKWGCT
13. **Доброхлеб, В.Г.** Семейный потенциал в условиях модернизации современной России / В.Г. Доброхлеб, Н.А. Кондакова // *Проблемы развития территории*—2017.— Вып. 6(92)— С. 94–107. EDN: ZULVWP
14. **Черникова, В. Е.**, Динамика семейных ценностей: от традиционных до постсовременных / В. Е Черникова, Н.И. Мазаева // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*.— 2019.— Т. 8.— № 1А.— С. 267–275. DOI: 10.25799/AR.2019.41.1.029; EDN: VYVFYP
15. **Голод, С.И.** Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи / С.И. Голод // *Социс*.— 2008.— № 1.— С. 40–49. EDN: IPWLWL
16. **Borinskaya, S.** Genetic Factors, Cultural Predispositions, Happiness and Gender Equality / S. Borinskaya [и др.] // *Journal of Research in Gender Studies*.— 2014— Vol. 4—No. 1.— P. 32–100.
17. **Inglehart, R.** Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence / R. Inglehart, C. Welzel.— Cambridge : Cambridge University Press, 2005.— P. 301–321.
18. **Сорокин, П.А.** Главные тенденции нашего времени / П.А. Сорокин.— Москва : Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева ; Казань : Издательство Казанского Университета, 2015.— 260 с.
19. **Тоффлер, Э.** Третья волна / Э. Тоффлер.— Москва : АСТ, 1999.— 784 с.
20. **Фабрикант, М.С.** Семейные ценности россиян и европейцев / М.С. Фабрикант, В.С. Магун // *Demoscope Weekly*.— 2014.— № 613–614.— С. 1–15. EDN: VSDAHF
21. Ценности семейно-детного образа жизни (СЕДОЖ-2019): Аналитический отчёт по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / под. ред. А.И. Антонова.— Москва : МАКС Пресс, 2020.— 486 с. DOI: 10.29003/m857.SeDOJ-2019; EDN: MCNHHW
22. **Андрюшина, Е.В.** Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодёжи / Е. В Андрюшина, Е.А. Панова // *Ars Administrandi (Искусство управления)*.— 2019.— Т. 11.— № 2.— С. 200–219. DOI: 10.17072/2218–9173–2019–2–200–219
23. **Синельников, А.Б.** Семейно-демографическая политика и пути повышения ее эффективности / А.Б. Синельников // *Социология*.— 2022.— № 2.— С. 162–173. EDN: DXTKIA

Сведения об авторах:

Доброхлеб Валентина Григорьевна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID: 0000–0002–4864–8231; РИНЦ AuthorID: 312761.

Ефанова Ольга Алексеевна, к.фил.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: olga_efanova@list.ru; ORCID: 0000–0003–4796–722X; РИНЦ AuthorID: 320065.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.9

FAMILY POTENTIAL AS A COMPONENT OF THE HUMAN POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS

Valentina G. Dobrokhleb^{1,2*}, Olga A. Efanova¹

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

²*Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS
(6, room Fotieva str., Moscow, Russia, 1119333)*

*Email: vdobrokhleb@mail.ru

For citation:

Dobrokhleb V. G., Efanova O. A., Family potential as a component of the human potential of Russian regions. *Narodonaselenie. [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 99-109. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.9 (in Russ.)

Abstract. *The purpose of the study is to present family potential as a structural component of human potential with the core of family potential consisting of marriages, primarily registered. In the period between the All-Russian censuses of 2002, 2010, 2020 there was a decrease in the number of married people in the country: the number of married people decreased in 2020 as compared to 2002 by 7839 thousand people (12.6%). The proportion of married men decreased by 11.8%, among women the decrease was 11.4%. The largest decrease occurred between the censuses of 2010 and 2020: –9.9% for male cohorts and –9.5% for female cohorts. Approaches to analysis of human potential usually do not include the indicators that form family potential, or reduce it only to reproductive function. At the same time, formation of families, their number and quality is of fundamental importance when considering human potential, as it reflects the state of social solidarity, which is formed also in families. The article analyzes the indicators of marriage and divorce in the regions of the Russian Federation, presents the factors affecting them, and gives the author's definition of family potential. It is shown that the social policy in the Russian Federation is mainly related to measures to increase the birth rate, which, apart from the impact on the sphere of family and marriage relations, does not bring positive results. At the same time, the most important task is formation of social values aimed at increasing strong families based on the values of matrimony.*

Keywords: *human potential, family potential, marriage, divorce, social values, registered marriage, unregistered marital union.*

References and Internet sources

1. Bychenko D. Yu. Metodologicheskiye osnovy issledovaniya chelovecheskogo potentsiala [Methodological foundations for study of human potential] *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya [Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology]*. 2011. No. 2. P. 56–60. DOI: 10.18500/1818–9601–2011–11–2–56–60 (in Russ.)
2. Genisaretsky O. I., Nosov N. A., Yudin B. G. Kontseptsiya chelovecheskogo potentsiala: osnovnyye polozheniya [The concept of human potential: basic provisions]. *Chelovecheskiy potentsial: opyt kompleksnogo podkhoda [Human Potential: Experience of an Integrated Approach]*. Ed. I. T. Frolov. Editorial URSS. Moscow. 1999. 176 p. (in Russ.)
3. Sen A. Development as capability expansion. *Journal of Development Planning*. 1989. No. 19. P. 41–58.
4. Rimashevskaya N. M. Chelovecheskiy potentsial Rossii: vzglyad v 21 vek [Russia's human potential: a look into the 21st century]. *Narodonaselenie [Population]*. 1999. No. 1. P. 9–19. (in Russ.)

5. Rimashevskaya N.M. Kachestvennyj potentsial naseleniya Rossii: vzglyad v 21 vek [Qualitative potential of the population of Russia: a look into the 21st century]. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*. 2001. No. 3. P. 34–48. (in Russ.)
6. Rimashevskaya N.M. Kachestvo chelovecheskogo potentsiala v sovremennoj Rossii [Quality of human potential in today's Russia]. *Bezopasnost' Evrasii [Eurasia Security]*. 2004. No. 1. P. 21–37. (in Russ.)
7. Rimashevskaya N.M. Chelovecheskij potentsial Rossii i problemy «sberezeniya naseleniya» [The human potential of Russia and the problems of «saving the population»]. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal [Russian Economic Journal]*. 2004. No. 9–10. P. 22–40. (in Russ.)
8. Zhenshchiny, muzhchiny, sem'ya v Rossii: poslednyaya tret' 20 veka. Proekt «Taganrog» [*Woman, Man, Family in Russia: the Last Third of the 21st Century. Project «Taganrog»*]. Ed. N. M. Rimashevskaya. ISEPN RAN [ISESP RAS]. Moscow. 2001. 320 p. (in Russ.)
9. Rimashevskaya N.M. Cheloveki i reformy: sekrety vyzhivaniya [*Person and Reforms: The Secrets of Survival*]. ISEPN RAN [ISESP RAS]. Moscow. 2003. 392 p. (in Russ.)
10. Zaslavskaya, T. I. Chelovecheskij potentsial v sovremennom transformatsionnom protsesse [Human potential in contemporary transformational process]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. [Social Sciences and Contemporary World]*. 2005. No. 4. P. 13–25. (in Russ.)
11. Shok N.P. Sotsial'nyj potentsial sem'i v kontekste realizatsii semejnoy politiki v sovremennoj Rossii [Social potential of family in the context of the implementation of family policy in modern Russia]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*. 2010. No. 8. P. 178–182. (in Russ.)
12. Sazonov A. A., Sazonova A. L. Semejnyj potentsial molodyh moskvichej v usloviyah sotsiokul'turnoj neodnorodnosti megapolisa [Family potential of young Muscovites and the problems of its implementation in a metropolis]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitije) [MIR: Modernization. Innovation. Research]*. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 162–170. (in Russ.)
13. Dobrokhleb V. G., Kondakova N. A. Semejnyj potentsial v usloviyah modernizatsii sovremennoj Rossii [Family potential in the conditions of modernization in present-day Russia]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]*. 2017. Is. 6(92). P. 94–107. (in Russ.)
14. Chernikova V. E., Mazaeva N. I. Dinamika semejnyh tsennostej: ot traditsionnyh do postsovremennyh [Dynamics of family values: from traditional to post-modern]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]*. 2019. Vol. 8. No. 1A. P. 267–275. DOI: 10.25799/AR.2019.41.1.029 (in Russ.)
15. Golod S. I. Sotsiologo-demograficheskij analiz sostoyaniya i evolyutsii sem'i [Russian family's state and evolution — sociological demographic analysis]. *Sotsis. [Sociological Studies]*. 2008. No. 1. P. 40–49. (in Russ.)
16. Borinskaya S., Inglehart R., Harro J., Cotter A., Ponarin E., & Welzel C. Genetic factors, cultural predispositions, happiness and gender equality. *Journal of Research in Gender Studies*. 2014. Vol. 4. No. 1. P. 32–100.
17. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press. 2005. P. 301–321.
18. Sorokin P. A. *Glavnye tendentsii nashego vremeni [The Basic Trends of Our Times]*. Moscow-Kazan. 2015. 260 p.
19. Toffler A. *Tret'ya volna [The Third Wave]*. AST. Moscow. 1999. 784 p. (in Russ.)
20. Fabrikant M., Magun V. Semejnyye tsennosti rossiyan i evropejtssev [Family values of Russians and Europeans]. *Demoscope Weekly*. 2014. No. 613–614. P. 1–15 (in Russ.)
21. Tsennosti semejno-detnogo obraza zhizni (SEDOZh-2019): Analiticheskij otchet po rezul'tatam mezhhregional'nogo sotsiologo-demograficheskogo issledovaniya [*The Family-Child Lifestyle Values (SeDOJ-2019)*]. An analytical report on the results of an interregional sociological and demographic

- study]. Ed. Antonov A.I. Moscow. MAKS Press. 2020. 486 p. DOI: 10.29003/m857.SeDOJ-2019 (in Russ.)
22. Andryushina E.V., Panova E.A. Vliyaniye gosudarstvennoj politiki na semejnyje strategii studencheskoj molodezhi [The impact of state policy on the family strategies of the student youth]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) [Ars Administrandi (The Art of Administration)]*. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 200–219. DOI: 10.17072/2218–9173–2019–2–200–219 (in Russ.)
23. Sinel'nikov A.B. Semejno-demograficheskaya politika i puti povysheniya yeyo effektivnosti [Family- demographic policy and ways to improve its effectiveness]. *Sotsiologiya [Sociology]*. 2022. No. 2. P. 162–173 (in Russ.)

Information about the authors:

Dobrokhleb Valentina Grigorievna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID: 0000–0002–4864–8231; Elibrary AuthorID: 312761.

Efanova Olga Alekseevna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: olga_efanova@list.ru; ORCID: 0000–0003–4796–722X; Elibrary AuthorID: 320065.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.10
EDN: EBUTVX

ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Токсанбаева М. С.* , Попова Р. И.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

**E-mail: matoksan@mail.ru*

Для цитирования:

Токсанбаева М. С., Попова Р. И. Показатели качества трудового потенциала населения регионов России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 110-122. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.10; EDN: EBUTVX

Аннотация. Изучение показателей качества трудового потенциала населения субъектов РФ является частью более крупного межрегионального исследования качества человеческого потенциала. Поскольку трудовой потенциал — только одна из составляющих человеческого потенциала, поставлена цель определить наиболее представительные качественные характеристики трудового потенциала и соответствующие им показатели. Среди компонент трудового потенциала как одна из самых представительных отобрана интеллектуальная составляющая или интеллектуальный потенциал. Характеристикам и показателям этого потенциала дано теоретическое и методическое обоснование. Аргументировано, что основной характеристикой интеллектуальной компоненты трудового потенциала является квалификация работников, отражающая сложность выполняемого ими труда, а дополняющей характеристикой — уровень профессионального образования, который координируется с квалификацией. Ввиду неоднородности квалификационной структуры занятых предложены три ранжированные категории — квалифицированные, высококвалифицированные и сверхквалифицированные работники. Базовая информация по ним взята из источников Росстата. На основе названных категорий выполнен расчёт показателей, в которых численность этих категорий работников соотнесена с количеством рабочей силы и занятого населения. Выполнен предварительный межрегиональный анализ этих показателей, для которого отобраны по пять регионов с самыми высокими и самыми низкими значениями. Корректность показателей по квалифицированным и высококвалифицированным работникам проверялась с помощью индикаторов занятости в неформальном секторе и безработицы. Показатель по сверхквалифицированным работникам из-за недостаточной информации из проверки исключён. Проведённый анализ позволил уточнить конструкцию показателя по категории квалифицированных работников и наметить подходы к дальнейшему факторному исследованию интеллектуального потенциала населения.

Ключевые слова: трудовой потенциал, интеллектуальный потенциал, квалификация, профессиональное образование, регион, рабочая сила, занятость.

© Токсанбаева М. С., Попова Р. И., 2023.

Введение

Одной из задач межрегионального анализа качества трудового потенциала населения является выявление субъектов РФ, потенциалы которых создают лучшие предпосылки для модернизационных процессов, что позволяет определять, какие его характеристики способствуют, а какие препятствуют этим процессам [1]. В настоящее время трудовой потенциал стали изучать в более широком контексте, а именно с точки зрения развития человека, многообразные свойства которого образуют понятие человеческого потенциала населения. Одно из этих свойств относится к экономическому самообеспечению человека, реализуемому за счёт трудового потенциала. Межрегиональный анализ обоих потенциалов раскрывает возможности выяснять причины их пространственной дифференциации и искать пути её снижения при приоритетном условии развития человеческого потенциала.

Каждая из составляющих человеческого потенциала обладает своим набором характеристик (свойств), что относится и к трудовому потенциалу населения. Одной из них является количественная характеристика, базирующаяся на представлении о трудовом потенциале, как обеспечивающего экономическое воспроизводство населения за счёт способности к труду в общественном хозяйстве. Соответственно обладатели данного свойства относятся к трудоспособному населению, а именно к трудовым ресурсам, численность которых определена как обобщённый количественный показатель трудового потенциала [2].

Если трудовые ресурсы — это количественная характеристика трудового потенциала населения, то к качественным характеристикам в соответствии с его воспроизводственной структурой относят психофизическую, профессионально-квалификационную и социально-личностную составляющие. Профессионально-квалификационную компоненту, которая отражает способность к труду определённого содержания и сложности (квалификации), называют

также интеллектуальной компонентой, или интеллектуальным потенциалом [3; 4] (его нередко отождествляют с человеческим капиталом, что, на наш взгляд, некорректно, так как понятия потенциала и капитала не совпадают).

В научных публикациях приводятся несколько трактовок интеллектуального потенциала, и в последние годы все чаще упор стал делаться на творческих, креативных способностях занятого населения [5–7]. Однако теми или иными интеллектуальными способностями обладает почти каждый представитель рабочей силы, т.к. при её реализации он должен выполнять труд определённого содержания и сложности. Даже для наиболее простого труда, а в современной экономике его следует именовать простым только в сравнительном контексте, необходимы соответствующие знания и умения. Если же ограничить интеллектуальный потенциал креативными способностями, то из поля исследовательский выпадут носители трудовых качеств, которые такими способностями не обладают, или они не востребованы. Таких работников не мало — даже в экономически развитых странах доля тех, у кого креативность является основным содержанием труда, до недавнего времени составляла не более 30% [8]. Поэтому с интеллектуальным потенциалом правильнее ассоциировать любые профессиональные компетенции, которые дают возможность трудиться.

Методические подходы к исследованию

Для построения показателей интеллектуального потенциала чаще всего привлекают данные о формальном профессиональном образовании (полученном в образовательных учреждениях) [9; 10]. В расчётах этого потенциала обычно используют численность носителей либо высшего, либо в совокупности высшего и среднего профессионального образования, которую соотносят с численностью реальной рабочей силы (работники и безработные) и/или ра-

ботающего населения. Чаще используется сопоставление с работниками, но различия названных категорий по доле лиц с профессиональным образованием не является существенным. Так, по данным Росстата за 2021 г., профессиональной подготовкой было охвачено 79% рабочей силы и 80% занятого населения. Значит, такой образовательный уровень стал для нашей страны социально-экономическим стандартом и одной из общих характеристик квалифицированных работников.

В то же время у показателей профессионального образования есть недостаток, выраженный в том, что не все обладатели дипломов трудятся по образовательному ста-

тусу. Часть уже утратила трудовые компетенции, необходимые для работы по данному статусу, то есть их квалификация по диплому в той или иной степени подверглась деградации. О несбалансированности реальной квалификации работников и уровня их образования можно судить по информации об образовательной подготовке профессиональных групп работников, которые ранжируются по уровню квалификации. Для подтверждения квалификационных различий между этими группами выполнено их сопоставление по заработной плате, т.к. её размер в соответствии со стимулирующей функцией зависит от уровня квалификации (рис. 1).

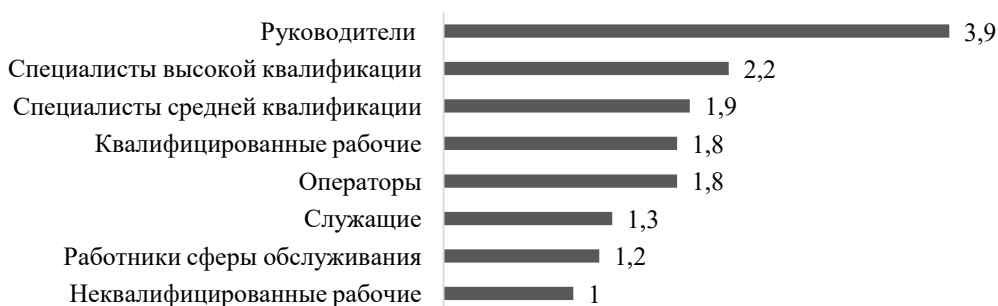

Рис. 1. Средняя начисленная заработная плата работников разных профессиональных групп к средней по неквалифицированным рабочим в РФ в 2021 г., раз

Fig. 1. The average accrued wages of employees of different professional groups to the average for unqualified workers, in the Russian Federation in 2021, times

Источник: рассчитано по данным «Сведений о заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам» (ОЗПП) из обследований Росстата, проводимых раз в два года.

По рис. 1 видно, что размеры заработной платы варьируются по профессиональным группам в соответствии с квалификацией работников, и эта зависимость, по нашим исследованиям за последние 10 лет, остаётся устойчивой. Но выявить, насколько квалификационные различия зарплат эквивалентны сложности труда, по приведённым данным не представляется возможным. Тем не менее, поскольку различия реально существуют, то они должны отражаться и на образовательных характеристиках. Следует рассмотреть профессиональные группы по требуемой по квалификационному статусу формальной профессиональной подготов-

ке. Высшее образование необходимо руководителям и специалистам высокой квалификации, а среднее профессиональное, точнее, не ниже среднего — специалистам средней квалификации и квалифицированным рабочим. Насколько образовательные характеристики этих групп адекватны квалификации входящих в них работников, дают представление данные ОЗПП (табл. 1).

По данным табл. 1, персонал с профессиональным образованием присутствует во всех профессиональных группах. Но высокое соответствие образовательным требованиям выявлено только в первых трех группах — у руководителей и специалистов высшей

Таблица 1

Уровень образования работников организаций по профессиональным группам в РФ в 2021 г., %

Table 1
The level of education of the employed in organizations by professional groups in Russia in 2021, %

Профессиональная группа	Образование		
	Профессиональное		Нет профессионального
	высшее	среднее	
Руководители	84,7	11,8	3,5
Специалисты высшего уровня квалификации	81,9	15,6	2,5
Специалисты среднего уровня квалификации	26,4	63,5	10,1
Служащие	37,4	39,0	23,6
Работники сферы обслуживания	12,1	47,2	40,7
Квалифицированные рабочие	11,1	47,3	41,6
Операторы, сборщики и водители	9,5	42,2	48,3
Неквалифицированные рабочие	7,0	36,2	56,8

Источник: рассчитано по данным Росстата.

и средней квалификации. Квалифицированным рабочим по статусу тоже положено формальное профессиональное образование, но свыше 40% его не имеют, то есть оно для них не типично. Но у них должна быть подготовка по рабочим специальностям, и надо полагать, они её получили на внутрифирменном уровне или в Центрах занятости населения, где в ограниченных масштабах готовят квалифицированных рабочих.

В прочих профессиональных группах обнаружены более заметные несовпадения между квалификационными и образовательными характеристиками. Так, обладателей формального профессионального образования в сравнении с квалифицированными рабочими в группе служащих гораздо больше, а в группе работников сферы обслуживания почти столько же. При этом отличия от квалифицированных рабочих по заработной плате у них весомые, что согласуется с их реальной квалификацией. Даже в составе неквалифицированных рабочих оба вида профессионального обучения прошли свыше 40%, хотя оно им по статусу не требуется. Это говорит о том, что для части работников образование по диплому избыточно и подвергается деградации. По высшему образованию в данный процесс включён примерно каждый четвёртый работник. В этой связи об интеллектуальном потенциале на основе квалифициро-

ванного персонала лучше судить не только по уровню образования, но и по квалификации на текущих рабочих местах.

По принадлежности к профессиональным группам и наличию востребованного профессионального образования к квалифицированным работникам следует отнести руководителей и специалистов, среди которых, по данным ОЗПП, от 80% и выше прошли необходимую формальную подготовку. Квалифицированные рабочие в этот контингент не попадают, поскольку из них формальное профессиональное образование имеют менее 60%. А полученная ими внутрифирменная подготовка уступает формальному образованию из-за перекоса полученных компетенций в сторону специфической составляющей трудового потенциала — жестких профессиональных навыков. Между тем, в современных условиях в противовес жёстким растут запросы к гибким навыкам [11]. Поэтому категорию квалифицированных работников резонно ограничить именно руководителями и специалистами.

При построении показателя интеллектуального потенциала по категории квалифицированных работников в данных ОЗПП следует учитывать особенности этого обследования. Сведения собираются только по крупным и средним предприятиям, тогда как субъекты малого предприниматель-

ства, в том числе без оформления юридического лица (индивидуальное предпринимательство), в обследовании не включены. При этом, по данным Росстата, занятость только на малых предприятиях в 2021 г. составила 28%. Но значение этого недостатка ОЗПП ослаблено тем, что, по нашим исследованиям, совокупная доля руководителей и специалистов в малом бизнесе заметно ниже, чем на крупных и средних предприятиях [12], и информацию по последним можно считать относительно представительной.

В конструкции рассматриваемого показателя предусматривается расчёт процентного соотношения численности квалифицированных работников с обобщённой группой занятых. Если числитель представлен работниками крупных и средних предприятий, то в знаменатель логично включить весь персонал этих предприятий. Однако в межрегиональном анализе такой расчёт чреват искажением данных по субъектам РФ. Так, полученный показатель может необоснованно зависеть интеллектуальный потенциал в части регионов, где соответствующих предприятий сравнительно немного. О региональном разбросе уровня занятости на всех типах предприятий дают косвенное представление доступные данные о работниках неформального сектора (занятые у субъектов без оформления юридического лица), представленных в основном малым предпринимательством. Чем выше доля всех работников в неформальном секторе, тем она обычно меньше не только на малых, но и на крупных и средних предприятиях. О разбросе региональных уровней занятости в неформальном секторе свидетельствует информация Обследования рабочей силы (ОРС) за 2021 год. При среднем показателе по всем работникам в 20,3% в столичных мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург) он составлял соответственно 4,9 и 7,6%, в индустриально развитых областях Свердловской и Ярославской — 14,9 и 15,9%, а в депрессивных республиках Кабардино-Балкарской и Чеченской — 48 и 50%. Поэтому показатель интеллектуального потенциала по категории квалифицированных работников следует рас-

считывать даже не по всем занятым, а по реальной рабочей силе. Разумеется, этот показатель следует применять только для сравнительного анализа.

До недавнего времени ОЗПП было единственным официальным источником информации о занятости по профессиональным группам, в том числе в разрезе субъектов РФ. В последние годы Росстат стал публиковать более полные и корректные данные ОРС о высококвалифицированных работниках. Правда, их состав ограничен лицами 15–72 лет, однако за пределами данного возраста находится незначительное количество занятых (на работников от 70 лет и старше в 2021 г. приходилось только 0,4%, в возрасте до 15 лет — менее 0,1%). Поэтому возрастные различия двух категорий квалифицированных работников нельзя отнести к существенным.

Подходы к идентификации высококвалифицированных работников на базе ОРС в принципе идентичны подходам для квалифицированной категории по информации ОЗПП, т.к. они опираются на характеристики квалификации и образования. Выделяются те же профессиональные группы, которым необходима формальная профессиональная подготовка. При этом квалифицированные рабочие из их состава не исключаются, но к ним применяют более строгие индикаторы. Такие индикаторы используются и для прочих групп высококвалифицированной категории, что повышает её квалификационный статус в сравнении с категорией на базе ОЗПП.

Во-первых, в среднем профессиональном образовании учитывается только обучение на специалистов среднего звена. Во-вторых, по всем группам высококвалифицированной категории и уровням профессионального образования выполняется отбор работников, у которых полученная подготовка соответствует квалификации на текущих рабочих местах. Тем самым устраняется недостаток информации ОЗПП, проявляющийся в частичной несбалансированности персонала по образованию и квалификации. Это касается респондентов без профильного образования и с подготовкой

выше или ниже типичной для группы. Например, части специалистов высокой квалификации достаточно обучения на средних специалистов, а части квалифицированных рабочих необходимы вузовские дипломы. Кроме того, данные ОРС освобождены от такого недостатка ОЗПП, как ограничение выборки персоналом крупных и средних предприятий. Это позволяет строить показатель интеллектуального потенциала на основе высококвалифицированной категории по всем типам предприятий и включать в знаменатель все занятое население.

Как отмечалось, растущее внимание уделяется такому элементу интеллектуального потенциала, как способности выполнять творческий, креативный труд. С ними учёные связывают становление постиндустриального общества и его высокой стадии — общества знаний (при всей их дискуссионности) [13]. Считается, что в данном типе общества у работников на первый план выходят способности к нестандартному мышлению, неординарным решениям, которые в перспективе должны распространиться не менее чем на половину занятого населения [14]. Но пока соответствующие работники не преобладают даже в развитых (на текущий момент) странах, их можно условно отнести к категории сверхквалифицированных.

Вопрос о том, каков процент сверхквалифицированного персонала в нашей стране,

является дискуссионным ввиду спорности методов оценки, не говоря уже о статистике для идентификации данной категории (официальная информация о характеристиках содержания и сложности труда остаётся скудной). Поэтому для построения показателя интеллектуального потенциала на основе сверхквалифицированной категории отобраны работники, которые по определению должны быть заняты творческим и креативным трудом. Таковым считается научный труд, и в состав его исполнителей включены исследователи и техники, причастные к научному труду. Из-за их крайне скромного количества в показателе по данной категории они соотнесены не с численностью работников, а рассчитаны на 10 тыс. человек занятого населения.

Основные результаты

Поскольку определение показателей интеллектуального потенциала населения (ИП) проведено в целях межрегионального анализа, рассмотрим, как они варьируются по субъектам РФ. В ранжированном ряду регионов выявлены серьёзные различия — между крайними субъектами РФ они достигают трёхкратного разрыва. Для более наглядного сопоставления отобрано по пять регионов с самыми низкими и самым высокими значениями показателей ИП (табл. 2).

Таблица 2

ИП по категории квалифицированных работников в 5 субъектах РФ с самым низким и самым высоким показателем в РФ в 2021 г., % к рабочей силе

Table 2

Intellectual potential in the category of skilled workers in 5 regions of the Russian Federation with the lowest and highest value of the indicator in Russia in 2021, % of the workforce

Субъект РФ	ИП	Субъект РФ	ИП
Российская Федерация	11,1	Российская Федерация	11,1
С самыми низкими значениями показателя ИП		С самыми высокими значениями показателя ИП	
Ивановская область	6,8	Республика Саха (Якутия)	16,5
Севастополь	7,1	Республика Тыва	16,6
Кабардино-Балкарская Республика	7,3	Москва	16,9
Алтайский край	7,7	Ямало-Ненецкий АО	20,7
Калининградская область	7,9	Ненецкий АО	20,9

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Вероятнее, что в группу с низкими значениями показателя попадут экономически отстающие регионы, а в группу с высокими значениями — продвинутое, в которых доли квалифицированных работников должны различаться. Однако в табл. 2 картина получается не однозначная. Например, среднеразвитую Калининградскую область из первой группы регионов (с низкими значениями показателя) едва ли можно отнести к отстающим, а Республику Тыва из второй группы (с высокими значениями) — к продвинутым. Республика Тыва как индустриально слабо развитый и дотационный регион попала во вторую группу из-за значительной занятости в бюджетной сфере, в которой доля квалифицированных работников высока. Так, численность персонала в образовании и здравоохранении (за-

нятость «бюджетников» выше 90%) в 2021 г. была в Республике Тыва в 2,5 раза больше, чем в среднем по стране.

Следует также остановиться на характеристиках занятости, включённых в показатель по квалифицированным работникам. Это позволяет оценить, насколько корректно он построен. Одной из таких характеристик, отражённых в его числителе, является занятость на крупных и средних предприятиях. Из-за недоступности данных для проверки использован показатель «от противного» — занятость в неформальном секторе. Ещё одна характеристика, отражённая в знаменателе показателя, это безработица, поскольку безработные входят в состав рабочей силы. Информация по названным характеристикам в тех же десяти регионах представлена в табл. 3.

Таблица 3

Занятые в неформальном секторе (% к занятым) и безработные (% к рабочей силе) в 5 субъектах РФ с самым низким и самым высоким ИП в РФ в 2021 году

Table 3

The employed in the informal sector (% of the employed) and unemployed (% of the workforce) in 5 regions of the Russian Federation with the lowest and highest intellectual potential in Russia in 2021

Субъект РФ	Занятые в неформальном секторе	Уровень безработицы
Российская Федерация	20,3	5,0
Субъекты РФ с самым низким показателем интеллектуального потенциала		
Ивановская область	24,4	4,6
Город Севастополь	30,7	4,3
Кабардино-Балкарская Республика	48,0	12,9
Алтайский край	25,1	5,5
Калининградская область	21,8	5,1
Субъекты РФ с самым высоким показателем интеллектуального потенциала		
Республика Саха (Якутия)	19,6	7,5
Республика Тыва	25,2	15,9
Город Москва	4,9	2,7
Ямало-Ненецкий автономный округ	8,8	2,2
Ненецкий автономный округ	8,4	6,9

Источник: рассчитано по данным Росстата.

По данным табл. 3, занятость в неформальном секторе в двух группах регионов серьёзно различается, подтверждая зависимость рассматриваемого показателя от

квалификации работников. В первой группе эта занятость выше среднего по стране уровня, а во второй — в основном ниже. Исключение во второй группе составили дота-

ционные республики Саха (Якутия) и Тыва, в которых сравнительно высокой занятости в неформальном секторе противостоит значительная занятость в бюджетной сфере. Что касается безработицы, то и в первой, и во второй группе в большей части регионов она выше средней. Поэтому необходимость включения этой характеристики в показатель интеллектуального потенциала является спорной.

По данному алгоритму рассмотрено распределение субъектов РФ на основе показателя по высококвалифицированным работникам (табл. 4). Распределение двух «полярных» групп субъектов РФ более согласуется с понятиями отстающих и продвинутых регионов, хотя и в этом распределении наблюдаются отклонения. Так, Республику Удмуртия и Новгородскую область с довольно развитой обрабатывающей индустрией труд-

Таблица 4
ИП по категории высококвалифицированных работников в 5 субъектах РФ с самым низким и самым высоким показателем в РФ в 2021 г., % к занятым

Table 4
Intellectual potential in the category of highly skilled workers in 5 regions of the Russian Federation with the lowest and highest value of the indicator in Russia in 2021, % of the employed

Субъект РФ	ИП	Субъект РФ	ИП
Российская Федерация	29,9	Российская Федерация	29,9
С самыми низкими значениями показателя ИП		С самыми высокими значениями показателя ИП	
Забайкальский край	20,5	Ямало-Ненецкий АО	35,6
Республика Алтай	20,6	Магаданская область	36,6
Республика Хакассия	20,7	Московская область	38,5
Удмуртская республика	21,3	Город Санкт-Петербург	41,1
Новгородская область	24,4	Город Москва	48,5

Источник: рассчитано по данным Росстата.

но назвать отстающими, а Магаданскую область — продвинутой. Но большая часть регионов в обеих группах отвечает указанным понятиям.

Это может быть подтверждено информацией о занятых в неформальном секторе и об уровне безработицы (табл. 5). В первой группе (кроме двух отклоняющихся регионов) для большей части субъектов РФ характерна занятость в неформальном секторе выше среднего уровня, а во второй группе, исключая также отклоняющуюся Магаданскую область, заметно ниже этого уровня. Те же особенности (без отклоняющихся регионов) выявлены по уровню безработицы, который превышает средний по РФ показатель в первой группе и значительно уступает ему во второй группе.

Таким образом, судя по данным о занятости в неформальном секторе, показатель интеллектуального потенциала населения по категориям и квалифицированных, и высококвалифицированных работников приемлемо отражает уровень их квалификации. А, исходя из уровня безработицы, можно сказать, что соотношение количества работников разной квалификации с занятыми и с рабочей силой даёт более адекватные результаты в случае, если в знаменатель входят только занятые. И, конечно, категория высококвалифицированных работников рассчитывается методически более корректно, чем квалифицированных кадров.

В категорию сверхквалифицированных работников включены научные кадры, ко-

Таблица 5

Занятые в неформальном секторе (% к занятым) и безработные (% к рабочей силе) в 5 субъектах РФ с самым низким и самым высоким ИП по высококвалифицированным работникам в РФ в 2021 году

Table 5

The employed in the informal sector (% of employed) and unemployed (% of the workforce) in 5 regions of the Russian Federation with the lowest and highest intellectual potential of the population by highly skilled workers in Russia in 2021

Субъект РФ	Занятые в неформальном секторе	Уровень безработицы
Российская Федерация	20,3	5,0
Субъекты РФ с самым низким показателем интеллектуального потенциала		
Забайкальский край	22,0	9,1
Республика Алтай	37,9	12,4
Республика Хакассия	28,8	6,6
Удмуртская Республика	18,8	4,3
Новгородская область	20,6	4,1
Субъекты РФ с самым высоким показателем интеллектуального потенциала		
Ямало-Ненецкий АО	8,8	2,2
Магаданская область	21,9	5,1
Московская область	13,1	3,6
Город Санкт-Петербург	7,6	2,2
Город Москва	4,9	2,7

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица 6

ИП по категории сверхквалифицированных работников в 5 субъектах РФ с самым низким и самым высоким показателем в РФ в 2021 г., на 10000 занятых

Table 6

Intellectual potential in the category of highly skilled workers in 5 regions of the Russian Federation with the lowest and highest value of the indicator in Russia in 2021, per 10,000 employed

Субъект РФ	ИП	Субъект РФ	ИП
Российская Федерация	56,6	Российская Федерация	56,6
Субъекты РФ с самыми низкими значениями показателя ИП		Субъекты РФ с самыми высокими значениями показателя ИП	
Еврейская АО	0,0	Новосибирская область	91,7
Чукотский АО	0,0	Томская область	110,3
Костромская область	1,3	Санкт-Петербург	125,6
Ямало-Ненецкий АО	2,2	Нижегородская область	127,0
Республика Хакассия	3,5	Город Москва	154,6

Источник: рассчитано по данным Росстата.

торые, скорее всего, представляют небольшую часть занятых творческим, креативным трудом. Поэтому расчёт интеллектуального потенциала населения по этой категории носит в основном иллюстративный характер (табл. 6). Прослеживается зависимость интеллектуального потенциала населения по категории сверхквалифицированных работников от наличия в регионе организаций и их подразделений, относящихся к академической и прикладной науке, к учреждениям высшего профессионального образования, в которых концентрируется персонал, участвующий в научных исследованиях. Поэтому высокие показатели ИП, как и следовало ожидать, выявлены в субъектах РФ, которые являются крупными научно-образовательными центрами.

Заключение

Обосновано, что о качестве трудового потенциала населения можно судить на основе его интеллектуальной компоненты и ее основного признака — квалификации работников. Так как по этому признаку занятое население неоднородно, предложено использовать показатели интеллектуального потенциала, определенные по нескольким ранжированным квалификационным категориям — по квалифицированным, высококвалифицированным и сверхквалифицированным работникам. Для их построения по этой методике использовались разные информационные источники — ОЗПП для квалифицированной и ОРС для высококвалифицированной категории.

Использование публикуемых данных ОРС о квалифицированных работниках

признано не удачным, т.к. показатель интеллектуального потенциала по этим работникам в среднем достигает более 90% (в 2021 г.). Это означает, что общая занятость почти совпадает с занятостью квалифицированных работников, что ограничивает возможности сопоставительного межрегионального анализа. Поэтому предпочтение отдано показателю по данным ОЗПП. В нем на долю соответствующего персонала, сопоставленного с включенной в выборку этого обследования численностью работников крупных и средних предприятий, в 2021 г. пришлось около 70%. С субъектами малого предпринимательства этот показатель был бы ещё меньше.

По показателям на основе ОЗПП и ОРС выполнен межрегиональный анализ на примере пяти регионов с самыми высокими и пяти регионов с самыми низкими показателями. По показателям на основе категорий квалифицированных и высококвалифицированных работников и их вариации в региональном разрезе проведена проверка на корректность построения этих показателей (показатель по категории сверхквалифицированных кадров из проверки исключён). Выявлено, что при несовершенстве предложенной методики их определения признак квалификации отражён в них приемлемо. Но численность квалифицированных работников следует соотносить не с рабочей силой, а с занятым населением, поэтому показатель на основе ОЗПП нужно скорректировать. Кроме того, даже ограниченный по числу регионов межрегиональный анализ обнаруживает, что действие факторов, влияющих на интеллектуальный потенциал населения, неоднозначно.

Литература и Интернет-источники

1. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке // ред. В.М. Котляков, А.А. Швецов, О.Б. Глезер.— Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2020.— 365 с. EDN: OXAOXI
2. **Токсанбаева, М.С.** Трудовые ресурсы как характеристика трудового потенциала и их структура / М.С. Токсанбаева, Р.И. Попова // Народонаселение.— 2022.— Т. 25.— № 4.— С. 151–162. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.13; EDN: UAPDEV
3. **Горбунова, О.Н.** Особенности формирования трудового и интеллектуального потенциала человека / О.Н. Горбунова, И.С. Кондрашова // Социально-экономические явления и процессы.— 2012.— № 10 (44).— С. 59–63. EDN: PZRQXD
4. **Джегутханов, В.В.** Интеллектуальная составляющая трудового потенциала и её оценка / В.В. Джегутханов // Terra Economicus.— 2008.— Т. 6.— № 2–3.— С. 246–249. EDN: PQLGUV
5. **Пушкарев, Ю.В.** Концепция развития интеллектуального потенциала: измерения и основания в контексте проблем непрерывного образования (обзор) / Ю.В. Пушкарев, Е.А. Пушкарева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета.— 2017.— Т. 7.— № 3.— С. 140–151. DOI: 10.15293/2226–3365.1703.09; EDN: ZFROFN
6. **Леонидова, Г.В.** Интеллектуальный потенциал населения: теоретико-методологические основы исследования / Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.— 2014.— № 1(31).— С. 52–71. DOI: 10.15838/esc/2014.1.31.6; EDN: RWZIZR
7. **Кулакова, А.Б.** Интеллектуальный потенциал региона: теоретико-методологический подход / А.Б. Кулакова // Вопросы территориального развития.— 2017.— № 2(37).— С. 1–7. EDN: YLEFMD
8. **Джабборов, Д.Б.** Прогресс человеческих качеств: рыночные и пострыночные механизмы стимулирования социально-экономического развития / Д.Б. Джабборов // Экономическое возрождение России.— 2016.— № 4.— С. 68–73. EDN: YGXSSF
9. **Фурсов, В.** Региональные аспекты оценки трудового потенциала в современной России / В. Фурсов, Е. Кривокопа, В. Стриелковски // Terra Economicus.— 2018.— Т. 16.— № 4.— С. 95–115. DOI: 23683/2073–6606–2018–16–4–95–115; EDN: VPKIZE
10. **Мигранова, Л.А.** Качество трудового потенциала российских регионов / Л.А. Мигранова, М.С. Токсанбаева // Народонаселение.— 2014.— № 2.— С. 102–120. EDN: SJFYSZ
11. **Платонова, Р.И.** Актуальность soft skills в профессиональном плане будущих специалистов / Р.И. Платонова, Г.Б. Михина // Азимут научных исследований: педагогика и психология.— 2018.— Т. 7.— № 4(25).— С. 177–181. EDN: YTHGOL
12. **Toksanbaeva, M.S.** Advantages and disadvantages of employment in Russian small business / M.S. Toksanbaeva // Proceeding of the international conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» (January 27, 2021).— Beijing : Scientific publishing house infinity, 2021.— P. 11–17. DOI: 10.34660/INF.2021.32.23.001; EDN: UESWCK
13. **Патырбаева, К.В.** Современный социум, труд и человек в концепциях постиндустриального общества / К.В. Патырбаева // Вестник Пермского университета. Философия, Психология. Социология.— 2012.— Вып. 2(10).— С. 53–68. EDN: OZGRFC
14. Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе / ред. А.И. Колганов.— Москва : ТЕИС, 1998.— 279 с.

Сведения об авторах:

Токсанбаева Майраш Сейткадыевна, д.э.н., зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: matoksan@mail.ru; ORCID: 0000–0002–3570–592X; РИНЦ AuthorID: 110972.

Попова Раиса Ивановна, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: raisa_popova@mail.ru; ORCID: 0000–0002–8548–6294; РИНЦ AuthorID: 110970.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.10

INDICATORS OF THE LABOR POTENTIAL QUALITY OF THE RUSSIAN REGIONS POPULATION

Mairash S. Toksanbaeva*, Raisa I. Popova

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

*E-mail: matoksan@mail.ru

For citation:

Toksanbaeva M.S., Popova R. I. Indicators of the labor potential quality of the Russian regions population. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 110-122. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.10 (in Russ.)

Abstract. *The study of indicators of the labor potential quality of the population in Russian regions is part of a larger interregional research on the human potential quality. Labor potential is only one of the components of human potential, therefore, the purpose is to identify the most representative qualitative characteristics of labor potential. On this basis, the problems of constructing appropriate indicators can be solved. The intellectual component or intellectual potential is selected among the components of labor potential as the most representative. The characteristics and indicators of this potential are given a theoretical and methodological substantiation. The article argues that the main characteristic of the intellectual component of labor potential is qualification of employees reflecting complexity of their work, and the complementary characteristic is the level of professional education coordinated with qualification. Since the qualification structure of the employed population is heterogeneous, three ranked categories are proposed: skilled, highly skilled and superskilled workers. The basic information is taken from a number of information sources published by Rosstat. When calculating the indicators, the number of these categories of employees was correlated with the number of either the labor force or the employed population. For preliminary interregional analysis, five regions with the highest and lowest values of indicators were selected. Correctness of the indicators for skilled and highly skilled workers was checked using indicators of employment in the informal sector and unemployment. The indicator for superskilled workers was excluded from the verification due to insufficient information. Despite all limitations, the analysis made it possible to clarify the construction of indicator for the category of skilled workers and outline some approaches to further factorial research on the intellectual potential of the population.*

Keywords: *labor potential, intellectual potential, qualification, professional education, region, labor force, employment.*

References and Internet courses

1. Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v 21 veke [Challenges and Policy of Russia Spatial Development in the 21st Century]. Eds. V.M. Kotlyakov, A. N Shvetsov, O.B. Glezer. Moscow. Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK [KMK Scientific press Ltd]. 2020. 365 p. (in Russ.)
2. Toksanbaeva M. S., Popova R. I. Trudovye resursy kak kharakteristika trudovogo potentsiala i ikh struktura [Labor resources as a characteristic of labor potential and their structure]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 151–162. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.13 (in Russ.)
3. Gorbunova O. N., Kondrasheva I. S. Osobennosti formirovaniya trudovogo i intellektual'nogo potentsiala cheloveka [Features of formation of labor and intellectual potential of the person]. *Sotsialno-ekonomicheskiye yavleniya i processy [Social Economic Phenomena and Processes]*. 2012. No. 10 (44). P. 59–63. (in Russ.)

4. Dzhegutkhanov V. V. Intellektual'naya sostavlyayushchaya trudovogo potentsiala i yeyo otsenka [The intellectual component of the labor potential and its assessment]. *Terra Economicus*. 2008. Vol. 6. No. 2–3. P. 246–249. (in Russ.)
5. Pushkarev Yu. V., Pushkareva E. A. Kontseptsiya razvitiya intellektual'nogo potentsiala: izmereniya i osnovaniya v kontekste problem nepreryvnogo obrazovaniya (obzor) [The Concept of intellectual potential development: the main dimensions and bases within the context of lifelong education (review)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin]*. 2017. Vol. 7. No 3. P. 140–151. DOI: 10.15293/2226–3365.1703.09 (in Russ.)
6. Leonidova G. V. Intellektual'nyj potentsial naseleniya: teoretiko-metodologicheskije osnovy issledovaniya [Intellectual potential of population: theoretical and methodological framework for research]. *Ekonomicheskie i social'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2014. No. 1(31). P. 52–71. DOI: 10.15838/esc/2014.1.31.6 (in Russ.)
7. Kulakova A. B. Intellektual'nyj potentsial regiona: teoretiko-metodologicheskij podkhod [Intellectual potential of a region: theoretical and methodological approach]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya [Territorial Development Issues]*. 2017. No. 2(17). P. 1–7. (in Russ.)
8. Dzhaborov D. B. Progress chelovecheskikh kachestv: rynochnyje i postrynochnyje mekhanizmy stimulirovaniya social'no-ekonomicheskogo razvitiya [Progress of human qualities: market and post-market mechanisms to stimulate social and economic development]. *Ekonomicheskije vozrozhdenije Rossii [Economic Revival of Russia]*. 2016. No. 4. P. 68–73. (in Russ.)
9. Fursov V., Krivokora E., Strielkowski W. Regional'nyje aspekty otsenki trudovogo potentsiala v sovremennoj Rossii [Regional aspects of labor potential assessment in modern Russia]. [*Terra Economicus*]. 2018. Vol. 16. No. 4. P. 95–115. DOI: 23683/2073–6606–2018–16–4–95–115 (in Russ.)
10. Migranova L. A., Toksanbaeva M. S. Kachestvo trudovogo potentsiala rossijskikh regionov [Quality of labor potential of Russian regions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2014. No. 2. P. 102–120. (in Russ.)
11. Platonova R. I., Mikhina G. B. Aktual'nost' soft skills v professional'nom plane budushchikh specialistov [Soft skills actuality in the professional plan of future specialists]. *Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psikhologiya [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology]*. 2018. Vol. 7. No. 4(25). P. 177–181. (in Russ.)
12. Toksanbaeva M. S. Advantages and disadvantages of employment in Russian small business. *Proceeding of the international conference Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and Integration (27 January 2021)*. Beijing. PRC. Scientific publishing house Infinity. 2021. P. 11–17. DOI: 10.34660/INF.2021.32.23.001
13. Patyrbaeva K. B. Sovremennyyj sotsium, trud i chelovek v konceptsiyakh postindustrial'nogo obshhestva [Society, labor and subject of labor in concepts of postindustrial society]. *Vestnik Permskogo universiteta: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya [Perm University Herald: Philosophy. Psychology. Sociology]*. No. 2(10). P. 53–68. (in Russ.)
14. Sotsium 21 veka: rynek, firma, chelovek v informatsionnom obshhestve. Pod red. Kolganova A. I. [*Society of the 21st Century: Market, Company, Person in the Information Society*]. Ed. A. I. Kolganov. Moscow. TEIS. 1998. 279 p. (in Russ.)

Information about Authors:

Toksanbaeva Mairash Seitkazyevna, Doctor of Economics, Head of laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: matoksan@mail.ru; ORCID: 0000–0002–3570–592X; Elibrary AuthorID: 110972.

Popova Raisa Ivanovna, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: raisa_popova@mail.ru; ORCID: 0000–0002–8548–6294; Elibrary AuthorID: 110970.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.11
EDN: LBHTOK

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Дохолян С. В.

Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: sergsvd@mail.ru

Для цитирования:

Дохолян С. В. Трансформация социально-трудовых отношений под влиянием цифровизации экономики // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 123-132. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.11; EDN: LBHTOK

Аннотация. В статье исследована сущность понятия «трансформация социально-трудовых отношений» и характер влияния на неё цифровизации экономики; выявлены направления изменений в трудовой деятельности в условиях формирования информационно-сетевой экономики; обоснованы изменения форм занятости в контексте формирования сектора «гиг-экономики»; выявлены особенности функционирования цифровых платформ как нового типа базисно-хозяйственного института и масштабы влияния цифровых технологий на трудовую деятельность; обозначены контуры изменения формирования стоимости рабочей силы как следствия смены владельцев средств производства; исследована сущность цифрового капитала и обоснован разнонаправленный характер процессов, формирующих спрос и предложение рабочей силы на отечественном рынке труда. На основе теорий трансформации систем и экономики труда определено понятие «трансформация трудовой деятельности» как изменения в социально-трудовых отношениях, которые возникают в процессе создания новой стоимости и воспроизводстве рабочей силы. Предложено выделять два уровня исследования трансформации трудовой деятельности под влиянием цифровых технологий: общий для экономической среды и специфический для рынка труда, что позволило в дальнейшем определить направления её изменений. Для первого уровня, который определяет детерминанты общих сдвигов экономической среды, предложено выделять такие признаки, как: переход от индустриально-рыночной к информационно-сетевой экономике; формирование гиг-экономики; формирование цифровых платформ. Для второго уровня, который является специфическим для рынка труда, признаками трансформационных процессов являются: создание условий для роста органической структуры капитала; изменения в формировании составляющих стоимости рабочей силы; формирование цифрового капитала; разнонаправленность процессов, формирующих спрос и предложение на рынке труда. Блоками, по которым целесообразно исследовать результативность от использования цифровых платформ, могут быть: затраты на производство; качество продукции, работ, услуг; использование рабочего времени; уровень и качество электронной торговли; уровень хозяйственных связей; качество доступа к информации.

Ключевые слова: трансформация социально-трудовых отношений, рынок труда, цифровизация экономики, цифровые платформы, сетевая экономика.

© Дохолян С. В., 2023.

Постановка проблемы

Процессы цифровизации обуславливают качественные изменения содержания и организации труда, взаимоотношений работодателя и работника, личных качеств самого работника как носителя способности к труду. Сегодня речь идёт о построении децентрализованных систем управления, виртуализации хозяйственных связей, сетевых структур, дестандартизации социально-трудовых отношений. Положительные изменения, происходящие в результате цифровизации, является неоспоримым фактом так же, как и вызовы и угрозы, которые она создаёт, прежде всего, самому человеку.

Проблемы и отдельные аспекты функционирования рынка труда под влиянием цифровых технологий нашли отражение в научных работах таких учёных, как Ю.Ш. Капкаев и И.А. Нурмухамедов [1], Н. Баник и М. Падалкар [2], Л.В. Лапидус и Ю.М. Полякова [3], Е.Н. Смирнов [4], К. Келли [5]. Несмотря на многочисленные исследования, отсутствует общепризнанная научно обоснованная точка зрения относительно характера влияния процессов цифровизации на рынок труда, очевидным становится разнонаправленный и противоречивый характер этого процесса. Целью данной статьи является определение и анализ признаков и особенностей трансформации социально-трудовых отношений под влиянием цифровизации.

Результаты исследования

Под трансформацией системы понимают перестройку её метаболических потоков, в результате которой меняется характер внутренних и внешних связей. Указанные изменения в системе обеспечивают трансформационные механизмы, которые представляют совокупность логических связей и процедур, обеспечивающих изменение состояния системы. Выделяют трансформационные механизмы двух типов: адаптационные и бифуркационные. Если адаптационные механизмы предусматри-

вают изменения с сохранением целостности и принципиальных признаков, то бифуркационные механизмы предусматривают переход в новое качество при утрате целостности. Отличительными чертами бифуркационных процессов являются вариативность возможных состояний, неопределённость будущего, необратимый характер развития.

Исходя из вышеизложенного, трансформация живого труда (трудоустройство) — это изменения в социально-трудовых отношениях, которые возникают в процессе создания новой стоимости и воспроизводства рабочей силы. Анализ теоретических наработок в области трансформации позволяет сделать вывод, что цифровизация активизировала адаптационные механизмы, при которых приспособление к изменениям внешней среды происходит через отбор состояний самой системы, то есть через микроэволюцию живого труда как сложной системы. Для адаптационных механизмов характерным свойством является то, что ни внутренние, ни внешние воздействия не способны вывести систему из состояния динамического равновесия.

Исследование трансформации живого труда следует осуществлять не обособленно, а в контексте мегатрендов социально-экономического развития. На основе использования метода абстрагирования предлагается выделять два уровня исследования трансформации живого труда под влиянием цифровых технологий, а именно: общий — для экономической среды и специфический — для рынка труда (табл. 1).

Особенностями проявления перехода от индустриально-рыночной к информационно-сетевой экономике являются: стремительное развитие информационно-коммуникационных сетей и рост охвата ими; уменьшение количества посредников при осуществлении операций с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); доминирование реконструктивного (накопительского) типа развития. Информационно-сетевая экономика, в отличие от индустриально-рыночной, основана не на эффекте масштаба, а на сетевом эффекте, когда

Таблица 1

Уровни исследования трансформации трудовой деятельности под влиянием цифровизации экономики и их признаки

Table 1

Levels of research into the transformation of labor activity under the influence of digitalization of the economy and their signs

Уровни исследования	Признаки трансформации
Общий для экономической среды	Переход от индустриально-рыночной к информационно-сетевой экономике.
	Формирование гиг-экономики.
	Формирование цифровых платформ.
Специфичный для рынка труда	Создание условий для роста органической структуры капитала.
	Изменения в формировании составляющих стоимости рабочей силы как следствие смены владельцев средств производства.
	Формирование цифрового капитала.
	Разнонаправленность процессов, формирующих спрос и предложение на рынке труда, под влиянием цифровизации.

Источник: разработано автором.

между размером (объёмом) сети и пользой для потребителей существует прямая зависимость. Сетевой эффект способствует повышению степени открытости экономических систем. При этом новые участники увеличи-

вают объём сети, который, в свою очередь, обуславливает рост количества новых участников [5]. Импульс для развития данной формы экономики придало экспоненциальное развитие сети Интернет (рис. 1).

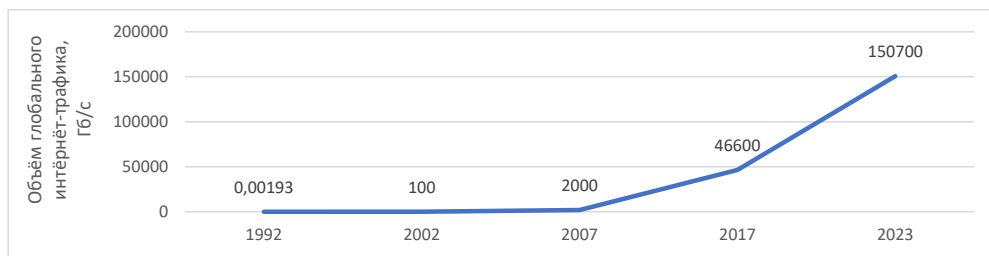

Рис. 1. Динамика мирового Интернет-трафика, Гб/с

Fig. 1. Dynamics of the global Internet traffic, Gb/s

Источник: составлено автором на основе: Интернет-трафик (мировой рынок) // TAdviser.— URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 22.04.2023).

Прогнозируется, что в 2024 г. общий годовой интернет-трафик вырастет примерно на 50% по сравнению с уровнем 2021 г., достигнув 4,8 зеттабайт, что равно 150 тыс. гб в секунду. Более 2/3 жителей нашей планеты пользуется услугами интернета. При этом более половины из них проживают в странах Азии¹.

Прогрессивные технологические изменения реализуются за счёт реконструктивного воспроизведения, для которого характерным является превалирование качественных изменений над количественными. С теоретической точки зрения считалось, что расширенное воспроизводство происходит за счёт экономического роста, который измеряется положительными количественными изменениями. Однако современные технологии обуславливают ка-

¹ Интернет-трафик (мировой рынок) // TAdviser.— URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 22.04.2023).

чественные изменения при одновременном уменьшении количественных показателей.

Особенностью нового типа экономики является устранение посредников в процессе осуществления экономической деятельности и, как следствие, — уменьшение транзакционных издержек. Например, технологии блокчейна, представляют собой постоянно растущий список записей и включают создание баз данных, которые не поддерживаются никаким центральным органом. Они подходят для записи событий, управления записями, обработки транзакций, отслеживания активов, голосования. Указанные технологии осуществляют концептуальный прорыв в управлении информацией, поскольку способствуют уменьшению зависимости от банков, правительств, юристов, нотариусов. Сложные системы отношений принимают устойчивую форму в виде таких моделей взаимодействия, как: «бизнес-бизнес» (B2B), оптовая торговля через электронные биржи «бизнес-потребитель» (B2C), розничная торговля через интернет-магазины, «бизнес-правительство» (B2G), рынок государственных закупок, «потребитель-бизнес» (C2B), электронное правительство; «потребитель-потребитель» (C2C), электронные частные аукционы; «потребитель-правительство» (C2G): подача электронных петиций; «правительство-бизнес» (G2B): государственные услуги для бизнеса; «правительство-потребитель» (G2C): государственные услуги для граждан; «правительство-правительство» (G2G): электронное правительство.

Особенностями формирования гиг-экономики являются: новые модели работы, связанных с переходом от выполнения долговременных работ к кратковременным; увеличение доли незадекларированной занятости. Необходимость сокращения расходов после глобального кризиса 2008 г., доминирование сферы услуг и формирование человекоцентричной экономики, санитарно-эпидемиологические ограничения, вызванные пандемией, рост стоимости жизни, снижение доходов среднего класса обуславливают изменение формата труда от дол-

госрочных контрактов к краткосрочным. Краткосрочная работа на заказ — не новое явление для экономики, однако она приобретает черты, которые выделяют её в отдельный сегмент экономики — гиг-экономику. Среди характерных свойств гиг-экономики следует выделить большие объём и масштаб, охватывающие различные отрасли и работников, особенно с более низкими уровнями квалификации; посредничество и зависимость от цифровых технологий, в частности цифровых платформ; большая гибкость.

В современных условиях, когда важной характеристикой рабочей силы становится её повышенная мобильность, цифровые технологии создают новые возможности для сферы труда, в результате формируются новые сегменты и элементы, в частности цифровой рынок труда, цифровая занятость, цифровое рабочее место. Однако в нашей стране закрепление этих изменений в нормативно-правовом поле происходит с опозданием. Как следствие, имеет место увеличение незадекларированного труда, который на практике и по форме имеет вид новых форм неформальной занятости.

Особенностями формирования цифровых платформ является создание нового подхода к пониманию ценности на основе использования ресурсов пользователей платформы вместо собственных ресурсов платформы; каждый дополнительный пользователь платформы создаёт полезность для других участников, что в итоге превращается в ресурс для саморазвития, то есть проявляется «сетевой эффект»; индивидуализация, которая выражается направленностью социально-экономического развития на удовлетворение потребностей конкретного человека, а не на рост совокупного общественного продукта в целом. Начиная своё существование как техническое instrumento, обеспечивающего взаимодействие различных субъектов социально-экономической среды, цифровые платформы приобретают черты самостоятельного института. В основе их функционирования лежат определённые нормы, стандарты, ал-

горитмы действий. Концептуальную основу цифровых платформ создаёт их способность сочетать продавцов и покупателей. Следовательно, это единая совокупность реестров субъектов и объектов различных коммуникаций, алгоритмов их взаимодействия и хранилищ данных, совершённых между ними транзакций.

В отличие от традиционных информационных технологий, которые способствуют усилению конкуренции, современные цифровые технологии меняют бизнес-модели работы. Например, цифровые платформы создают возможности для новых видов работ путём деконструкции большого проекта на серию меньших невысокой квалификации, которые могут выполнять различные работники одновременно. Цифровые платформы дают возможность быть задействованным на нескольких работах одновременно. Например, водители могут быть зарегистрированы на нескольких платформах и найти работу для совместного использования поездок одновременно. Работник может создать доход на полный рабочий день на нескольких коротких работах или выполнить дополнительную работу, чтобы увеличить доход от традиционного 8-часового труда.

Цифровые платформы создают ценности на основе сетевого эффекта, а не традиционным способом — переносом стоимости овеществления труда на стоимость готового продукта и добавлением вновь созданной стоимости рабочей силой. Успех платформы зависит от её способности привлекать достаточное количество субъектов рынка. Каждый дополнительный пользователь платформы создаёт выгоду для других участников, что в итоге трансформируется в ресурс для саморазвития. В условиях высокой конкуренции цифровые платформы стали инструментом, который делает потребление создаваемых общественных благ персонализированным. Ориентация экономики на максимальное удовлетворение запросов конкретного человека обуславливает возникновение большого количества онлайн-услуг (включая обмен рабочей силой), что, в свою очередь, обуславливает

преобразования в традиционных форматах процесса труда с точки зрения уже работника. Цифровизация актуализирует новые качества, которыми должен обладать современный работник — мобильность, автономность, самоответственность, прозрачность.

Синергетический эффект взаимодействия на основе цифровых платформ обеспечивают три основные функции: 1) привлечение большого количества производителей и потребителей; 2) стимулирование взаимодействия между производителями и потребителями за счёт предоставления более выгодных условий по сравнению с традиционными каналами связи для ускоренного обмена; 3) реализация интереса каждого из участников платформы.

Для второго уровня трансформации трудовой деятельности под влиянием цифровизации присущи характерны четыре признака, имеющих влияние именно на рынок труда.

1. Создание условий для роста организационной структуры капитала. Особенно сильно проявления данного признака является уменьшение спроса на рабочую силу; изменение профессионального состава рабочей силы; снижение трудоёмкости общественного производства.

Предприятия промышленности, сельского и складского хозяйств, строительства, транспорта активно используют интернет вещей, робототехнику, машинное обучение, искусственный интеллект, аддитивные технологии в производственных и логистических процессах, которые способствуют ускорению производственных операций, уменьшению количества ошибок и ресурсных затрат, повышению качества продукции. Применение указанных технологий способствует вытеснению человека из производственных процессов, изменяют его функциональное назначения в хозяйственной деятельности. В 2018 г. в среднем 71% от мирового общего количества рабочих часов выполняли люди, а 29% — машины, а в 2023 г. это соотношение, по прогнозам экспертов, составит 58% и 42% соответственно (рис. 2). Масштабы уменьшения удельного веса человеческого труда

в общем рабочем времени зависят от особенностей видов деятельности, поскольку современные технологии автоматизации позволяют осуществлять обработку, поиск

и передачу информации при минимальном участии человека.

Рис. 2. Удельный вес работы, выполняемой человеком, в мировом общем объёме выполненных работ, 2018 г. и 2023 г. (прогноз), %

Fig. 2. The share of work performed by a person in the global total volume of work performed, 2018 and 2023 (forecast), %

Источник: The Future of Jobs Report 2018.—URL: <https://www.we-forum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018> (дата обращения: 20.05.2023).

Более половины всех текущих рабочих мест в среднесрочной перспективе либо существенно изменятся, либо исчезнут. Прежде всего начнут исчезать рабочие места, связанные с выполнением рутинных, простых операций, управленческого, обслуживающего характера. Важно отметить, что процессы автоматизации в основном происходят на уровне конкретных рабочих задач. Почти две трети современных рабочих функций содержат не менее 30% задач, которые можно автоматизировать на основе современных технологий. Однако, только четверть современных рабочих функций автоматизированы более чем на 70%.

Большее количество работ скорее изменится, чем будет автоматизировано. Из-за дальнейшего влияния цифровых технологий исчезнут примерно 5 тысяч профессий из существующих почти 50 тысяч в ближайшие десять лет и появятся примерно столько же новых, которые будут связаны с инновационными технологиями, производством и реализацией новых товаров и услуг,

что обусловит рост занятости в отдельных сферах деятельности. Указанные изменения сопровождаются уменьшением переменного капитала за счёт высвобождения рабочей силы и уменьшением расходов на оплату труда².

2. Изменения в формировании стоимости рабочей силы как следствие смены владельцев средств производства. Права частной собственности на средства производства становятся решающими при формировании стоимости рабочей силы. Специальные знания человека и ИКТ позволяют создавать интеллектуальные продукты, не выходя из дома, не будучи зависимым от работодателя и привязанным к рабочему месту. Создаются условия для того, чтобы работник продавал не свою способность к труду, а результат своего труда. При этом стоимость созданной таким образом продукции человек определяет самостоятельно, учитывая лич-

² Digital 2021: Global Overview Report.—URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения: 17.05.2023).

ные расходы, организацию своего рабочего места, амортизацию собственных основных средств (компьютер, принтер и другое), переменные затраты (электроэнергия, бумага и тому подобное); образование, обучение, повышение уровня квалификации. Глобальные расходы на информационные технологии, устройства, включая персональные компьютеры, планшеты, мобильные телефоны, принтеры, а также системы центров обработки данных, корпоративное программное обеспечение и коммуникационные услуги составили 4,26 трлн долларов США в 2021 г. и, как ожидается, вырастут до 4,43 трлн долларов США в 2023 году³.

Таким образом, общепризнанный закон формирования стоимости теряет свою силу, а права частной собственности работодателя на средства производства перестают иметь решающее значение.

3. Формирование цифрового капитала. Особенности проявления данного признака являются создание большого количества цифровых инструментов для взаимодействия в виртуальной среде и большие цифровые разрывы. Цифровизация экономики переводит фокус внимания в интернет-среду, где успех зависит от цифрового капитала. Анализ трактовки сущности «цифрового капитала» [6–8] позволил сделать вывод, что на современном этапе развития под цифровым капиталом исследователи понимают совокупность доступа пользователей к цифровым технологиям и умение применять их в профессиональных и личных целях.

Некоторые учёные рассматривают цифровой капитал как разновидность человеческого капитала, другие считают его разновидностью информационного капитала. Такие характеристики цифрового капитала, как возможность накапливаться и переходить из одной сферы в другую, дают возможность говорить о цифровом капитале как самостоятельном виде [6]. ИКТ в совокупности с цифровыми навыками позволяют получать преимущества в процессе ис-

пользования других видов капитала, приобретённых в офлайн деятельности. Преподаватели, врачи, политики, журналисты, торговые посредники и другие специалисты, приобретая опыт, овладевая цифровыми технологиями, создают большой круг влияния в обществе, получая возможности умножения своих благ, например получение лучшей работы, большей заработной платы и т.п. Таким образом, цифровой капитал создаёт мультипликационный эффект при использовании различных видов капитала.

Цифровизация системы образования — это закономерный и целенаправленный процесс, поддерживаемый государством. Однако, при взаимодействии людей с цифровыми технологиями возникают некоторые проблемы. Среди ключевых образовательных компетенций нет цифровой компетенции, но есть информационная компетентность. Говорить о синонимичности этих понятий нельзя. Цифровые компетенции — это способность использовать цифровые устройства и ИКТ в профессиональных и личных целях. В нормативных документах нет определения цифровой компетентности, нет программ формирования цифровой компетентности, нет диагностического инструментария для определения уровня сформированности цифровой компетентности.

4. Разнонаправленность, формирующий спрос и предложение на рынке труда, под влиянием цифровизации. Внедрение цифровых технологий, следствием которого является автоматизация и роботизация различных сфер жизнедеятельности человека, формирует предпосылки для уменьшения спроса на рабочую силу. Следует акцентировать внимание на двух моментах: 1) традиционно считалось, что промышленность и сельское хозяйство более подвержены внедрению процессов автоматизации и роботизации, чем сфера услуг, однако современные цифровые технологии значительно увеличивают присутствие и в этой сфере. Они способны заменять человека не только при выполнении рутинных физических операций, но и в интеллектуальном труде, например: в розничной

³ Information technology spending forecast world-wide from 2012 to 2023, by segment. — URL: <https://www.statista.com/statistics/268938/global-it-spend-ing-by-segment/> (дата обращения: 19.05.2023).

торговле, банкинге, логистике, здравоохранении, страховании.

Выводы

Трансформация трудовой деятельности — это изменения в социально-трудовых отношениях, которые возникают в процессах создания новой стоимости и воспроизводства рабочей силы. Цифровизация активизировала адаптационные механизмы, при которых приспособление к изменениям внешней среды происходит через отбор состояний самой системы при сохранении её целостности. На основе использования метода абстрагирования предложено выделять два уровня исследования трансформации живого труда под влиянием цифровых технологий: общий для экономической среды и специфичный для рынка труда, а также определить признаки трансформации по каждому из них.

В современных условиях, когда важной характеристикой рабочей силы становится её повышенная мобильность, современные технологии формируют цифровой рынок труда, цифровую занятость, цифровое рабочее место. Вследствие становления сетевой экономики эффект масштаба вытесняется сетевым эффектом и уменьшается количество посредников при осуществлении экономических операций. Сектор гиг-экономики формирует новые модели работы, в частности, связанные с переходом от выполнения долговременных работ к кратковременным. Традиционный закон формирования стоимости теряет свою силу, а права частной собственности на средства производства работодателя перестают иметь решающее значение, поскольку работодатель теряет монополию на средства произ-

водства, которые становятся доступными работникам. Вновь созданную стоимость присваивает работник, который самостоятельно определяет её в количественном и стоимостном измерениях.

Цифровые платформы выступают формой концептуально нового базисно-хозяйственного института, а по сути являются совокупностью реестров субъектов и объектов различных коммуникаций, алгоритмов их взаимодействия и хранилищ данных, совершённых между ними транзакций. Они способны создавать ценности на основе использования ресурсов пользователей платформы вместо собственных ресурсов, направленные на удовлетворение потребностей конкретного человека, а не рост совокупного общественного продукта, имеют ценность, которая прямо пропорционально зависит от количества пользователей.

Следствием действия цифровых технологий является рост органической структуры капитала, проявлением которого выступают уменьшение спроса на рабочую силу, изменение её профессионального состава и снижение трудоёмкости производства. Цифровой капитал — это совокупность доступа пользователей к цифровым технологиям и умение применять их в профессиональных и личных целях. Цифровая компетентность является одной из главных компетенций современного работника, от которой зависит возможность приобретать знания и навыки в других сферах жизнедеятельности. На рынке труда действуют разнонаправленные процессы, один из которых обуславливает дефицит рабочей силы как следствие уменьшения численности населения, а другой — сокращение занятости как следствие внедрения цифровых технологий в различные сферы деятельности.

Литература и Интернет-источники

1. **Капкаев, Ю. Ш.** К вопросу о формировании качественного человеческого капитала в контексте цифровизации российской экономики / Ю. Ш. Капкаев, И. А. Нумухаметов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2019. — № 7(429). — С. 91–101. EDN: TNZCJZ
2. **Баник, Н.** Распространение гигномики / Н. Баник, М. Паддалкар // Форсайт. — 2021. — № 1. — С. 19–29. EDN: HGFFYD
3. **Лapidус, Л. В.** Гигномика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и аутсорсинга / Л. В. Лapidус, Ю. М. Полякова // Вестник Института экономики РАН. — 2018. — № 6. — С. 73–89. EDN: SLUWDZ
4. **Смирнов, Е. Н.** Глобальные цифровые платформы как фактор трансформации мировых рынков / Е. Н. Смирнов // Вопросы инновационной экономики. — 2020. — № 1. — С. 13–24. EDN: JMCNFX
5. **Келли, К.** Двенадцать принципов преуспевания в бурно меняющемся мире / К. Келли // Знание — Сила. — 1998. — № 4. — С. 25–32.
6. **Bourdieu, P.** The forms of capital / P. Bourdieu. // The sociology of economic life. — Routledge, 2018. P. 78–92.
7. **Park, S.** Digital capital / S. Park. — London : Palgrave, Macmillan, 2017. — 246 p. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0
8. **Ragnedda, M.** Conceptualizing Digital Capital / M. Ragnedda. // Telematics and Informatics. — 2018. — Vol. 35. — Iss. 8. — P. 2366–2375. DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006

Сведения об авторе:

Дохолян Сергей Владимирович, д.э.н, проф., зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
 Контактная информация: e-mail: sergsvd@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4609-448X; РИНЦ AuthorID: 175688.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.11

TRANSFORMATION OF SOCIAL-LABOR RELATIONS UNDER THE INFLUENCE OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Sergey V. Dokholyan

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: sergsvd@mail.ru

For citation:

Dokholyan S.V. Transformation of social-labor relations under the influence of digitalization of the economy. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 123-132. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.11

Abstract. *The article examines the essence of the concept of «transformation of social and labor relations» and the nature of the influence of digitalization of the economy on it; directions of the changes in labor activity in the conditions of formation of an information-network economy are identified; changes in the forms of employment in the context of formation of the «gig economy» sector are substantiated; features of the functioning of digital platforms as a new type of basic economic institution and scale of the influence of digital technologies on labor activity are identified; contours of the changes in the formation of labor costs as a consequence of a change in the owners of the means of production are outlined; the essence of digital capital has been explored; multidirectional nature of the processes that shape the demand and supply of labor in the domestic labor market has been studied and substantiated.*

Based on the theories of transformation of systems and labor economics, the concept of «transformation of labor activity» is defined as changes in social and labor relations that arise in the process of creating new value and reproduction of labor force. It is proposed to distinguish two levels of research into the transformation of work activity under the influence of digital technologies, namely: a general for economic environment and a specific for labor market that made it possible to further determine the directions of its changes using the abstraction method. For the first level, which identifies the determinants of general shifts in the economic environment, it is proposed to highlight such features as: transition from an industrial-market to an information-network economy; formation of the gig economy; formation of digital platforms. For the second level, which is specific to labor market, the signs of transformation processes are: creating conditions for growth of the organic structure of capital; changes in the formation of labor cost components; formation of digital capital; multidirectional character of the processes that shape supply and demand in the labor market. The blocks by which it is advisable to study the effectiveness of using digital platforms may be: production costs; quality of products, works, services; use of working time; level and quality of electronic commerce; level of economic relations; quality of access to information.

Keywords: transformation of social and labor relations, labor market, digitalization of economy, digital platforms, network economy.

References and Internet sources

1. Kapkaev Yu. Sh., Numukhametov I. A. K voprosu o formirovani kachestvennogo chelovecheskogo kapitala v kontekste tsifrovizatsii rossiyskoy ekonomiki [On the formation of high-quality human capital in the context of digitalization of the Russian economy]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2019. No. 7(429). P. 91–101. (in Russ.)
2. Banik N., Padalkar M. Rasprostraneniye gignomiki [The spread of gig economy: trends and effects]. Forsayt [Foresight and STI Governance]. 2021. No. 1. P. 19–29. (in Russ.)
3. Lapidus L. V., Polyakova Yu. M. Gignomika kak novaya sotsial'no-ekonomicheskaya model': razvitiye frilansinga i autsorsinga [Hygonomics as a new socio-economic model: the development of freelancing and crowdsourcing]. Vestnik Instituta ekonomiki RAN [Bulletin of the Institute of Economics RAS]. 2018. No. 6. P. 73–89. (in Russ.)
4. Smirnov E. N. Global'nyye tsifrovyye platformy kak faktor transformatsii mirovykh rynkov [Global digital platforms as a factor of global markets transformation]. Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Issues of Innovative Economics]. 2020. No. 1. P. 13–24. (in Russ.)
5. Kelly K. Dvenadtsat' printsipov preuspevaniya v burno menyayushchemsya mire [Twelve principles of prosperity in a rapidly changing world]. Znaniye — Sila [Knowledge is Power]. 1998. No. 4. P. 25–32. (in Russ.)
6. Bourdieu P. The forms of capital. *The Sociology of Economic Life*. Routledge. 2018. P. 78–92.
7. Park S. *Digital Capital*. London. Palgrave, Macmillan. 2017. 246 p.
8. Ragnedda M. Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*. 2018. Vol. 35. Iss. 8. P. 2366–2375.

Information about author:

Dokholyan Sergey Vladimirovich, Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sergsvd@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4609-448X; Elibrary AuthorID: 175688.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

ПРОБЛЕМЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.12
EDN: XTLVMM

ДИНАМИКА ДОХОДОВ ПЕНСИОНЕРОВ: АНАЛИЗ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Сафонов А. Л.* , Долженкова Ю. В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

*E-mail: ALSafonov@fa.ru

Финансирование:

Исследование осуществлено за счёт финансирования на выполнение прикладной научно-исследовательской работы Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в 2023 году.

Для цитирования:

Сафонов А. Л., Долженкова Ю. В. Динамика доходов пенсионеров: анализ, проблемы и пути решения // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 133-147. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.12; EDN: XTLVMM

Аннотация. В России увеличивается численность лиц старших возрастов, в первую очередь, пенсионеров. Указанная тенденция будет сохраняться в течение длительного времени. Отсюда остро встаёт проблема обеспечения достойной жизни этой категории населения. Однако существующие тенденции в области оплаты труда лиц предпенсионного возраста, распространения различных видов неформальной занятости и, в связи с этим, прекаризация трудовых отношений, а также существующие проблемы в пенсионном и налоговом законодательстве, приводят к сложной и противоречивой ситуации в формировании денежных доходов пенсионеров. Настоящая статья посвящена анализу и прогнозированию тенденций в области материального положения лиц в возрасте старше трудоспособного. В настоящее время средний размер страховой пенсии по старости по итогам 2022 г. не достиг показателя, рекомендованного МОТ. Социальная пенсия ещё значительно ниже, а более поздний срок наступления пенсионного возраста зачастую приводит к бедности из-за невозможности, с одной стороны ее получать, а, с другой, устроиться на работу в силу существующей возрастной дискриминации и физической возможности работать. В этих целях проведён анализ факторов, оказывающих непосредственное влияние на динамику страховых и социальных пенсий по старости, поскольку получатели данных видов пенсии являются основным контингентом получателей пенсий в связи с нетрудоспособностью. При этом страховые пенсии имеют экономическую природу отложенной оплаты труда, то есть формируются непосредственно самими будущими пенсионерами. В статье также дан анализ возможности компенсировать низкие доходы пенсионеров в рамках продолжения трудовой деятельности.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, уровень доходов пенсионеров, страховая пенсия, социальная пенсия, продолжительность жизни, трудовой стаж, риски бедности.

© Сафонов А. Л., Долженкова Ю. В., 2023.

Введение

Изменение демографической структуры в России в пользу нетрудоспособных категорий граждан в среднесрочной и долгосрочной перспективе ставит перед государством задачу обеспечения достойного уровня и качества жизни для них. В этом аспекте в повестку дня должны быть включены несколько вопросов: рост качества медицинского обеспечения для увеличения общей продолжительности жизни (особенно периода здоровой продолжительности жизни); развитие институтов рынка труда в целях повышения качества занятости лиц старшего поколения; развитие института пенсионного обеспечения. В данной статье рассмотрены вопросы повышения эффективности пенсионного обеспечения в части обязательного пенсионного страхования, как основы благосостояния населения старших возрастов.

Традиционной проблемой повышения эффективности социальной политики в отношении лиц, достигших пенсионного возраста, является низкий уровень пенсий и перспектива формирования механизма индексации пенсий в целях достойного пенсионного обеспечения. Это нашло своё отражение в международных документах, в частности в Конвенции «О минимальных нормах социального обеспечения» от 4 июня 1952 г. № 102 Международной организации труда (МОТ) предусмотрены основные параметры пенсионного обеспечения. Так статьёй № 29 национальным регуляторам предлагается рассматривать 30-летний стаж как типичный (15 лет — минимальный), а Приложением к разделу XI определён показатель пенсионного обеспечения по старости на уровне 40% от утраченного заработка, причём этот уровень должен покрывать потребности типичного бенефициара, каковым является не только застрахованное лицо, но и его супруга¹. Следовательно, в концептуальном документе МОТ уровень достойного пен-

сионного обеспечения предполагает размер страховой пенсии по старости, который обеспечивает два прожиточных минимума (ПМ) для лица нетрудоспособного возраста. В связи с этим представляет интерес ситуация в этой области в РФ.

Материалы и методы исследования

При проведении исследования использовались данные статистической отчётности, характеризующие доходы пенсионеров в РФ: ПМ этой категории населения, средний размер начисленных пенсий, средняя заработная плата. В качестве объекта исследования обозначена система доходов пенсионеров РФ. Временные границы исследования заданы периодом с 2013 до 2030 годы. Это позволило проанализировать динамику доходов пенсионеров, выявить основные тенденции и определить степень взаимовлияния и взаимосвязи с такими показателями как средняя заработная плата, ПМ пенсионеров. Проведён анализ динамики изменения показателей среднего размера назначенных пенсий, прожиточного минимума пенсионеров. На основе данных статистической отчётности за 2013–2022 гг. были исследованы тренды в динамике темпов роста инфляции, средней заработной платы, а также стоимости пенсионного балла, на основании которого рассчитывается размер пенсии. Информационной базой для исследования послужило законодательство в пенсионной и трудовой сфере, документы МОТ. Это позволило выявить возможные угрозы в пенсионном обеспечении самозанятых и индивидуальных предпринимателей.

Данные Росстата позволили провести анализ гендерных различий в оплате труда, что, впоследствии приводит к определённым диспропорциям в пенсионном обеспечении указанных категорий граждан. Выявлены тенденции изменения численности получающих социальную пенсию как потенциально имеющих низкие денежные доходы, что будет увеличивать социальную нагрузку в перспективе. Теоретико-методо-

¹ Официальный сайт МОТ.—URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

логической основой исследования послужили работы отечественных [1–5] и зарубежных авторов [6; 7] по вопросам пенсионного обеспечения.

Результаты исследования

Рассмотрим основные показатели обязательной страховой пенсионной системы РФ. Как видно из рис. 1, соотношение среднего размера страховой пенсии по старости в России не имеет устойчивой тенденции к повышению. После периода роста с 2013

по 2015 гг. (соотношение размера средней пенсии к ПМ пенсионера выросла с 60,5% до 66,5%) начался период снижения вплоть до 2021 г. (с 66,5% до 60,2%). В 2022 г. в рамках ускоренной индексации пенсий данное соотношение достигло уровня 67,2%. Таким образом, на протяжении 9 лет только три года были с тенденцией реального роста пенсий, а шесть лет характеризовались его падением, а средний размер страховой пенсии по старости по итогу 2022 г. не достигает показателя, рекомендованного Конвенцией МОТ.

Рис. 1. Динамика соотношения прожиточным минимумом пенсионера со средней страховой пенсией в России в 2013–2022 годах

Figure 1. Dynamics of the ratio of the subsistence minimum of a pensioner and the average insurance pension in Russia in 2013–2022.

Источник: составлен авторами на основе данных Росстата.— URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SP_2.3.docx (дата обращения: 23.04.2023).

Сложившееся положение обусловлено следующими факторами. С 2015 г. был изменён порядок расчёта пенсий: стал применяться ИПК (индивидуальный пенсионный коэффициент) или пенсионные баллы. Данная методология имеет ряд существенных недостатков, что подтверждается данными (рис. 2). Указанные проблемы связаны с тем, что, во-первых, не был определён порядок индексации стоимости пенсионного балла. Это привело к тому, что за период его использования наблюдаются существенные разрывы в соотношении с темпами роста оплаты труда (источник начислений пенсионных взносов). Исключением стал 2022 г., когда темпы роста ИПК были выше темпов

роста средней заработной платы. Во-вторых, динамика темпов роста ИПК не соответствовала динамике инфляции потребительских цен: до 2021 г. их динамика носила разнонаправленный характер. При этом соотношение ИПК со средней заработной платой начиная с 2015 по 2022 гг. постоянно уменьшалось, что свидетельствует о снижении основного расчётного показателя страховой пенсии по отношению к основному показателю уровня возмещения утраченного заработка².

² Консультант Плюс.— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43487/93ec715c37e828e4ed5ef6466122001b10ebd72; Росстат.— URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1_zpl_02-2023.xlsx (дата обращения: 24.05.2023).

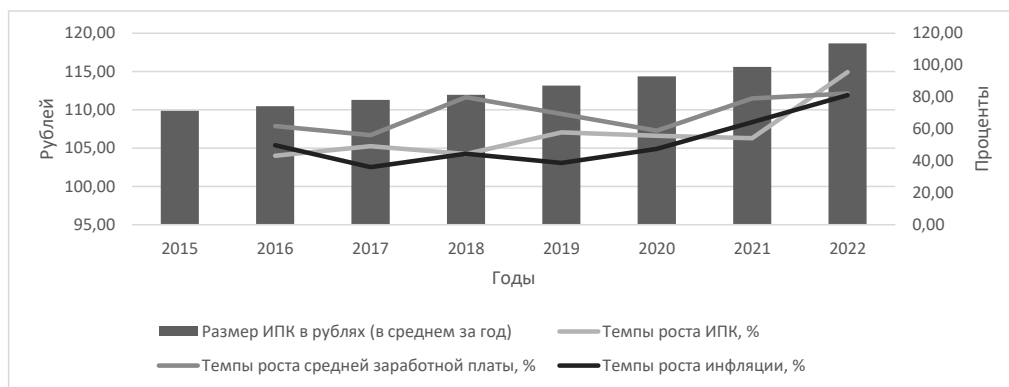

Рис. 2. Динамика основных показателей индексации страховой пенсии в России в 2015–2022 годах

Fig. 2. Dynamics of the main indexation indicators of the insurance pension in Russia in 2015–2022
 Источник: составлено авторами по данным Росстата – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1_zpl_02–2023.xlsx; Консультант Плюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43487/93ec715c37e828e4ed3ef6466122001b10ebd725/ (дата обращения: 23.05.2023)

При сохранении остальных параметров начисления пенсий (стаж, размер оплаты труда), граждане, выходящие на пенсию в новом периоде, оказываются в менее выгодном положении по отношению к тем, кто вышел на пенсию в более ранние периоды. По сути, это увеличивает риски роста бедности среди пенсионеров по старости. Из рис. 3 видно, что динамика реального прироста назначенных пенсий отстаёт от уровня номинального прироста, что вызвано как новой формулой расчёта пенсий, так и ком-

пенсационным характером механизма индексации, который предполагает «догоняющую» технологию. Пенсии индексируются по итогам года, то есть происходит индексация за предшествующий годовому период и с первого января нового финансового года до 31 декабря происходит постоянное снижение реального содержания пенсии, то есть сразу же после индексации покупательная способность начинает падать и это снижение тем выше и чувствительней, чем выше темпы роста потребительских цен.

Рис. 3. Динамика прироста номинального и реального уровня назначенных пенсий за 2015–2022 гг.

Fig. 3. Dynamics of growth in the nominal and real level of assigned pensions for 2015–2022
 Источник: составлен авторами по данным Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1_zpl_02–2023.xlsx (дата обращения: 24.05.2023).

Снижение в период 2013–2022 гг. уровня соотношения средней назначенной пенсии по отношению к средней заработной плате свидетельствует о том, что коэффициент замещения утраченного заработка снижается с 33,3% до 27,3%, что означает рост рисков относительного обеднения пенсионеров. Ещё одним косвенным показателем недостатков системы индексации страховых пенсий по старости является динамика соотношения социальных и страховых пенсий по старости. Например, рис. 4 демонстрирует снижение в период с 2015 по 2022 гг. соотношения среднего размера социаль-

ной пенсии и среднего размера начисленной после индексации социальной пенсии. За 8 лет этот показатель снизился с 65,2% в 2015 г. до 58,6% в 2023 г., то есть на 10,2%, хотя в 2023 г. это соотношение несколько изменилось. В связи с тем, что страховая пенсия имеет своей базой ПМ пенсионера, то фактически происходит постепенное выравнивание страховых пенсий и движение их в сторону ПМ. Это сокращает уровень дифференциации пенсионного обеспечения — с одной стороны, а с другой — ставит под сомнение саму страховую природу пенсионного обеспечения страховой пенсии.

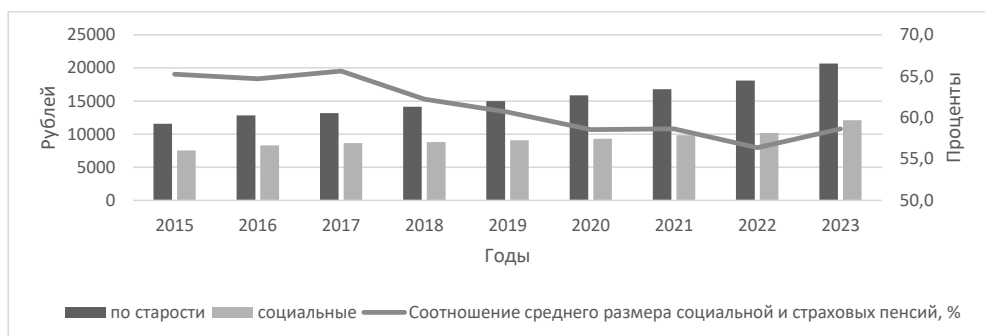

Рис. 4. Динамика размера и соотношения среднего уровня социальной пенсии и страховой пенсии по старости

Fig. 4. Dynamics of the ratio of the average level of social pension and the old-age insurance pension
 Источник: составлено авторами по данным Росстата.— URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13884> (дата обращения: 24.05.2023).

Этот фактор негативно влияет на заинтересованность граждан участвовать в пенсионном страховании и стимулирует соглашаться на неформальные отношения в трудовой сфере [8], что в свою очередь влечёт рост числа получателей социальной пенсии по старости. А значит формируются предпосылки для роста рисков бедности в старости. При этом получатели социальной пенсии из-за возраста менее востребованы на рынке труда, и компенсировать дефицит доходов им значительно труднее, чем пенсионерам, выходящим на пенсию при наличии достаточного трудового стаж на 5 лет раньше. В РФ начиная с 2001 г. происходит быстрый рост этой категории пенсионе-

ров. Это связано с отсутствием у граждан подтверждённого трудового стажа, необходимого для начисления страховой пенсии. Если в 2001 г. численность получателей социальной пенсии составляла 1479 тыс. человек, то в 2022 г.— 3361 тыс. человек, то есть увеличилась в 2,27 раза³. Данная тенденция продолжится в силу того, что действующим законодательством предусмотрен минимальный пороговый стаж для начисления страховой пенсии по старости в 15 лет начиная с 2024 года. В переходный период он составляет 13 лет для выходящих на пенсию в 2022 г. и 14 лет для выходящих на пенсию

³ Росстат.— URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13884> (дата обращения: 26.05.2023).

в 2023 году. При этом имеет значение не столько формальный стаж, а, в первую очередь, стаж с подтверждёнными страховыми отчислениями с заработной платы. При сохранении среднегодовых темпов роста получателей социальной пенсии их числен-

ность увеличится с текущих 3,2 млн человек до 6,5 млн человек или в 2 раза (рис. 5). Таким образом, снизится доля получателей страховых пенсий, а доля получателей социальной достигнет в общей численности пенсионеров по старости около 20%.

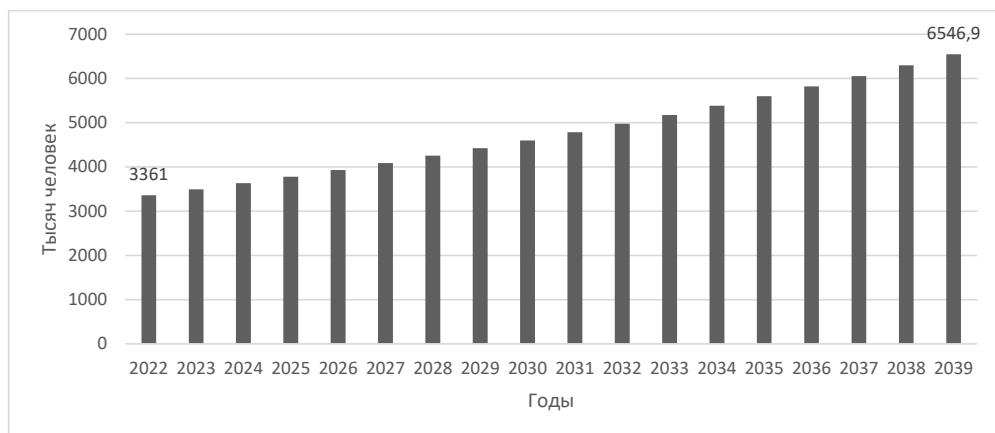

Рис. 5. Прогноз численности получателей социальной пенсии

Fig. 5. Forecast of the number of social pension recipients

Источник: составлено авторами по данным Росстата.— URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13884> (дата обращения: 26.04.2023).

Риски роста бедности при росте числа получателей социальной пенсии усугубляются ещё и тем фактом, что последовательность и периодичность индексации социальной пенсии отличаются не в лучшую сторону от порядка индексации страховой пенсии. Из рис. 6 видно, что причина такого явления заключается прежде всего в том, что индексация социальных пенсий происходила неравномерно, а в некоторые годы её уровень не соответствовал темпам инфляции, что снижало реальную покупательную способность данного вида пенсионного обеспечения и способствовало росту бедности данной категории граждан. В отличие от страховой пенсии по старости данный вид пенсионного обеспечения более чувствителен к росту цен, поскольку получатели социальной пенсии — это люди в более старом возрасте, чем обычные пенсионеры (социальная пенсия назначается на 5 лет позже, чем страховая), а значит они в меньшей сте-

пени могут компенсировать дефицит дохода за счёт трудовой деятельности. Кроме того, методология расчёта ПМ для нетрудоспособных граждан пенсионного возраста нечётко учитывает потребность, например, в расходах на медицину и лекарства.

Следует также обратить внимание на тот аспект, что в последние годы стала массово развиваться самозанятость. В соответствии с действующими законодательными нормами самозанятые не отчисляют со своих доходов взносы в Социальный фонд России, а значит теряют трудовой стаж. Этот фактор будет одним из главных, который окажет влияние на рост рисков формирования бедности среди граждан, достигших пенсионного возраста [8; 9]. По данным ФНС на начало 2019 г., самозанятых насчитывалось всего 40 тыс. человек⁴, но на начало 2020 г. — 563,7 тысяч, а на начало 2023 г. —

⁴ Интерфакс.— URL: <https://www.interfax.ru/russia/654158> (дата обращения: 26.05.2023).

Рис. 6. Динамика среднего размера социальной пенсии

Fig. 6. Dynamics of average social pension

Источник: составлено авторами по данным Росстата.— URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13884> (дата обращения: 26.05.2023).

уже 7,425 млн человек. То есть это уже более 10% от общей численности рабочей силы. В табл. 1 приведён прогноз уровня снижения страховой пенсии по старости в зависимости от числа «потерянных» лет стажа

из-за перехода работника из нормальных трудовых отношений в отношения неформальной занятости: самозанятость, теневая занятость.

Таблица 1

Прогноз снижения уровня пенсионного обеспечения при снижении трудового стажа (в месяцах)

Table 1

Forecast of a decrease in pension provision with a decrease in length of service (in months)

Число потерянных месяцев	Медианная заработная плата	Страховой стаж в месяцах	Размер страховой пенсии, рублей	Размер базовой пенсии, рублей	Расчётный размер страховой пенсии, рублей	% снижения страховой пенсии при потере стажа по отношению к пенсии при нормальном стаже
0	40347	366	10720,9	6401,1	17122,0	0
12	40347	354	10369,4	6401,1	16770,5	2,1
24	40347	342	10017,9	6401,1	16419,0	4,3
36	40347	330	9666,4	6401,1	16067,5	6,6
48	40347	318	9314,9	6401,1	15716,0	8,9
60	40347	306	8963,4	6401,1	15364,5	11,4
72	40347	294	8611,9	6401,1	15013,0	14,0
84	40347	282	8260,4	6401,1	14661,5	16,8
96	40347	270	7908,9	6401,1	14310,0	19,7
108	40347	258	7557,4	6401,1	13958,5	22,7
120	40347	246	7205,9	6401,1	13607,0	25,8
132	40347	234	6854,4	6401,1	13255,5	29,2

Источник: рассчитано авторами с использованием данных Росстата.

В приведённой в таблице прогнозной модели расчёт абсолютного размера страховой пенсии по старости производился при следующих условиях. Во-первых, в данной модели за базовую заработную плату принята медианная заработная плата. Данное допущение основано на том, что в соответствии с законом при расчёте пенсии исключается учёт уровня оплаты труда выше пороговых значений, то есть учёт пенсионных прав идёт не на основе всей зарплаты, а только её части. Это приближает нас к выбору медианного значения. Как показало моделирование, расчётный уровень оплаты труда при применении медианного значения имеет отклонение от данных Пенсионного фонда по средней заработной плате не более 4,1%. Во-вторых, страховой тариф отчислений в Пенсионный фонд остаётся на уровне 22%. В-третьих, расчёт размера пенсий произведён в неизменных ценах. В-четвёртых, средний базовый трудовой стаж для расчёта принят за 30,5 лет. Потеря 12 месяцев стажа при существующей формуле определения страховой пенсии означает её снижение на 2,1%. Снижение стажа на 120 месяцев (выпадение 10 лет) уменьшает страховую пен-

сию на 25,8%. Такое допущение исходит из того, что стаж будет оставаться в данных пределах в связи с ужесточением требований по минимальному страховому стажу, ростом дефицита кадров (что должно снижать риски безработного состояния); ростом возраста выхода на пенсию.

Потеря стажа, неурегулированность процедуры актуализации пенсий (страховых и социальных) в зависимости от роста оплаты труда и состояние самого рынка труда, который определяет базовые параметры пенсионной системы (уровень заработной платы, продолжительность официально оформленного трудового стажа, наличие неформальных отношений), все это отрицательно сказывается на размерах пенсий [10; 11]. Указанные причины, а также состояние самого рынка труда, который определяет базовые параметры пенсионной системы (уровень заработной платы, продолжительность официально оформленного трудового стажа, наличие неформальных отношений), отрицательно сказываются на размерах пенсий.

В настоящее время отмечается тенденция высокой степени зависимости страховых и социальных пенсий от федеральных

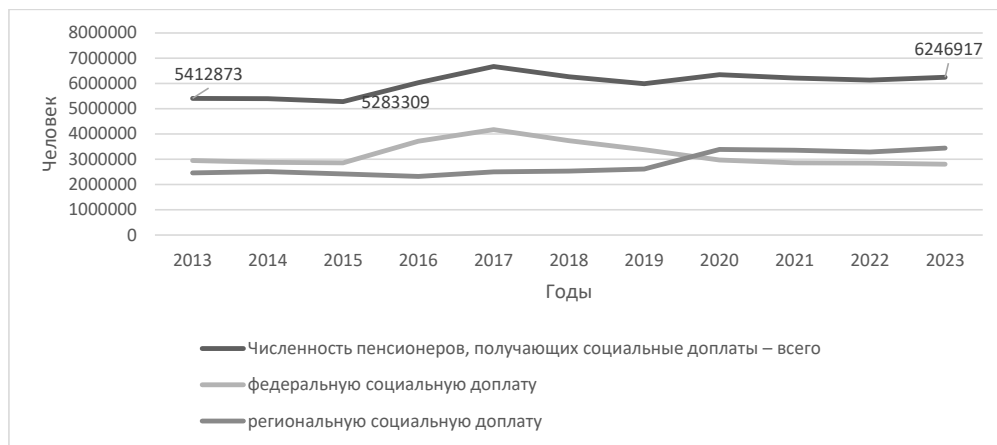

Рис. 7. Динамика численности граждан, получающих федеральную или региональную доплату к страховой или социальной пенсии для доведения их размера до прожиточного минимума пенсионера

Fig. 7. Dynamics of the number of persons receiving federal or regional supplements to insurance or social pensions to bring their size up to the pensioner's subsistence minimum

Источник: составлено авторами по данным Росстата.—URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SP_2.10.docx (дата обращения: 26.05.2023).

и региональных доплат (рис. 7). С 2015 по 2023 г. численность пенсионеров, получающих доплату, увеличилась на 963,6 тыс. человек. При этом увеличилось число пенсионеров, получающих региональную социальную доплату.

Таким образом, для предотвращения рисков роста бедности среди лиц старшего поколения необходимо решить несколько неотложных задач. Во-первых, необходимо изменить методологию индексации страховых пенсий. В данном направлении требуется принять прозрачные правила индексации ИПК. Например, осуществлять индексацию ИПК в соответствии со средней заработной платой, что остановит снижение коэффициента замещения и роста относительной бедности. Во-вторых, необходимо рассмотреть вопрос о введении системы промежуточной индексации пенсий в рамках финансового (календарного) года. Это позволит частично решить проблему снижения реальной покупательной способности пенсий в результате роста цен. Периодичность внутригодовой индексации пенсий должна зависеть от темпов роста индекса потребительских цен. Например, при превышении порогового значения в 4% за квартал или при превышении порогового значения 6% за полугодие. В-третьих, целесообразно вернуться к вопросу о методологии расчёта ПМ для лиц пенсионного возраста. Здесь необходимо рассмотреть целесообразность увеличения доли расходов на лекарства, обязательные платежи и сборы (которые распространяются и на пенсионеров), расходы на реабилитационные процедуры.

На материальное положение лиц пенсионного возраста оказывает влияние не только состояние пенсионной системы и размеры страховой или социальной пенсии, но и условия продолжения трудовой деятельности. Ниже рассмотрим тенденции в оплате труда лиц старшего поколения, которые могут демпфировать низкий размер начисленных пенсий.

Анализ уровня оплаты труда лиц, осуществляющих трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста, по трём возрастным группам (55–59 лет; 60–64 года;

65 лет и старше) свидетельствует о том, что в период 2015–2021 гг. уровень соотношения средней заработной платы во всех возрастных группах и рассматриваемой возрастной группы снижался. Возрастная дискриминация оказывала отрицательное влияние на уровень доходов от трудовой деятельности и на материальное положение старших возрастных групп. Так, для возрастной группы 55–59 лет соотношение заработной платы со средней заработной платой по экономике для мужчин в 2022 г. составляло 95,5%, для женщин — 75,5%. При этом необходимо иметь в виду, что в данный период мужчины ещё находились в трудоспособном возрасте, а женщины из него выбывали⁵.

Кроме того, мы видим очень серьёзный гендерный разрыв между мужчинами и женщинами. Женщины в большей степени подвергались «зарплатной дискриминации», их заработная плата после 55 лет уменьшалась на 25%. Таким образом, у женщин в пенсионном возрасте выше риск впасть в бедность, поскольку и начисленные пенсии у них, как правило, меньше и при сохранении занятости после выхода на пенсию, у них ниже шансы на сохранение прежних условий по уровню заработной платы. Для возрастной группы 60–64 года уровень дискриминации по оплате труда был ещё выше. Так, в 2022 г. соотношение заработной платы возрастной категории 60–64 года со средней заработной платой по экономике составляло 87,1% для мужчин и 71,9% для женщин. Прослеживается также постепенное сокращение уровня соотношения оплаты труда категории 65 лет и старше с 2015 по 2022 годы. При этом для мужчин это соотношение составляло 89% (что оказалось выше значений возрастной группы 60–64 года), а для женщин данный показатель был на уровне 70,2%.

Несмотря на рост дефицита кадров в России из-за демографических факторов, с 2021 г. мы наблюдаем снижение уровня участия в рабочей силе лиц старше трудоспособного возраста. Это в основном связано с тем, что изменение пенсионного возраста в сторону его повышения сократило (и эта тен-

⁵ Официальный сайт Росстата.—URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud3-1.xls> (дата обращения: 26.05.2023).

денция будет развиваться вплоть до 2028 г.) продолжительность трудового стажа граждан, которые осуществляют трудовую деятельность уже после выхода на пенсию.

Известно, что на продолжительность работы после выхода на пенсию оказывает огромное влияние состояние здоровья лиц старшего поколения. Эта ситуация

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России, лет

Table 2

Healthy life expectancy in Russia, ears

Год	Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении			Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в возрасте 60 лет		
	В целом	Мужчины	Женщины	В целом	Мужчины	Женщины
2019	64,2	60,7	67,5	15,03	12,77	16,66
2015	62,7	58,8	66,5	14,44	12,11	16,11
2010	60,5	56,2	64,9	13,37	10,98	15,15
2000	57,3	52,4	62,8	12,26	9,92	14,03

Источник: составлено авторами по данным ВОЗ.—URL: <https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/gho-ghe-hale-healthy-life-expectancy-at-birth> (дата обращения: 26.05.2023).

характеризуется показателем ожидаемой продолжительности здоровой жизни. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) это показатель для России был не очень высоким (табл. 2). Так, для мужчин в возрасте 60 лет данный показатель в 2019 г. (до пандемии) составлял 12,77 лет, а для женщин в возрасте 60 лет — 16,66 лет.

При анализе возможности продолжения трудовой деятельности необходимо также обратить внимание на данные опросов Росстата различных категорий пенсионеров (рис. 8). В целом по всем категориям происходило последовательное снижение процента, заявивших о продолжении работы после достижения пенсионного возраста. Однако в 2022 г. по сравнению с 2011 г. несколько выросла доля граждан, продолжавших трудовую деятельность и получающих пенсию по старости — с 18,8% до 22,4%. Отчасти это свидетельствует о необходимости работать для того, чтобы компенсировать резкий рост стоимости жизни из-за высокой инфляции в 2022 году. Тем не менее, общая ци-

фра говорит о том, что только чуть больше пятой части пенсионеров по старости используют данную опцию и могут улучшить своё материальное положение. Ситуация выглядит лучше для пенсионеров, которые выходят на пенсию ранее общеустановленных сроков.

Занятость лиц старших возрастов, которая обеспечивает компенсацию низкого уровня пенсий, в значительной степени зависит от структуры экономики и её потребности в рабочей силе. Традиционно считается, что более выгодное положение на рынке труда имеют граждане 60+, обладающие высоким уровнем образования, поскольку их деятельность не связана с тяжёлым физическим трудом. В России этот вопрос освещался, например, в работах В.Г. Доброхлеб, А.Л. Лукьяновой, Н.Т. Вишневецкой, С.А. Баркова, А.В. Маркеевой, И.В. Колодезниковой [12–15]. Как свидетельствуют результаты этих исследований, в основном спрос на таких работников сосредоточен в бюджетных отраслях, ЖКХ и торговле.

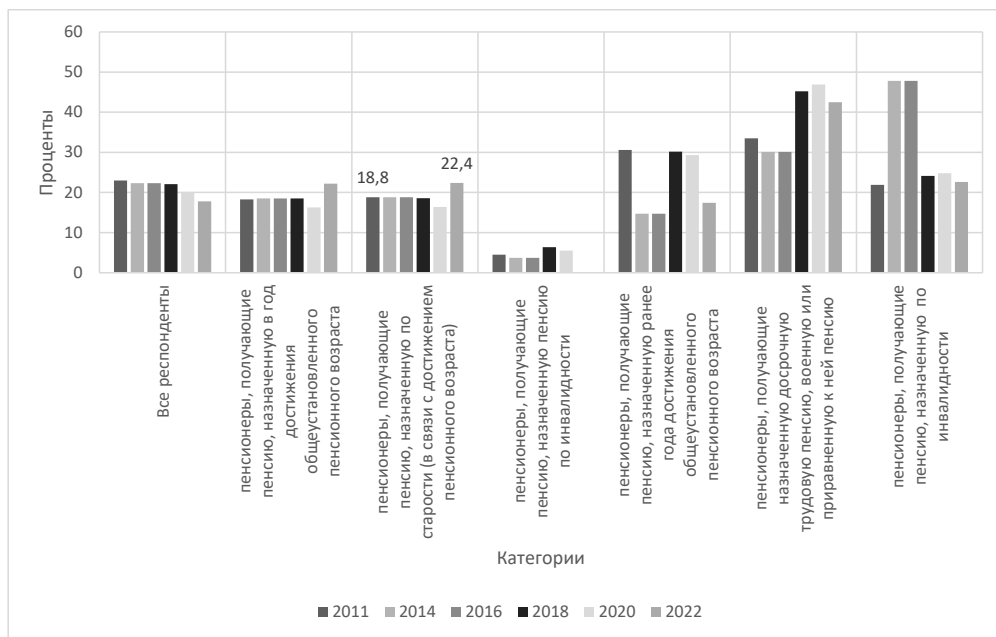

Рис. 8. Динамика занятости пенсионеров в период 2011–2022 гг. (в % от числа опрошенных)

Fig. 8. Dynamics of employment of pensioners in 2011–2022 (in % of the number of respondents)

Источник: Составлено по данным Росстата. — URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5.1_%2011–2022.xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5.1_%202011–2022.xlsx) (дата обращения: 24.05.2023).

Выводы

В российском законодательстве отсутствует целостная система индексации различных видов пенсий. Остаётся неурегулированным вопрос нормативного оформления порядка индексации размера индивидуального пенсионного коэффициента (ИПК), являющегося основой для расчёта страхового размера пенсий по старости. Это приводит к тому, что динамика размера пенсий по старости отстаёт от динамики роста зарплат, что в свою очередь приводит к постепенному снижению коэффициента замещения утраченного заработка и он опускается ниже стандарта, установленного МОТ (40%). Страховые пенсии по старости теряют связь с заработной платой и эволюционируют в сторону социальных пенсий.

Сохранение существующей системы индексации пенсионного обеспечения для граждан, получающих страховую и социальную пенсию по старости, будет стимулировать

постепенное снижение уровня дифференциации размеров пенсий, как среди получателей страховой пенсии, так и между получателями страховой и социальной. Это будет способствовать росту рисков бедности, особенно относительной. Для предотвращения этого необходимо принять методику индексации двух видов пенсии, которая бы учитывала: 1) сохранение пропорций между средней заработной платой и страховой пенсией; 2) имела бы опции по квартальной, полугодовой индексации в зависимости от уровня роста индекса потребительских цен для предотвращения падения доходов пенсионеров ниже реального прожиточного уровня.

Кроме того, необходимо пересмотреть методологию расчёта ПМ для нетрудоспособных граждан старших возрастов и применять при расчёте стоимости потребительской корзины нормы расходов на лекарства на основе анализа данных потребления домохозяйств, а также более чётко учитывать реальные налоговые платежи и сборы.

Литература и Интернет-источники

1. **Сафонов, А.Л.** Индексация пенсионных выплат: поиски баланса между инфляцией и изменением заработной платы в экономике. / А.Л. Сафонов, К.В. Угодников // *Финансы: теория и практика*. — 2022. — Т. 26. — № 1. — С. 156–168. DOI: 10.26794/2587–5671–2022–26–1–156–168; EDN: ZLVPKG
2. **Дорофеев, М.Л.** Направления совершенствования механизма индексации пенсий в условиях трансформации российской экономики / М.Л. Дорофеев // *Вестник университета*. — 2022. — № 9. — С. 110–119. EDN: GDCGOJ
3. **Сафонов, А.Л.** Формирование пенсионных прав граждан РФ в системе обязательного пенсионного страхования / А.Л. Сафонов, М.А. Анюшина, О.А. Дубровская // *Социально-трудовые исследования*. — 2021. — № 1(42). — С. 54–63. DOI: 10.34022/2658–3712–2021–42–1–54–63; EDN: BIFMGQ
4. **Воронин, Ю.В.** Понятие «социальный риск» в рамках двух базовых моделей социальной защиты: две (с половиной) социокультурные традиции, два экономических дискурса / Ю.В. Воронин, А.В. Столяров // *Социальное и пенсионное право* — 2022. — № 3. — С. 8–18. EDN: ZSTWSF
5. **Гринберг, Р.С.** Повышение пенсионного возраста в России, или как бюджетная мифология усугубляет социальное неблагополучие страны / Р.С. Гринберг, А.Л. Сафонов // *Журнал Новой экономической ассоциации*. — 2019. — № 2(42). — С. 167–176. DOI: 10.31737/2221–2264–2019–42–2–8; EDN: ZYCHBR
6. **Motegi, H.** Retirement and health investment behaviors: An international comparison / H. Motegi, Y. Nishimura, M. Oikawa // *Journal of the Economics of Ageing*. — 2020. — No. 17. — P. 100239. DOI: 10.1016/j.jeoa.2020.100239
7. **Yeh, M.** — J. Long-term care system in Taiwan: The 2017 major reform and its challenges / M. — J. Yeh // *Ageing & Society*. — 2020. — No. 40(6). — P. 1334–1351. DOI: 10.1017/S0144686X18001745
8. **Сафонов, А.Л.** Факторы финансовой несбалансированности обязательной системы пенсионного страхования: анализ российской практики / А.Л. Сафонов, Ю. В. Долженкова // *Финансы: теория и практика*. — 2020. — Т. 24. — № 6. — С. 108–122. DOI: 10.26794/2587–5671–2020–24–6–108–122; EDN: RCHPFH
9. **Васильева, Ю.В.** Участие самозанятых в пенсионных правоотношениях: проблемы и перспективы / Ю.В. Васильева, С.В. Шуралёва // *Социальное и пенсионное право*. — 2022. — № 3. — С. 19–24. EDN: XAQJNS
10. **Даниелян, В.А.** Приключения пенсионной реформы в России: где ошибки? / В.А. Даниелян, В.М. Полтерович // *Журнал Новой экономической ассоциации*. — 2019. — № 2(42). — С. 186–194. DOI: 10.31737/2221–2264–2019–42–2–10; EDN: RAVMEA
11. **Васильева, Ю.В.** Влияние демографических факторов и изменений в структуре занятости населения на российскую систему социального страхования / Ю.В. Васильева // *Ex jure*. — 2019. — № 4. — С. 105–115. EDN: QQQWFG
12. **Доброхлеб В.Г.** Занятость пожилых людей в России: причины и последствия / В.Г. Доброхлеб // *Миграция и социально-экономическое развитие*. 2017. — Т. 2. — № 2. — С. 79–90. DOI: 10.18334/migration.2.2.38479; EDN: ZUPSTJ
13. **Лукьянова, А.Л.** Отраслевая и профессиональная структура занятости российских работников предпенсионного и пенсионного возраста: препринт WP3/2019/04 / А.Л. Лукьянова, Р.И. Капелюшников; НИУ «Высшая школа экономики». — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 39 с.
14. **Вишневецкая, Н.Т.** Работники старших возрастов на рынке труда в странах ОЭСР / Н.Т. Вишневецкая // *Экономический журнал ВШЭ*. — 2017. — Т. 21. — № 4. — С. 680–701. EDN: YLBIXT
15. **Барков, С.А.** Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России / С.А. Барков, А.В. Маркеева, И.В. Колодезникова // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. — 2022. — Т. 22. — № 1. — С. 97–112. DOI: 10.22363/2313–2272–2022–22–1–97–112; EDN: GFOXAN

Сведения об авторах:

Сафонов Александр Львович, д.э.н., проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: alsafonov@fa.ru; ORCID: 0000-0003-0262-3968; РИНЦ AuthorID: 430544.

Долженкова Юлия Вениаминовна, д.э.н., проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: YVDolzhenkova@fa.ru; ORCID: 0000-0003-1949-4867; РИНЦ AuthorID: 710793.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.12

DYNAMICS OF INCOME OF PENSIONERS: ANALYSIS, PROBLEMS AND SOLUTIONS

Aleksandr L. Safonov*, **Yuliya V. Dolzhenkova**

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)*

**E-mail: ALSafonov@fa.ru*

Funding:

The research was carried out with funding for applied research work from the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2023.

For citation:

Safonov A. L., Dolzhenkova Yu. V. Dynamics of income of pensioners: analysis, problems and solutions. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 133-147. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.12 (in Russ.)

Abstract. *Currently there is an increasing number of older people in Russia, primarily pensioners. It appears that the mentioned trend will proceed for a long period of time. So, the issue of ensuring high living standards for this group of the population is acute. However, the present trends in the work remuneration of persons in pre-retirement age, spread on informal employment, and hence, precarization of labor relations, as well as the challenges in pension and tax legislation result in a complex and contradictory situation in the formation of monetary income of pensioners. The present article is devoted to the analysis and forecasting of the basic trends in the financial situation of persons over the able-bodied age. The average size of the insurance old-age pension in the end of 2022 did not achieve the amount recommended by the ILO Convention 102, and the social pension was even lower. In addition, the later retirement often leads to poverty, as it is impossible for the aged to get pensions, on the one hand, and on the other hand, to get a job due to the existing age discrimination and their reduced physical ability to work. The article analyses the factors that have a direct on the size dynamics of insurance and social old-age pensions. At the same time, insurance pensions have the economic nature of deferred wages, i.e. they are formed directly by pensioners themselves. It also analyzes possible ways of compensation for pensioners' low incomes through continuing work activity.*

Keywords: *pension benefits, pensioners' income level of pensioners, insurance old-age pension, social pension, life expectancy, length of service, poverty risks.*

References and Internet sources

1. Safonov A. L., Ugodnikov K. V. Indeksatsiya pensionnykh vyplat: poiski balansa mezhdru inflyatsiyey i izmeneniyem zarabotnoy platy v ekonomike [Indexation of pension payments: finding a balance between inflation and wage changes in the economy]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. 2022. Vol. 26. No. 1. P. 156–168. DOI: 10.26794/2587–5671–2022–26–1–156–168. (in Russ.)
2. Dorofeyev M. L. Napravleniya sovershenstvovaniya mekhanizma indeksatsii pensiy v usloviyakh transformatsii rossiyskoy ekonomiki [Directions for improving the pension indexations mechanism in the context of Russian economy's transformation]. *Vestnik universiteta [Herald of University]*. 2022. No. 9. P. 110–119. (in Russ.)
3. Safonov A. L., Anyushina M. A., Dubrovskaya O. A. Formirovaniye pensionnykh prav grazhdan RF v sisteme obyazatel'nogo pensionnogo strakhovaniya [Formation of pension rights of the citizens of the Russian Federation in the system of compulsory pension insurance]. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]*. 2021. No. 1(42). P. 54–63. (in Russ.)
4. Voronin Yu. V., Stolyarov A. V. Ponyatiye «sotsial'nyy risk» v ramkakh dvukh bazovykh modeley sotsial'noy zashchity: dve (s polovinoy) sotsiokul'turnyye traditsii, dva ekonomicheskikh diskursa [The social risk concept of within the framework of two basic social protection models: two (and a half) sociocultural traditions, two economic discourses]. *Sotsial'noye i pensionnoye pravo [Social and Pension Law]*. 2022. No. 3. P. 8–18. (in Russ.)
5. Grinberg R. S., Safonov A. L. Povysheniye pensionnogo vozrasta v Rossii, ili kak byudzhetnaya mifologiya usugublyayet sotsial'noye neblagopoluchiye strany [Raising the retirement age in Russia, or how budget mythology exacerbates the social disadvantages of the country]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*. 2019. No. 2(42). P. 167–176. DOI: 10.31737/2221–2264–2019–42–2–8. (in Russ.)
6. Motegi H., Nishimura Y., Oikawa M. Retirement and health investment behaviors: An international comparison. *Journal of the Economics of Ageing*. 2020. No. 17. P. 100239. DOI: 10.1016/j.jeoa.2020.100239
7. Yeh M.—J. Long-term care system in Taiwan: The 2017 major reform and its challenges. *Ageing & Society*. 2020. No. 40(6). P. 1334–1351. 10.1017/S0144686X18001745. DOI: 10.1017/S0144686X18001745
8. Safonov A. L., Dolzhenkova Yu. V. Faktory finansovoy nesbalansirovannosti obyazatel'noy sistemy pensionnogo strakhovaniya: analiz rossiyskoy praktiki [Factors of financial imbalance in the compulsory pension insurance system: the case of Russia]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. 2020. Vol. 24. No. 6. P. 108–122. DOI: 10.26794/2587–5671–2020–24–6–108–122 (in Russ.)
9. Vasilyeva Yu. V., Shuraleva S. V. Uchastiye samozanyatykh v pensionnykh pravootnosheniyakh: problemy i perspektivy [The involvement of self-employed individuals in pension relations: problems and prospects]. *Sotsial'noye i pensionnoye pravo [Social and Pension Law]*. 2022. No. 3. P. 19–24. (in Russ.)
10. Danielyan V. A., Polterovich V. M. Priklucheniya pensionnoy reformy v Rossii: gde oshibki? [The adventures of pension reform in Russia: where are the mistakes?] *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*. 2019. No. 2(42). P. 186–194. DOI: 10.31737/2221–2264–2019–42–2–10 (in Russ.)
11. Vasilyeva Yu. V. Vliyaniye demograficheskikh faktorov i izmeneniy v strukture zanyatosti naseleniya na rossiyskuyu sistemu sotsial'nogo strakhovaniya [The impact of demographic factors and changes in the structure of employment on the Russian social insurance system]. *Ex Jure*. 2019. No. 4. P. 105–115. (in Russ.)

12. Dobrokhleb V.G. Zanyatost' pozhilykh lyudey v Rossii: prichiny i posledstviya [Employment of elderly people in Russia: causes and consequences]. Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye [Migration and Socio-Economic Development] Vol. 2. No. 2. April-June 2017. P. 79–90. DOI: 10.18334/migration.2.2.38479 (in Russ.)
13. Lukyanova A.L., Kapelyushnikov R.I. Otraselevaya i professional'naya struktura zanyatosti rossiyskikh rabotnikov predpensionnogo i pensionnogo vozrasta [Industry and Professional Structure of Employment of Russian Workers of Pre-Retirement and Retirement Age]. WP3 preprint/2019/04. Moscow. Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki [Higher School of Economics]. 2019. 39 p. (in Russ.)
14. Vishnevskaya N. T. Rabotniki starshikh vozrastov na rynke truda v stranakh OESR [Older workers in the OECD labor market]. Ekonomicheskii zhurnal VShE [HSE Economic Journal]. 2017. Vol. 21. No. 4. P. 680–701. (in Russ.)
15. Barkov S. A., Markeeva A. V., Kolodeznikova I. V. Trudoustroystvo lyudey v pozhilom vozraste: sotsial'nyye imperativy i ogranicheniya v sovremennoy Rossii [Employment of the elderly: social imperatives and barriers in contemporary Russia]. Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [RUDN. Journal of Sociology]. 2022 Vol. 22 No. 1. P. 97–112. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-97-112 (in Russ.)

Information about the authors:

Safonov Aleksandr Lvovich, Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: alsafonov@fa.ru; ORCID: 0000-0003-0262-3968; Elibrary AuthorID: 430544.

Dolzhenkova Yuliya Veniaminovna, Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: YVDolzhenkova@fa.ru; ORCID: 0000-0003-1949-4867; Elibrary AuthorID: 710793.

Статья поступила в редакцию 09.07.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.13
EDN: YVWOQL

ДЕТЕРМИНАНТЫ ФИНАНСОВОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Гамукин В. В.

Тюменский государственный университет
(625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6)

E-mail: valgam@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20–410–720008.

Для цитирования:

Гамукин В. В. Детерминанты финансового благосостояния населения Тюменской области // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 148–162. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.13; EDN: YVWOQL

Аннотация. Высокая дифференциация уровня жизни в границах сложноустроенного субъекта РФ актуализирует проблематику исследования детерминант финансового благосостояния населения. В статье проведён анализ четырёх групп данных по Тюменской области с входящими в её состав автономными округами за период 2013–2021 гг., включая: среднедушевые денежные доходы населения; структурные показатели баланса денежных доходов и расходов населения; объем вкладов и других привлечённых средства физических лиц (без учёта счетов эскроу); объем задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам. Используются методы сопоставления, построения диаграмм рассеяния, определения трендов. В итоге выявлен ряд детерминант финансового благосостояния. У населения автономных округов преобладает стремление к накоплению сбережений в виде наличных денежных средств (к 2021 г. сумма достигла 393 млрд рублей). Устойчивый дефицит сбережений в виде наличных денег на Юге Тюменской области (–164 млрд рублей) покрывается избытком, образующимся в округах. Во всех трёх субъектах РФ происходит значительное снижение соотношения объёма вкладов населения относительно объёма задолженности по кредитам, что соответствует общероссийскому тренду. Благосостояние населения Юга Тюменской области следует рассматривать с учётом эффекта показательного потребления, обусловленного дифференциацией доходов приезжего и местного населения, а также различий поведенческих моделей, которые заключаются в более высокой расточительности у приезжих. Предложена возможность использования полученных результатов в рамках математического и нейросетевого моделирования процесса динамики благосостояния населения Тюменской области.

Ключевые слова: благосостояние населения, сложноустроенный субъект РФ, среднедушевой денежный доход, потребительские расходы, вклады населения.

Постановка проблемы

Принимая во внимание многокомпонентность механизма роста благосостояния населения [1, с. 150], необходимо сформулировать ряд особенностей, влияющих на оценку благосостояния с учётом внутрирегиональных различий, и уточнить детерминанты благосостояния, в первую очередь, опирающиеся на верифицируемые финансовые параметры. Это обусловлено тем, что личное благополучие напрямую связано с финансовым благополучием, которое не только обеспечивает уровень жизни, но и даёт возможность справиться с финансовыми угрозами [2]. В работе [3, с. 41] уровень благосостояния предлагается измерять через два показателя — материальную обеспеченность, определяемую через субъективную оценку, и размер заработной платы. Из 9 наиболее значимых жизненных целей россиян [4, с. 9] 6 предполагают наличие соответствующих источников финансирования. В совокупности ¾ опрошенных ставят перед собой материальные цели, что позволяет характеризовать социальный облик общества через выраженную тенденцию к утилитаризму в целеполагании с наращиванием потребления [5, с. 210]. Это привлекает внимание к категории доходов населения, как к фактору его благосостояния [6, с. 28–29].

При этом надо учитывать следующее дуалистическое ограничение: 1) категория «благосостояние населения» имеет выраженный экономический смысл, при том, что мера благосостояния условна из-за различий в восприятии отдельными индивидуумами своего материального и нематериального положения. Однако не вызывает сомнения, что экономика с относительно более высоким уровнем благосостояния населения имеет больше шансов на стабильное развитие. Вместе с тем, сохраняется проблема измерения этого уровня благосостояния, требующего расширения спектра показателей¹, приводящего к усреднению результи-

рующего итога; 2) эта категория базируется на экономических параметрах, включая: размер ВВП на душу населения; величину среднедушевого денежного дохода населения; обеспеченность инфраструктурой (дороги, связь, транспорт); доступность социальных услуг (здравоохранение, образование и прочие), финансируемых за счёт бюджетных средств; и так далее.

Население само вносит самый значимый вклад в собственное благосостояние, активизируя свою трудовую (предпринимательскую) активность, а также проявляя склонность к сберегательному поведению. При этом остаётся дискуссионным вопрос соотношения благосостояния и мотивации человека к активным экономическим действиям. Предполагается, что на стадии формирования базового уровня благосостояния (начало трудовой деятельности) его активность должна быть выше в силу необходимости получения финансовых ресурсов для удовлетворения потребностей². Далее, по мере роста благосостояния и насыщения потребностей, активность снижается, чему способствует и естественный ход человеческой жизни, приводящий к старению организма. В завершающей стадии жизни активность человека в достижении своего благосостояния дополнительно тормозится под воздействием пересмотра ценности потребляемых благ, когда набор компонентов благосостояния смещается³ в направлении нематериальных благ (общение, принадлежность к конфессии, хобби, чтение, забот-

во-вторых, наличие домашнего животного делает человека счастливее [7]. На другом конце диапазона показателей можно предложить обязательное наличие централизованных финансовых фондов государства, формально созданных для целей обеспечения благосостояния (например, «Фонд национального благосостояния России»), но в целом мало связанных с уровнем благосостояния отдельных граждан страны. Кроме этого, в работе [8, с. 681] предлагается учитывать наличие пространства для личностного развития, творчества, свободы в выборе жизненного пути и образа жизни.

² В работе [9] показана динамика между различными аспектами эмпирического благополучия в сиюминутном контексте повседневной жизни.

³ Оценка субъективного качества жизни корреспондирует с психологическим пониманием феномена, который психологи называют «экзистенциальной исполненностью», отражающей оценку человеком качества своей жизни, соответствия того, что он делает, собственным установкам и системе ценностей [8, с. 682].

¹ Например, можно включить в расчёт индекса благосостояния такой показатель, как плотность содержания домашних животных, т.к., во-первых, это могут позволить себе люди с определённым материальным достатком,

та о младших членах семьи). Это позволяет сформулировать гипотезу об отрицательном влиянии роста благосостояния населения на его экономическую активность.

В условиях сложноустроенного субъекта РФ⁴ важно учитывать явление, которое мы называем «транзитивность благосостояния населения», когда происходит демонстрация повышенного уровня обеспеченности населения финансовыми ресурсами за счёт притока денежных средств извне. Это наблюдается в случае с Тюменской областью без АО (далее ТО), в которой относительно высокий уровень благосостояния обусловлен поступлением финансовых ресурсов от населения Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (ХМАО) и Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО). Особенность географического положения этого большого региона заключается в транспортной сети, когда ключевые транспортные пути (дороги железная Надым-Тюмень и автомобильная Салехард-Сургут-Тюмень) проходят через город Тюмень⁵. При этом наличие локальных путей (железнодорожных Междуреченский-Тавда, Приобье-Серов и Лабытнанги-Чум, автомобильных Югорск-Ивдель и другие) не играют столь существенной роли, т.к. в основном связывают с внешним миром небольшие анклавы проживания населения. Благодаря этой сложившейся транспортной схеме Тюмень, будучи конечной или транзитной точкой назначения, становится местом оседания денежных средств приезжих из АО (обучающейся в Тюмени молодежи,

участников программ переселения, вахтовых рабочих и др.).

Усложняется исследование благосостояния населения тем, что его уровень используется для демонстрации качества жизни в разнообразных рейтингах. Ограниченность рейтингов регионов⁶ по параметрам, призванным отразить реальный или желаемый уровень жизни населения, усугубляется фактором расслоения общества при усреднённости оценки. Многие известные индексы: CCI (доверия потребителей); HRQOL (субъективного состояния здоровья населения); WHOQOL (World Health Organization Quality of Life), HDI (человеческого развития) [13, с. 36], и другие имеют такой недостаток.

Попытка его обойти предпринимается в рамках цифровизации, когда в расчёт может приниматься почти неограниченная масса показателей, генерируемых в рамках сетевого взаимодействия людей. Но, как справедливо отмечено в работе [14, с. 217], существует ряд методологических трудностей использования больших данных в измерении благосостояния людей и прогнозировании финансовых показателей из-за несопоставимости этих данных с официальной статистикой вследствие применения разных методологий и классификаций. Современные цифровые технологии, приведшие к формированию и развитию сетевого общества, дают человеку новые возможности для роста производительности труда, что в теории должно способствовать росту его благосостояния. Однако, как показано в работе [15, с. 30], парадокс состоит в том,

⁴ Ряд исследователей проблем благосостояния населения не уделяет внимания специфике сложноустроенных субъектов РФ. Так, в работе [10] проведены измерения конфессиональной структуры населения регионов в аспекте бюджетного финансирования социальных расходов, но автономные округа Тюменской области не учтены как самостоятельные субъекты РФ, что сделало результаты менее достоверными, принимая во внимание значительную разницу в объёмах бюджетного финансирования. В работе [11] предпринята попытка выявления связей нормального и избыточного неравенства населения с экономическим развитием, но Тюменская область и здесь показана с входящими в её состав автономными округами.

⁵ Во-многом это похоже на рассмотренный в работе [12, с. 64] пример с Хабаровским краем, который занимает центральное место в диспозиции дальневосточных регионов, как узловая станция магистральных автомобильных и железнодорожных дорог, как точка пересечения движения основных факторов производства в дальневосточном экономическом пространстве.

⁶ Примером такой ограниченности являются расчёты рейтинга регионов России по качеству жизни населения за период 2010–2017 гг. [1, с. 156–157]. Во-первых, показатели Тюменской области и в этом случае указаны с учётом автономных округов, что существенно искажает общую картину и не даёт возможности продемонстрировать внутрирегиональные отличия. Во-вторых, набор из 33 показателей показал, что Тюменская область в данный период находилась в пределах 47–58 места, а, например, Томская область имела значительно более высокий ранг (4–8 места). Но при этом следует подчеркнуть, что население Тюменской области увеличилось за этот период на 7% (или на 264 тыс. человек), а Томской только на 3% (или на 31,5 тыс. человек). Население города Тюмени с 2010 г. до 2021 г. увеличилось на 45%, а население города Томска – только на 6%. Другими словами, население без рейтингов определяет, где ему лучше, запуская механизмы естественного и миграционного прироста.

что технологические трансформации часто оборачивались для большинства граждан повышенными рисками снижения уровня благосостояния. Кроме того, с быстрым развитием цифровизации социальное взаимодействие становится более частым и сложным, а проблема финансовой неустойчивости домохозяйств — более заметной [16].

Методика исследования

Исследование отдельных факторов благосостояния населения предполагает: 1) универсальность применения; 2) измеряемость и сопоставимость, с учётом межрегиональных (внутрирегиональных) различий; 3) наличие верифицированных первичных данных с пространственными временными горизонтами; 4) применение в моделях, которые строятся в целях управления региональными социально-экономическими системами. В расчётах мы использовали 4 группы данных за период 2013–2021 гг. с отдельными дополнениями до апреля 2023 г., а именно: 1) среднедушевые денежные доходы населения; 2) структурные показатели баланса денежных доходов и расходов населения; 3) объём вкладов и других привлечённых средства физических лиц (без учёта счетов эскроу); 4) объём задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам. Первые две группы данных являются традиционными для исследования благосостояния населения, включение же показателей по вкладам и кредитам объясняется следующими соображениями.

Формирование сберегательного поведения происходит при достижении соответствующего уровня благосостояния. Другими словами, человек начинает откладывать часть своего дохода в случае, когда его размер достаточен для удовлетворения его текущих потребностей. Здесь мы видим уравнение с несколькими неизвестными. Во-первых, уровень потребностей не очевиден и имеет выраженный субъективный характер. Во-вторых, отсутствуют научно-обоснованные нормативы таких «отложений». В-третьих, размер отложенных средств не равен размеру отказа от текущего потреб-

ления из-за фактора изменения стоимости денег во времени (траты сегодня будут дешевле трат в будущем). В-четвертых, нужно принимать во внимание темп прироста сберегаемых средств за счёт самоограничения самого человека и темп прироста за счёт временного отказа от их использования.

Сберегательное поведение находит своё отражение в комбинации с кредитным поведением. Здесь мы наблюдаем относительное снижение благосостояния у субъекта, который обременил своё финансовое положение необходимостью выплаты процентов за пользование кредитом. В этой случае рост закредитованности населения необходимо трактовать, как фактор снижения его благосостояния. Выплата процентов (особенно в случае долгосрочного ипотечного кредитования) резко ограничивает финансовые возможности заёмщика в течение нескольких лет расширять объёмы своего текущего потребления, а зачатую приводит к вынужденному сокращению этого объёма, что негативно сказывается на самооценке своего благосостояния. Анализ эмпирических данных проведён с использованием методов сопоставления, построения диаграмм рассеяния, определения трендов.

Результаты

Статус сложноустроенного субъекта РФ создаёт специфическую форму восприятия населением своей территориальной общности, под которой следует понимать пространственно локализованную совокупность людей, объединяемую системой социальных, экономических, экологических, политических, духовных и других связей, характеризующуюся единством отношений к территории проживания [17, с. 75]. Фактор финансового благосостояния скорее разделяет, чем объединяет эту общность.

Показатели среднедушевого денежного дохода в России в целом (рис. 1) демонстрируют устойчивое сокращение доли низкодходных групп населения (до 19 тыс. рублей) при росте групп с доходами более 27 тыс. рублей. При этом доля населения с доходами 19–27 тыс. рублей (отмечено кругом)

оставалась практически неизменной в течение 10 лет. Этот феномен стагнации определённой доли (точка стагнации) может объясняться мерами государства по повышению минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума, но косвенно свидетельствует о признании такого дохода приемлемым. Можно считать, что население России в целом плавно и относи-

тельно равномерно двигалось к более высоким среднемудушевым доходам. Показатели ТО практически полностью повторяют общероссийскую ситуацию: здесь совпадает как тенденция по сокращению низкодоходных групп населения, так и рост доли более высокодоходных, а также позиция точки стагнации.

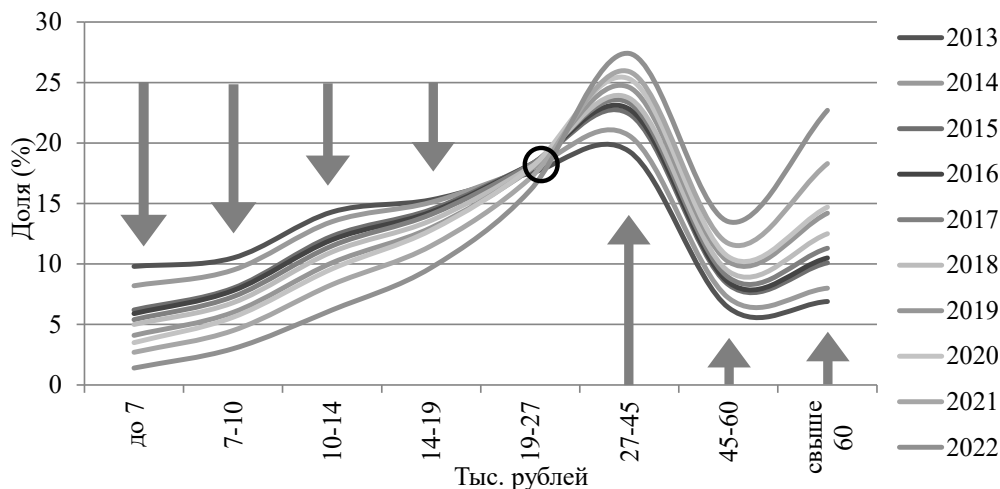

Рис. 1. Распределение населения России по величине среднемудушевых денежных доходов в 2013–2022 годах

Fig. 1. Distribution of the Russian population by average per capita cash income in 2013–2022
 Источник: здесь и рис. 2–3. Распределение населения по величине среднемудушевых денежных доходов. // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 03.05.2023).

В тоже время, показатели ХМАО существенно отличаются как по размерам дохода, так и по пропорциональности распределения на группы (рис. 2). Здесь тенденция сокращения доли низкодоходных групп населения не так значительна из-за стартовых низких показателей. При этом наблюдается существенный рост группы с доходами выше 60 тыс. рублей (более чем в 2 раза). Точка стагнации есть и здесь, но она находится в группе с доходами 27–45 тыс. рублей.

Показатели ЯНАО ещё сильнее отличаются от общероссийских (рис. 3). Здесь есть значительная концентрация населения в группе с доходами свыше 60 тыс. рублей (более 60%). Точка стагнации закрепились в диапазоне дохода 45–60 тыс. рублей.

Помимо различий в динамике изменения соотношений групп населения по размеру среднемудушевых денежных доходов в анализируемых 3-х субъектах РФ существенно различаются сами эти размеры (рис. 4). В ТО фиксируются наиболее скромные показатели. Среднемудушевые денежные доходы в ХМАО значительно выше, но и они существенно уступают аналогичным показателям ЯНАО. Несмотря на сезонные колебания, во всех регионах наблюдается устойчивый рост, что подтверждается высокими величинами достоверности аппроксимации экспоненциальных трендов.

Размер среднемудушевых денежных доходов ТО только в 2022 г. превысил величину, которая была в ХМАО ещё в 2013 г.

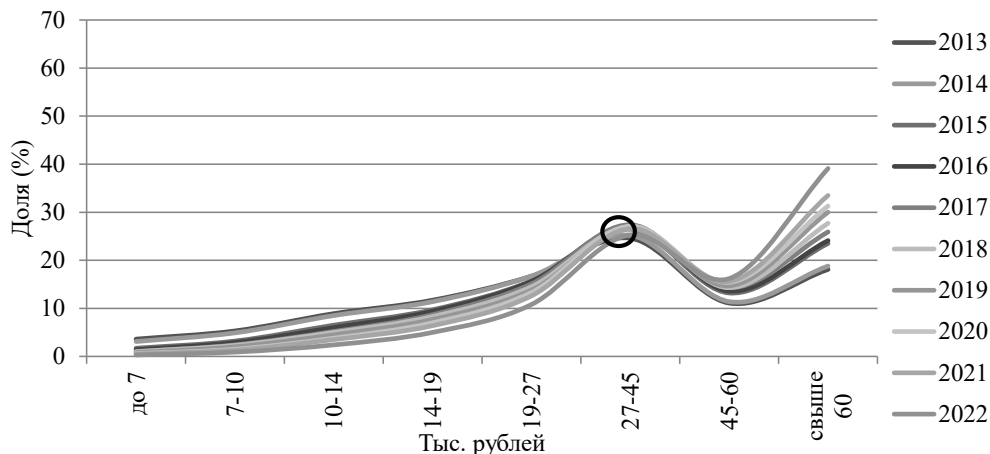

Рис. 2. Распределение населения ХМАО по величине среднедушевых денежных доходов в 2013–2022 годах

Fig. 2. Distribution of the KhMAD population by the average per capita cash income in 2013–2022

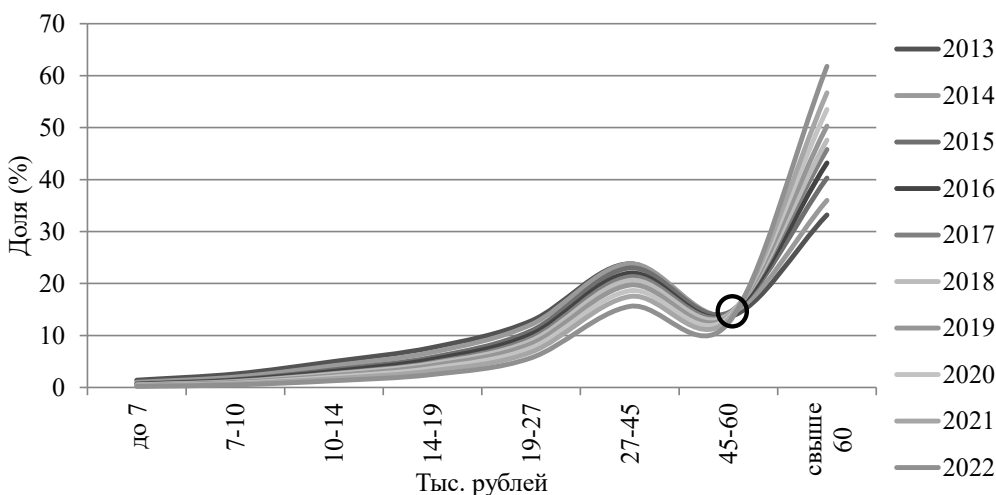

Рис. 3. Распределение населения ЯНАО по величине среднедушевых денежных доходов в 2013–2022 годах

Fig. 3. Distribution of the YaNAD population by the average per capita cash income in 2013–2022

(40,1 vs 36,3). В свою очередь, показатель ХМАО превысил аналогичный показатель ЯНАО (63,1 vs 58,7). Принимая во внимание, что показатель ЯНАО к этому времени составил уже более 120 тыс. рублей дости-

жение такого уровня финансового благосостояния для населения двух других субъектов произойдёт не скоро. Дело здесь не только в дифференциации размеров оплаты труда, обусловленной наличием район-

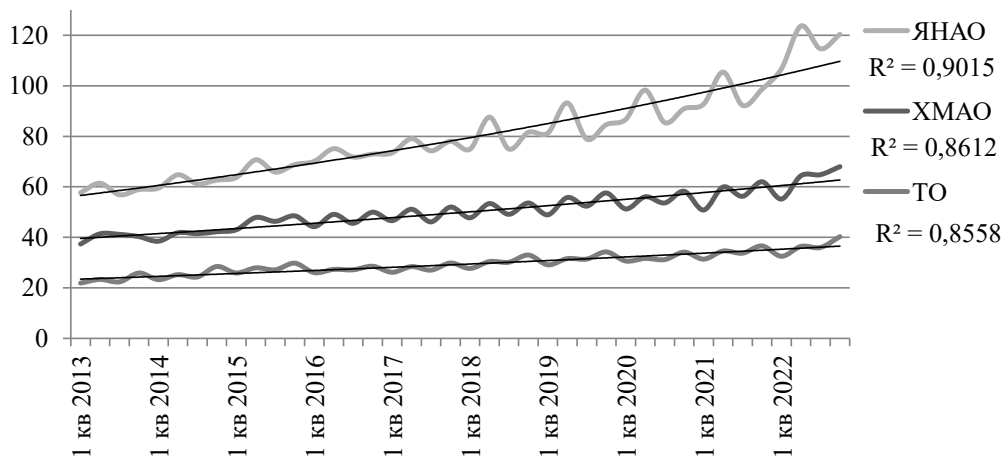

Рис. 4. Среднедушевые денежные доходы населения по анализируемым субъектам РФ (тыс. рублей в месяц)

Fig. 4. Average per capita income of the population for the analyzed subjects of the Russian Federation (thousand rubles in month)

Источник: Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам РФ. // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 05.05.2023).

ного коэффициента и северной надбавки, но и в размерах бюджетного финансирования, которое не только приводит к значительному притоку в регионы Севера трудовых ресурсов, но и положительно сказывается на изменении благосостояния домохозяйств [18, с. 627].

Рассмотрение детерминант финансового благосостояния населения не будет полным без учёта структурных параметров расходов. Для этого мы используем 2 индекса, рассчитанные на основе баланса денежных доходов, расходов и сбережений населения за период 2013-2021 гг.: индекс монетизации сбережений (формула 1) и индекс потребительского поведения (формула 2):

$$I_m = \frac{\Delta M}{D - F}, \quad (1)$$

где ΔM - прирост (уменьшение) наличных денег у населения; D - всего денежных доходов населения; F - обязательные платежи и разнообразные взносы населения;

$$I_p = \frac{R}{D - F}, \quad (2)$$

где R - потребительские расходы населения. Сопоставление обоих индексов по регионам и России в целом продемонстрировано на рис. 5, где I_m отображён по оси X, а I_p - по оси Y.

В случае ХМАО наблюдается изменение величины I_m при том, что параметры I_p оставались практически неизменными. Это соответствует общероссийской тенденции. В целом потребительское поведение населения этого округа можно характеризовать, как консервативное, но в тоже время у него преобладает стремление к накоплению сбережений в виде наличных денежных средств. В данном случае монетизация сбережений может считаться детерминантой финансового благосостояния жителей округа.

Ситуация в ЯНАО отличается, так как прирост I_m здесь сопровождался устойчивым снижением I_p , что сказалось на относительно высокой величине достоверности аппроксимации линейного тренда. В этом случае потребительское поведение населения округа тормозилось при стабильном увеличении доли наличных денег в сбережениях. Мы объясняем это фактором насы-

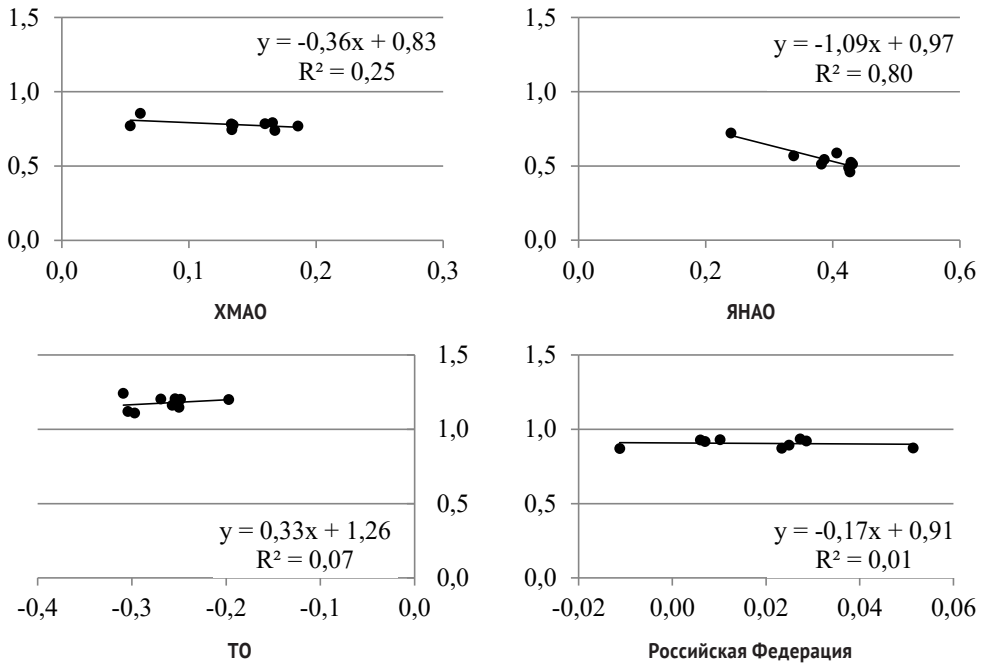

Рис. 5. Сопоставление индексов I_m и I_p за период 2013–2021 годов

Fig. 5. Comparison of I_m and I_p indices for the period of 2013–2021

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

щения потребительского спроса при стагнации численности населения округа. Другим словами, населению просто не на что тратить свои высокие среднедушевые доходы, и оно вынуждено накапливать избыток денежных средств. Используя утверждение, сделанное в работе [19, с. 75] о том, что высокий уровень потребительских расходов сигнализирует о низком уровне финансового благополучия, мы можем считать, что в данном округе данный уровень растёт. Но это не объясняет выбор населением именно наличной формы сбережений.

Наконец, ситуация в ТО, пусть и похожая в целом на общероссийскую, имеет от неё существенное отличие. Здесь стабильное потребительское поведение сопровождалось не менее стабильным уменьшением сбережений в наличной денежной форме. Население ТО существует в условиях постоянной потребности в поступлении денежных средств извне. Существуя в рамках

сложноустроенного субъекта РФ, ТО выступает реципиентом наличных денег наряду с донорскими способностями АО (табл. 1). Более того, даже наличие стабильно отрицательных показателей ТО не помешало жителям всей Тюменской области обеспечить в 2019 г. почти 70% общероссийского прироста наличных денег в сбережениях. Если принимать в расчёт только показатели АО, то их доля в 2019 г. даже превысила общероссийский показатель (106,9%).

Противоположные тенденции с приростом (уменьшением) наличных денег у населения в АО и ТО, тем не менее, складываются в одну целостную картину (рис. 6).

Несмотря на имеющиеся флуктуации показателей в каждом отдельном случае, общий линейный тренд с предельно высокой достоверностью (0,97) пропорционально «пронизывает» все три региона, подтверждая наличие обоснованных причин их совместного существования и взаимной адап-

Таблица 1

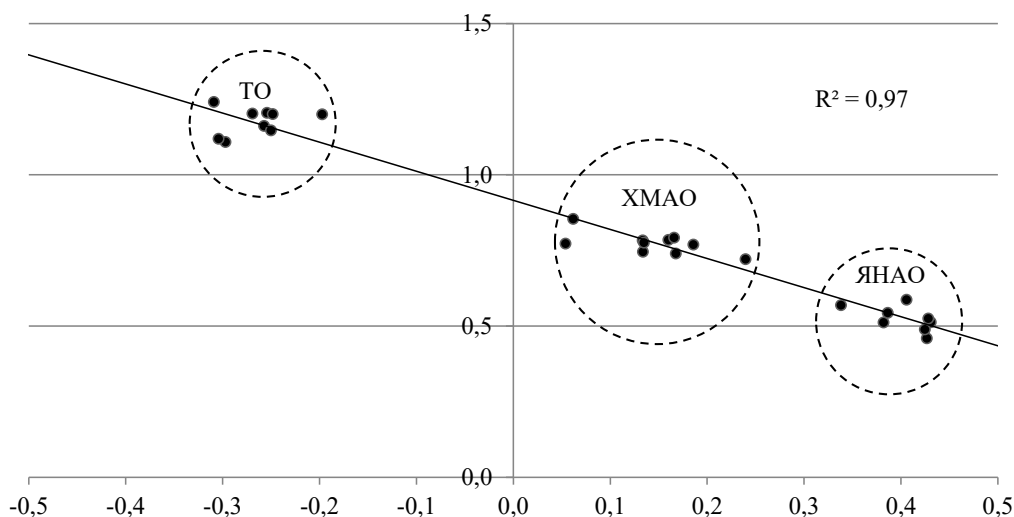
Прирост (уменьшение) наличных денег у населения (млрд рублей)

Table 1

Increase (decrease) in cash of the population (billion rubles)

Регион	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ХМАО	85,4	40,6	41,2	104,8	111,6	138,0	169,4	156,4	163,3
ЯНАО	77,5	138,1	126,4	153,6	179,3	187,5	179,1	213,6	229,6
ТО	-86,6	-69,9	-120,2	-124,8	-108,6	-117,1	-121,3	-124,7	-164,3
ТО с ХМАО и ЯНАО	76,3	108,8	47,4	133,6	182,4	208,4	227,2	245,3	228,6
РФ	272,3	1130,6	-531,0	1126,2	1237,7	1475,1	325,9	2836,5	617,3
Доля ТО в РФ,%	28,0	9,6	-8,9	11,9	14,7	14,1	69,7	8,6	37,0

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Рис. 6. Сопоставление I_m и I_p Fig. 6. Comparison of I_m and I_p indices

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата.

тации населения к балансированию всех участвующих в расчётах параметров.

Остаётся без ответа вопрос о причинах поведения населения округов в части отказа от сбережений в виде вкладов в банковской системе. Для понимания этого на рис. 7. показано соотношение объёма вкладов и задолженности по кредитам населению в исследуемых регионах и в РФ. В стране в целом после прохождения пика 01.01.2017 г. (2,25 раза) это соотношение имеет устойчивую тенденцию к снижению. На 01.04.2023 г. оно составляет только 1,34 раза. Показате-

ли рассматриваемых регионов существенно ниже. Так, показатели ЯНАО стабильно формировались в пределах величины 1, что говорит о неустойчивом балансе «вклады/ задолженность по кредитам». В тоже время показатели ХМАО и ТО оказались в большей мере синхронизированы друг с другом и с общероссийской тенденцией. В автономном округе в сентябре 2014 г. по май 2021 г. показатель превышал 1, но после этого объём вкладов населения стабильно ниже объёма задолженности по кредитам. В ТО также был непродолжительный пери-

од с величиной анализируемого показателя выше 1, но с августа 2019 г. он снизился до 0,73. Эти тенденции мы также считаем де-

терминантой финансового благосостояния населения региона.

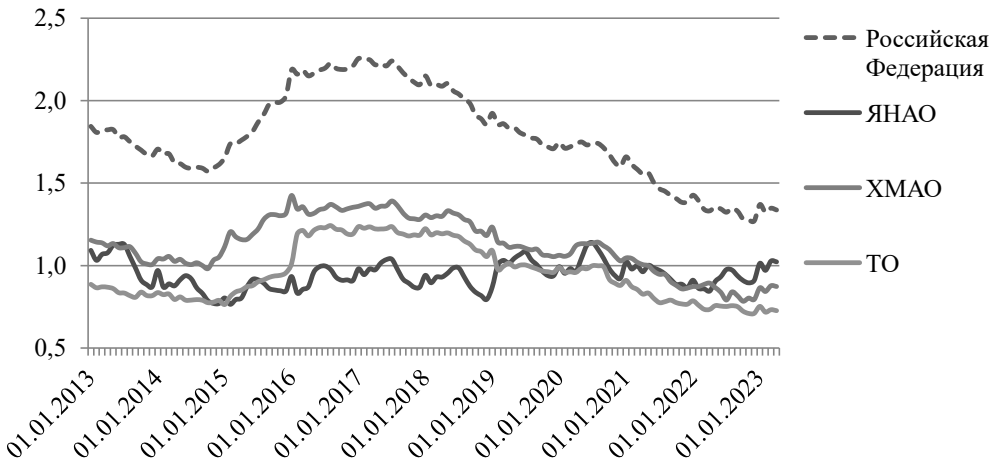

Рис. 7. Соотношение объёма вкладов и задолженности по кредитам населению в исследуемых регионах и в Российской Федерации
 Fig. 7. The ratio of the volume of deposits and loans debts of the population in the regions under study and in the Russian Federation

Источник: рассчитано автором по «Вклады (депозиты) и другие привлечённые средства физических лиц (без учёта счетов эскроу)» и «Задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам» // ЦБ РФ: [сайт]. — URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/ (дата обращения: 20.04.2023).

Рассматривая благосостояние населения Юга Тюменской области с учётом эффекта показательного потребления приезжего населения автономных округов, необходимо отметить ряд дополнительных особенностей: 1) неизбежная дифференциация доходов приезжего и местного населения, возникающая из-за значительной разницы в уровне среднедушевых доходов населения Юга и Севера. В этом случае актуальна дискуссия об избирательности мер финансовой поддержки разных категорий населения, включая такой аспект, как «шовинизм благосостояния», рассматриваемый зарубежными исследователями [20; 21]; 2) различия поведенческих моделей, которые заключаются в более высокой степени расточительности у приезжих, обусловленных «синдромом туриста», под которым мы определяем специфическое и более легкомысленное отношение к тратам денежных средств у приезжего человека, которое уменьша-

ется и даже исчезает по мере трансформации своего позиционирования из «чужого» в «местного». По мере адаптации к новому месту жительства действие этого синдрома снижается, и потребление приближается к уровню местного населения с неизбежными отклонениями в каждом конкретном случае, обусловленными личными предпочтениями и интересами; 3) позитивной реакцией приезжающих на потребительские «соблазны», возникающие у тех из них, кто имеет постоянное проживание в местах, где в силу разных причин нет возможности удовлетворить те или иные потребности.

Выводы

1. Наряду с выявлением каналов притока денежных средств из автономных округов важно выявить ключевые точки их влияния в ТО. Этими точками являются: приобретение недвижимости (с учётом масштабов

жилищного строительства в городе Тюмени это точка «втягивает» значительный объем средств); сфера услуг (среди основных — услуги общественного питания, образовательные (обучение молодёжи в вузах и колледжах на платных местах, медицинские услуги (включая санаторно-курортные), транспортно-логистические, услуги на рынке недвижимости и так далее); сфера реализации товаров (тяготеющая к рынку недвижимости продажа строительных материалов, бытовой техники, мебели и аксессуаров для комфортного проживания); наконец, прибывшие в город на постоянное проживание увеличивают спрос на товары, включая продукты питания и предметы длительного пользования.

2. Ряд выявленных закономерностей (устойчивость позиционирования точек

стагнации размера среднедушевых денежных доходов населения с учётом региональной дифференциации; стабильность соотношения индексов I_m и I_p ; высокая аппроксимация линейного тренда, «пронизывающего» показатели индексов всех трёх регионов; сложившиеся предпочтения населения автономных округов к сбережениям в виде наличных денег; перераспределение наличных денег на Юг Тюменской области и др.) могут быть использованы в качестве констант и/или переменных параметров в рамках разработки математических и нейросетевых моделей, как детерминанты, характеризующие процессы динамики финансового благосостояния населения Тюменской области и входящих в её состав автономных округов.

Литература и Интернет-источники

1. **Губарев, Р.В.** Управление качеством жизни населения в регионах России / Р.В. Губарев, Е.И. Дзюба, О.М. Куликова, Ф.С. Файзуллин // Journal of Institutional Studies.— 2019.— № 11(2).— С. 146–170. DOI: 10.17835/2076–6297.2019.11.2.146–170; EDN: LWLYCS
2. **Junça Silva, A.** The role of financial status, attitudes, behaviours and knowledge for overall well-being in Portugal: the mediating role of financial well-being / A. Junça Silva, R. Dias // International Journal of Organizational Analysis.— 2023.— Vol. ahead-of-print. DOI: 10.1108/IJOA-08–2022–3385
3. **Аврамова, Е.М.** Доступность ресурсов развития для различных категорий населения / Е.М. Аврамова // Общественные науки и современность.— 2019.— № 3.— С. 36–51. DOI: 10.31857/S086904990005084–4; EDN: PXFBLI
4. **Карачаровский, В.В.** Разные цели одного общества / В.В. Карачаровский, О.И. Шкаратан // Социологические исследования.— 2019.— № 1.— С. 5–17. DOI: 10.31857/S013216250003743–0; EDN: VXCNSM
5. **Удальцова, М.В.** Социальное благополучие как фактор свободы / М.В. Удальцова, Е.А. Абрамова // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология.— 2020.— № 54.— С. 208–217. DOI: 10.17223/1998863X/54/194; EDN: FMXUXQ
6. **Тихонова, Н.Е.** «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России / Н.Е. Тихонова // Социологический журнал.— 2019.— Т. 25.— № 1.— С. 27–47. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6278; EDN: YETRTV
7. **Ameli, K.** Animal-Assisted Interventions and Animal Welfare—An Exploratory Survey in Germany / K. Ameli, T.F. Braun, S. Krämer // Animals.— 2023.— No. 13. P. 1324. DOI: 10.3390/ani13081324
8. **Беляева, Л.А.** Качество жизни в субъективных оценках населения: Россия в европейском контексте / Л.А. Беляева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология.— 2018.— Т. 18.— № 4.— С. 680–694. DOI: 10.22363/2313–2272–2018–18–4–680–694; EDN: YNAKEN
9. **Woerkom, M. V.** Networks of happiness: applying a Network Approach to Well-Being in the General Population / M. V. Woerkom, M. Constantin, M. Janssens // Journal of Happiness Studies.— 2022.— No. 23.— P. 3215–3231. DOI: 10.1007/s10902–022–00546-x

10. **Гравчикова, А. А.** Воздействие конфессиональной неоднородности населения на государственные расходы в области социально-культурной политики: эмпирические оценки для регионов РФ / А. А. Гравчикова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.— 2022.— Т. 15.— № 7.— С. 944–954. DOI: 10.17516/1997-1370-0899; EDN: IHYSVZ
11. **Малкина, М. Ю.** Взаимосвязь типов неравенства с показателями уровня жизни и благосостояния населения регионов России / М. Ю. Малкина // Terra Economicus.— 2017.— Т. 15.— № 4.— С. 46–63. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-4-46-63; EDN: YMVAEA
12. **Найден, С. Н.** Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление / С. Н. Найден, А. В. Белоусова // Экономика региона.— 2018.— Т. 14.— № 1.— С. 53–68. DOI: 10.17059/2018-1-5; EDN: YWWBOJ
13. **Архипова, М. Ю.** Подходы к изучению качества и уровня жизни населения в России / М. Ю. Архипова, В. П. Сиротин // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки.— 2020.— Т. 101.— № 4.— С. 34–44. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-101-04-34-44; EDN: NASIVT
14. **Шаклеина, М. В.** Возможности интеграции Google Trends и официальной статистики при оценке социальной комфортности и прогнозировании финансового положения населения / М. В. Шаклеина, М. И. Волкова, К. И. Шаклеин, С. Р. Якиро // Финансы: теория и практика.— 2021. № 25(5).— С. 215–234. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-5-215-234; EDN: ZXSGMT
15. **Люблинский, В. В.** Социальная политика в условиях развития сетевого общества / В. В. Люблинский // Вестник Института социологии.— 2019.— Т. 10.— № 3.— С. 22–32. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.585; EDN: BCLWVF
16. **Dan, S.** Social Interaction, Financial Literacy, and Household Financial Fragility / S. Dan, Y. Shengnan // SHS Web Conf.— 2023.— No. 163. DOI: 10.1051/shsconf/202316301032
17. **Балина, Т. А.** Социальное самочувствие населения в контексте поведенческой географии / Т. А. Балина, В. А. Столбов // Географический вестник.— 2023.— № 1(64).— С. 72–83. DOI: 10.17072/2079-7877-2023-1-72-83; EDN: JJCUJO
18. **Исаев, А. Г.** Эффекты межрегионального перераспределения финансовых ресурсов. Общественно-равновесный подход / А. Г. Исаев // Экономика региона.— 2019.— Т. 15.— № 2.— С. 618–630. DOI: 10.17059/2019-2-23; EDN: YTMGQL
19. **Макар, С. В.** Потребительское поведение россиян: возможности и приоритеты / С. В. Макар, А. В. Ярашева // Народонаселение.— 2022.— Т. 25.— № 4.— С. 68–78. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.6; EDN: MONYFA
20. **Nijs, T.** «These benefits are ours because we were here first»: relating autochthony to welfare chauvinism and welfare ethnocentrism / T. Nijs, B. Martinovic, R. Ford, M. Coenders // Ethnic and Racial Studies.— 2023. DOI: 10.1080/01419870.2023.2199053
21. **Bell, D. A.** Perceptions and realities: Explaining welfare chauvinism in Europe / D. A. Bell, M. Valenta, Z. Strabac // Journal of European Social Policy.— 2023.— No. 33(3).— P. 301–306. DOI: 10.1177/09589287231158019

Информация об авторе:

Гамукин Валерий Владимирович, к.э.н., проф. кафедры экономики и финансов, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Контактная информация: e-mail: valgam@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4396-274X; РИНЦ AuthorID: 162832.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.13

DETERMINANTS OF FINANCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION OF TYUMEN OBLAST

Valery V. Gamukin

Tyumen State University
(6 Volodarsky str., Tyumen, Russia, 6025003)

E-mail: valgam@mail.ru

Funding:

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI) and Tyumen oblast in the framework of the scientific project No. 20–410–720008.

For citation:

Gamukin V.V. Determinants of financial well-being of the population of Tyumen oblast. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 148–162. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.13 (in Russ.)

Abstract. *The high differentiation of living standards within the boundaries of a complex subject of the Russian Federation actualizes the problems of studying the determinants of financial well-being of the population. The article analyzes four groups of data for Tyumen oblast with autonomous districts that are part of it for the period of 2013–2021, including: average per capita cash income of the population; structural indicators of the balance of monetary income and expenses of the population; volume of deposits and other funds of individuals (excluding escrow accounts); amount of debt on loans provided to resident individuals. We used methods of matching, plotting scattering diagrams, identifying trends. As a result, a number of the following determinants of financial well-being were identified. Among the population of autonomous districts prevails the desire to accumulate savings in the form of cash (by 2021 the amount reached 393 billion rubles). Persistent shortage of cash savings in the South of Tyumen oblast (–164 billion rubles) is covered by a surplus formed in the districts. In all three RF subjects there is a significant decrease in the ratio of the volume of deposits of the population and the volume of debt on loans, which corresponds to the all-Russian trend. The well-being of the population of the South Tyumen oblast should be considered with the account of the effect of indicative consumption due to the inevitable differentiation in the income of visitors and local population, as well as differences in behavioral models, which consist in a higher degree of wastefulness among visitors. Additionally, the possibility of using the obtained results in the framework of mathematical and neural network modeling of the process of dynamics in the well-being of the Tyumen blast population is considered.*

Keywords: *well-being of population, complex subject of the Russian Federation, average per capita cash income, consumer spending, deposits of population.*

References and Internet sources

1. Gubarev R. V., Dzyuba E. I., Kulikova O. M., Fayzullin F. S. Upravleniye kachestvom zhizni naseleniya v regionah Rossii [Quality management of the population in the regions of Russia]. *Journal of Institutional Studies*. 2019. No. 11(2). P. 146–170. DOI: 10.17835/2076–6297.2019.11.2.146–1704 (in Russ.)
2. Junça Silva A., Dias R. The role of financial status, attitudes, behaviours and knowledge for overall well-being in Portugal: the mediating role of financial well-being. *International Journal of Organizational Analysis*. 2023. Vol. ahead-of-print. DOI: 10.1108/IJOA-08–2022–3385
3. Avraamova E. M. Dostupnost' resursov razvitiya dlya razlichnyh kategorij naseleniya [Availability

- of development resources for different categories of the population]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. 2019. No. 3. P. 36–51. DOI: 10.31857/S086904990005084–4 (in Russ.)
4. Karacharovskiy V. V., Shkaratan O. I. Raznyye tseli odnogo obshchestva [Different goals of the same society]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. 2019. No. 1. P. 5–17. DOI: 10.31857/S013216250003743–0 (in Russ.)
 5. Udaltsova M. V., Abramova E. A., Sotsial'noye blagopoluchiye kak faktor svobody [Social well-being as a factor of freedom] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 2020. No. 54. P. 208–217. DOI: 10.17223/1998863X/54/19 (in Russ.)
 6. Tikhonova N. E. «Negativnaya stabilizatsiya» i faktory dinamiki blagosostoyaniya naseleniya v postkrizisnoy Rossii [«Negative Stabilization» and factors of population welfare dynamics in post-crisis Russia]. *Sotsiologicheskiy Zhurnal* [Sociological Journal]. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 27–47. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.62784 (in Russ.)
 7. Ameli K., Braun T. F., Krämer S. Animal-assisted interventions and animal welfare — an exploratory survey in Germany. *Animals*. 2023. No. 13. P. 1324. DOI: 10.3390/ani13081324
 8. Belyaeva L. A. Kachestvo zhizni v sub'ektivnykh otsenках naseleniya: Rossiya v yevropejskom kontekste [Quality of life in the subjective estimates of the population: Russia in the European context]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. 2018. Vol. 18. No. 4. P. 680–694. DOI: 10.22363/2313–2272–2018–18–4–680–6944 (in Russ.)
 9. Woerkom M. V., Constantin M., Janssens M. Networks of happiness: applying a Network Approach to Well-Being in the General Population. *Journal of Happiness Studies*. 2022. No. 23. P. 3215–3231. DOI: 10.1007/s10902–022–00546-x
 10. Gravchikova A. A. Vozdeystviye konfessional'noj neodnorodnosti naseleniya na gosudarstvennyye raskhody v oblasti sotsial'no-kul'turnoj politiki: empiricheskiye otsenki dlya regionov RF [Impact of confessional heterogeneity on government spending in the field of socio-cultural policy: empirical estimation of Russian regions]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*. [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.]. 2022. No. 15(7). P. 944–954. DOI: 10.17516/1997–1370–08994 (in Russ.)
 11. Malkina M. Yu. Vzaimosvyaz' tipov neravenstva s pokazatelyami urovnya zhizni i blagosostoyaniya naseleniya regionov Rossii [Interrelation of types of inequality with indicators of standard of living and welfare of the population in Russian regions]. *Terra Economicus*. 2017. T. 15. No. 4. P. 46–63. DOI: 10.23683/2073–6606–2017–15–4–46–634 (in Russ.)
 12. Naiden S. N., Belousova A. V. Metodicheskij instrumentarij otsenki blagosostoyaniya naseleniya: mezhregional'noye sopostavleniye [Methodological tools to assess of the population welfare: interregional comparison]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2018. No. 14(1). P. 53–684. DOI: 10.17059/2018–1–5 (in Russ.)
 13. Arkhipova M. Yu., Sirotin V. P. 9. Podkhody k izucheniyu kachestva i urovnya zhizni naseleniya v Rossii [Approaches to studying the quality and standard of living in Russia]. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Russian Foundation for Basic Research Journal]. 2020. Vol. 101. No. 4. P. 34–44. DOI: 10.22204/2587–8956–2020–101–04–34–44 (in Russ.)
 14. Shakleina M. V., Volkova M. I., Shaklein K. I., Yakiro S. R. Vozmozhnosti integratsii Google Trends i oficial'noj statistiki pri otsenke sotsial'noj komfortnosti i prognozirovanii finansovogo polozheniya naseleniya [Prospects for the integration of Google Trends data and official statistics to assess social comfort and predict the financial situation of the population]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice]. 2021. No. 25(5). P. 215–234. DOI: 10.26794/2587–5671–2021–25–5–215–2344 (in Russ.)

15. Lyublinsky V. V. Sotsial'naya politika v usloviyah razvitiya setevogo obshchestva [Social policy under conditions of network society development]. *Vestnik instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2019. Vol. 10. No 3. P. 22–32. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.5854 (in Russ.)
16. Dan S., Sheng-nan Y. Social Interaction, Financial Literacy, and Household Financial Fragility. *SHS Web Conferences*. 2023. No. 163. DOI: 10.1051/shsconf/202316301032
17. Balina T. A., Stolbov V. A. Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya v kontekste povedencheskoj geografii [Social well-being of the population in the context of behavioral geography]. *Geograficheskiy vestnik [Geographical Bulletin]*. 2023. No. 1(64). P. 72–83. DOI: 10.17072/2079–7877–2023–1–72–83 (in Russ.)
18. Isaev A. G. Effekty mezhregional'nogo pereraspredeleniya finansovykh resursov. Obshcheravnovesnyy podhod [Effects of interregional redistribution of financial resources: a general equilibrium approach]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. 2019. No. 15(2). P. 618–630 DOI: 10.17059/2019–2–234 (in Russ.)
19. Makar S. V., Yarasheva A. V. Potrebitel'skoye povedeniye rossiyan: vozmozhnosti i priority [Consumer behavior of Russians: opportunities and priorities]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 68–78. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.6 (in Russ.)
20. Nijs T., Martinovic B., Ford R., Coenders M. «These benefits are ours because we were here first»: relating autochthony to welfare chauvinism and welfare ethnocentrism. *Ethnic and Racial Studies*. 2023. DOI: 10.1080/01419870.2023.2199053
21. Bell D. A., Valenta M., Strabac Z. Perceptions and realities: Explaining welfare chauvinism in Europe. *Journal of European Social Policy*. 2023. No. 33(3). P. 301–306. DOI: 10.1177/09589287231158019

Information about the author:

Gamukin Valery Vladimirovich, Candidate of Economic, Professor of Department of Economics and Finance, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

Contact information: e-mail: valgam@mail.ru; ORCID: 0000–0002–4396–274X; Elibrary AuthorID: 162832.

Статья поступила в редакцию 29.05.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.14
EDN: PTGFTX

НЕРАВЕНСТВО БОГАТСТВА И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Пугачев А. А.*, Чистякова А. А.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
(150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, 14)

*E-mail: andrxim@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00365. – URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00365/>.

Для цитирования:

Пугачев А. А., Чистякова А. А. Неравенство богатства и межпоколенческая мобильность в России: возможности налогового регулирования // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 163-176. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.14; EDN: PTGFTX

Аннотация. Экономическое неравенство граждан в России сегодня находится на высоком уровне. Снижение межпоколенческой мобильности определяется возрастающей концентрацией капитала. Цель исследования — определение возможностей налогов в сглаживании неравенства богатства россиян и усиления межпоколенческой мобильности в рамках оценки их взаимосвязи на основе базы данных Всемирного банка. По результатам анализа отмечено снижение мобильности между поколениями в России и зарождение проблемы закрепления экономического положения внутри семьи, которая при сохранении тенденций будет усиливаться. Для поколений 1970–1980-х гг. рождения зафиксирован резкий рост относительного показателя иммобильности — коэффициента корреляции между продолжительностью обучения детей и их родителей с 0,32 до 0,48. Наблюдается снижение абсолютных показателей мобильности между поколениями — снижение доли детей, получивших более продолжительное образование или образование более высокого уровня, чем их родители. Трансформирована кривая Великого Гэтсби в координатах коэффициента концентрации чистого личного богатства и относительной межпоколенческой мобильности в образовании. Положение России на кривой Великого Гэтсби свидетельствует об обострении двух сопряжённых проблем — закрепления неравенства и снижения мобильности между поколениями. Для нивелирования экономического неравенства в России необходимо повышение вертикальной мобильности между поколениями. Одним из традиционных и действенных способов государственного регулирования поляризации личных активов и имущества граждан является налоговое регулирование. Сегодня в России имущественные налоги не способствуют сглаживанию неравенства. НДФЛ на дарение и имущественные налоги граждан в совокупности составляют около 1% налоговых доходов консолидированного бюджета. Концентрация богатства у 10% наиболее обеспеченных россиян достигла в 2021 г. более 74%. Перспективы с позиций сглаживания неравенства богатства и активизации межпоколенческой мобильности в России имеют прогрессивное налогообложение личного имущества, повышенные ставки для владельцев многих объектов недвижимости, «налог на роскошь», налог на наследство и дарение, а также налогообложение капитала.

Ключевые слова: межпоколенческая мобильность, неравенство богатства, неравенство доходов, абсолютная мобильность, относительная мобильность, кривая Великого Гэтсби, налогообложение имущества, налог на наследство.

© Пугачев А. А., Чистякова А. А., 2023.

Экономическое неравенство принято рассматривать как комплексный феномен, аккумулирующий три типа дифференциации населения: в распределении доходов, в распределении богатства (концентрации активов)¹, а также в потреблении. Экономическое неравенство выделяется как подвид неравенства, исходя из сферы общественной жизнедеятельности. В классификации по факторам-основаниям выделяют также неравенство усилий и неравенство возможностей, подразумеваемая под последним различия достижений вне индивидуального контроля в зависимости от образования родителей, семейного положения, социального и профессионального статуса, материального достатка семьи и так далее [1].

Несмотря на устойчивый рост среднего размера заработной платы, существующие социальные и налоговые меры поддержки незащищённых слоёв населения представляются недостаточными, т.к. неравенство граждан не удается снизить. Россия остаётся одним из лидеров по остроте восприятия неравенства доходов, а более 90% граждан страны характеризуют текущую доходную дифференциацию как несправедливую². Для решения проблемы необходимо не только перераспределение доходов граждан, но и вскрытие косвенных регрессоров неравенства.

В связи с тем, что все виды неравенства усиливают и усугубляют друг друга, ключевая задача исследователя состоит в выявлении первопричины, запускающей цикл социально-экономических дифференциаций индивидов, в конечном итоге выливающих в неравенство доходов. Одна из таких первопричин, рассматриваемая в данном исследовании — наследуемость социально-экономического статуса из поколения в поколение, которая может реализовываться через два канала: во-первых, через низкую межпоколенческую мобильность, то есть сохранение зависимости благосостоя-

ния молодого поколения от благосостояния родителей, и, во-вторых, через передачу по наследству такого фактора производства, как капитал (богатство). Цель настоящего исследования — определение возможностей налогов в сглаживании неравенства богатства россиян и усиления межпоколенческой мобильности в рамках оценки их взаимосвязи на основе базы данных Всемирного банка по межпоколенческой мобильности в образовании.

Обзор исследований

Первым фундаментальным исследованием причин неравенства на основе анализа больших массивов эмпирических данных стала работа лауреата Нобелевской премии по экономике Саймона Кузнеца «Экономический рост и неравенство доходов» (1955 г.) [2]. Он выделил концентрацию доходов и сбережений в верхних (наиболее обеспеченных) слоях населения как один из факторов неравенства. Среди способов сдерживания «накопительного» эффекта неравенства сбережений С. Кузнец определил регулирование (перераспределение активов путём введения налогов на роскошь, на наследство и подобное), социально-экономическую мобильность и межотраслевые сдвиги, в результате которых верхним слоям населения становится труднее повышать свои доходы.

Другой нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц в труде «Цена неравенства: как сегодняшнее разделённое общество ставит под угрозу наше будущее» объясняет развенчание мифа об «американской мечте» высоким неравенством и низкой вертикальной мобильностью между поколениями, ограниченной, в первую очередь, дифференциацией образовательных возможностей. С течением времени богатые богатеют, бедные беднеют, а разрыв между богатыми и «средним классом» увеличивается, вымывая последний [3]³, т.к. доступ к возможностям

¹ World Inequality Report 2022. — URL: <https://wir2022.wid.world/chapter-1/> (дата обращения: 29.04.2023).

² Представления россиян о доходном неравенстве: влияет ли на них социальная мобильность? / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала // Научный дайджест. — 2022. — № 4(9). — С. 12.

³ «Американская мечта» (в экономическом смысле) — феномен равного доступа к возможностям, высокой социальной мобильности при минимальных барьерах на рынке труда и высоком общем благосостоянии, обуславливающий развитие среднего класса (по мнению многих авто-

сужается, а неравенство растёт. Дж. Стиглиц выделяет 3 механизма сдерживающего воздействия на неравенства: 1) ослабление роста доходов верхних доходных групп; 2) укрепление среднего класса; 3) поддержка бедного и незащищённого населения. Для достижения результатов в борьбе общества с неравенством необходимо принимать меры по всем трём направлениям, а не только по последнему.

Томас Пикетти в книге «Капитал в XXI веке» опроверг ряд тезисов С. Кузнецца, подчеркнув многофакторность неравенства, обусловленного не только уровнем развития экономики [4]. Особое внимание было им уделено неравенству в распределении накопленного богатства как источника капитального дохода. Если доходы с вложенного капитала (сбережений) растут быстрее, чем производство в стране в целом, то наследство преобладает над средствами, сберегаемыми индивидом самостоятельно в ходе его трудовой деятельности, благодаря свойству сравнительно более быстрого приращения. Наилучший инструмент, способный прервать цикл самовоспроизводства неравенства, по мнению Т. Пикетти, — прогрессивный налог на капитал, обеспечивающий контроль его динамики. На примере США он изучал вопрос межпоколенческой мобильности, обращая внимание на то, что даже при массовом доступе к образованию, иерархическое закрепление уровня квалификации и дохода за богатыми слоями, усугубляясь, продолжает воспроизводиться из поколения в поколения, а доступ к высшему престижному образованию (как правило, осуществляемому на коммерческой основе) предопределяется богатством семей абитуриентов.

Концентрация имущества в руках отдельных групп населения выступает центральным инструментом их пассивного обогащения, так как в структуре их доходов преобладает сбережение (инвестирование), в то время как значительная часть доходов менее обеспеченных расходуется на текущее потребление. Различия в уровне благосостояния имеют как пространственную

ритетных экономистов, угасает с последней трети XX в.).

и временную характеристики, так и сквозную межпоколенческую (лонгитюдную).

Идея синтеза двух важнейших категорий, детерминирующих благосостояние населения — неравенства (в конкретный момент времени для конкретного поколения) и мобильности между поколениями — принадлежит американскому экономисту Майлзу Кораку. Данная модель, основанная на идее циклов низких и высоких доходов, воспроизводящихся между поколениями, была разработана в начале XXI в. и получила название «кривой Великого Гэтсби» [5]. По оси абсцисс откладывалось значение коэффициента Джини по доходу, а по оси ординат — коэффициент регрессии — из логарифмического парного регрессионного уравнения, где в качестве независимой переменной выступал средний доход родителей, а в качестве зависимой — средний доход детей [6]. Данный коэффициент представляет собой измеритель доходной мобильности (эластичности) между поколениями или индикатор доли трансфертных экономических привилегий. Также М. Корак рассматривает эффективность политики по перераспределению доходов. Ставя перед собой цели по искоренению бедности и сокращению неравенства, правительствам необходимо брать во внимание тот факт, что меры перераспределительной политики в группах с разными уровнями межпоколенческой мобильности в долгосрочном периоде могут привести к неодинаковым результатам и дифференцированной активности молодёжи на рынке труда. Регрессоры уровня мобильности между поколениями могут быть различны.

Среди работ по межпоколенческой мобильности в России следует отметить исследование эволюции неравенства возможностей с советского периода Г. Ястребова, в котором изучена образовательная и профессиональная мобильность граждан и доказана относительная стабильность взаимосвязи между социально-экономическим положением детей и родителей [7]. По данным на 2019 г., именно мобильность предопределяет остроту восприятия доходного неравенства в России. При оценке своего

социального положения россияне акцентируют внимание на низкой социальной мобильности как в рамках одного поколения (текущая и ожидаемая мобильность в краткосрочном периоде), так и между поколениями. В то же время, ожидания изменения личной мобильности на конец 2020-х гг. в большей мере оптимистичны.

По результатам отечественных исследований, образование родителей, будучи фактором семейного капитала, предопределяет образовательные перспективы выпускников учебных заведений среднего образования. Закрепление социально-экономического неравенства в межпоколенческом разрезе в России проявляется уже на стадии получения среднего общего образования (в старшей школе), а эффект сдерживания восходящей мобильности детей из семей с низким человеческим капиталом усиливается и ярче проявляется у более молодых поколений, рождённых во второй половине 1970-х — 1980-х гг. [8].

Методология и информационная база исследования

На сегодняшний день в российских реалиях недостаточно проведения мероприятий по нивелированию экономического неравенства и бедности, ограничивающихся исключительно поддержкой незащищённых и малообеспеченных слоёв населения (воздействие на «нижние» группы), так как сущность экономической дифференциации кроется в феномене глубоко неравномерного распределения большей части экономических благ; поэтому необходимы, в первую очередь, меры, сдерживающие разрастание благосостояния элит (воздействие на «верхние» группы). Построение моделей, аналогичных кривой Великого Гэтсби, представляет собой информативный метод наблюдения динамики социально-экономического развития в рамках не только глобальных, но и национальных баз данных. Один из примеров такого исследования — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, содержащий лонгитюдные данные по образо-

вательной, доходной и профессиональной мобильности⁴.

Несмотря на многочисленные попытки создания баз с данными по межпоколенческой социально-экономической эластичности во всем мире, ряд методологических проблем, сопряженных с расчётом соответствующих параметров, остаётся нерешённым. Среди них: 1) неоднозначность возраста респондента для исследования (мобильность в образовании); 2) отсутствие теоретически обоснованного и выверенного типа регрессионной модели для расчёта параметра β , отражающей нелинейный тип связи переменных (в особенности для неочевидных регрессоров, в число которых может входить, например, инвестиции родителей в образование детей и коэффициент отдачи от инвестиций в человеческий капитал ребёнка).

Настоящее исследование включает следующие этапы. 1) Анализ динамики экономического неравенства россиян и межпоколенческой мобильности. 2) Построение и интерпретация трансформированной модели кривой Великого Гэтсби по неравенству богатства и определение на ней позиции России относительно стран с более и менее высоким неравенством богатства. Для построения модели в системе координат по оси Ox отложен коэффициент Джини по чистому личному богатству (суммы личных нефинансовых и финансовых активов частного сектора за вычетом обязательств частного сектора) из мировой базы по неравенству⁵. Использован коэффициент для равномерного распределения богатства среди взрослого населения (внутри домохозяйства)⁶. По оси Oy отложен показатель относительной межпоколенческой мобильности в образовании. 3) Обоснование возможности налогового регулирования дифференциации в распределении богатства

⁴ Данные обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ. — URL: <https://www.hse.ru/rims/spss> (дата обращения: 17.05.2023).

⁵ World Inequality Database. — URL: <https://wid.world/data/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Distributional National Accounts Guidelines. Methods and Concepts Used in the World Inequality Database. Version: June 28, 2021. — 186 p.

для повышения мобильности между поколениями в России.

В качестве информационной основы исследования выступает «Глобальная база данных по межпоколенческой мобильности в образовании» Всемирного банка, охватывающая население 1940–1989 гг. рождения из

153 стран и содержащая обширный спектр абсолютных и относительных измерителей мобильности респондентов по сравнению с их родителями в области образования как оцениваемого воплощения человеческого

Таблица 1

Индикаторы межпоколенческой мобильности в образовании

Table 1

Indicators of intergenerational mobility in education

Индикатор	Характеристика	Формула расчёта	Границы диапазонов
Показатели абсолютной межпоколенческой мобильности в образовании			
CAT	<i>Метрика по категориальному (качественному) признаку</i> Доля респондентов (представителей молодого поколения) с уровнем образования выше, чем у родителей, при условии, что родители не имеют высшего образования)	$P(c_{детей} > c_{родителей}; c_{родителей} < \text{высшего})$, где c – категория (уровень) образования по Международной стандартной классификации образования (ISCED), укрупнённой с 9 до 5 уровней*	[0; 1]: 0 – отсутствие восходящей межпоколенческой мобильности; 1 – абсолютная восходящая межпоколенческая мобильность в образовании (все представители молодого поколения получили образование более высокой ступени, чем их родители)
YOS	<i>Метрика по непрерывному (количественному) признаку</i> Доля респондентов с продолжительностью образования большей, чем у их родителей, при условии, что родители получили не максимальное количество лет обучения	$P(y_{детей} > y_{родителей}; y_{родителей} < \text{максимальной})$, где y – продолжительность образования в годах	[0; 1]: 0 – отсутствие восходящей межпоколенческой мобильности в образовании; 1 – абсолютная восходящая межпоколенческая мобильность (все представители молодого поколения получили образование большей продолжительности, чем родители)
MIX	Доля респондентов с уровнем образования выше, чем у родителей, при условии, что все респонденты с высшим образованием считаются мобильными (расширяет показатель CAT)	$P(c_{детей} > c_{родителей} \text{ или } c_{детей} = \text{высшего})$, где c – категория (уровень) образования по Международной стандартной классификации образования (ISCED), укрупнённой с 9 до 5 уровней	[0; 1]: 0 – отсутствие восходящей межпоколенческой мобильности; 1 – абсолютная восходящая межпоколенческая мобильность в образовании (все представители молодого поколения получили образование более высокой ступени, чем их родители)
Показатели относительной межпоколенческой мобильности в образовании			
COR	Коэффициент парной корреляции между годами обучения детей и их родителей	$\text{cor}(y_{детей}; y_{родителей})$	Оценка тесноты связи по шкале Чеддока: 0,1–0,3 – слабая; 0,3–0,5 – умеренная; 0,5–0,7 – заметная; 0,7–0,9 – высокая; 0,9–0,(9) – весьма высокая. Положительное значение свидетельствует о прямой связи, отрицательное – об обратной
BETA	Параметр β парной линейной регрессионной модели, где независимой переменной выступает продолжительность обучения родителей, а зависимой – продолжительность обучения детей	Оценка параметра β из регрессионного уравнения: $y_{детей} = \alpha + \beta + \varepsilon$, где y – продолжительность образования в годах	При увеличении продолжительности обучения родителей на 1 год продолжительность обучения ребёнка возрастает на β лет

* International Standard Classification of Education ISCED. UNESCO Institute for Statistics. — United Nations, 2012. — 88 p.

Источник: составлено авторами по GDIM 2020.

капитала⁷. Под абсолютной мобильностью в образовании понимается степень, в которой образование детей превышает образование родителей, а под относительной — меру, в которой место индивида в распределении образовательных навыков не зависит от положения его родителей. Совокупность абсолютных и относительных показателей межпоколенческой мобильности, использованных в исследовании, представлена в табл. 1 [9].

Для формирования модели использованы данные, рассчитанные от максимальных значений показателей среди обоих родителей, средние для детей обоих полов из когорты 1980-х гг. рождения, а именно, COR как ведущий показатель неизменности поколений. В опросах, использованных для составления базы, принимали участие респонденты, достигшие 21 года и имевшие возможность к этому возрасту получить высшее образования. Таким образом, поко-

ление, рожденное в 1989 г., достигло 21 года в 2010 году. В связи с тем, что в России момент окончания высшего образования чаще приходится на возраст 22 года, нами использованы данные коэффициентов Джини за 2011 год.

Экономическое неравенство в современной России

За четверть века в России обострилась проблема концентрации богатства (рис. 1). Индекс Джини по чистому личному богатству вырос с 67% до 83%, существенно опережая рост неравенства в распределении доходов. Показатель последнего остаётся сравнительно стабильным: с 1995 г. по 2021 г. колебался в диапазоне от 36% до 42,3%, наибольших значений достигая в период с 2003 г. до 2008 года.

Отдельным проблемным вопросом является доля чистого личного богатства, приходящегося на 10% населения с наименьшим объёмом имущества — данная величина с 2004 г. по настоящий момент имеет отрицательное значение в связи с тем, что чистое личное богатство данной группы отри-

⁷ GDIM 2020. Global Database on Intergenerational Mobility. Development Research Group, World Bank. Washington, D.C.: World Bank Group. — URL: <https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0050771/global-database-on-intergenerational-mobility> (дата обращения: 01.05.2023).

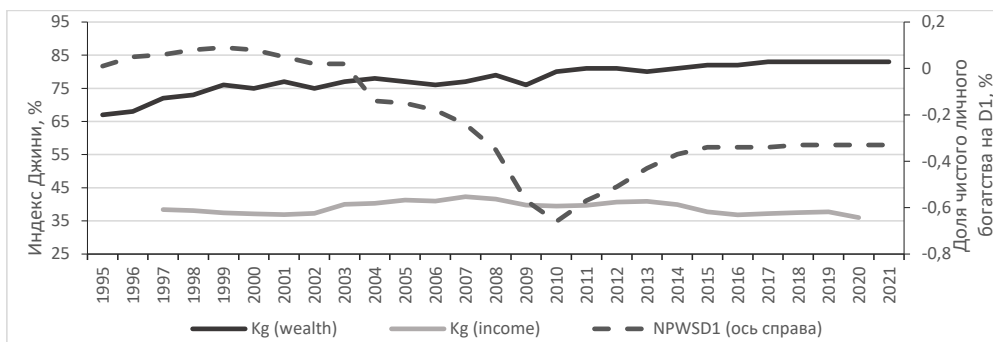

Рис. 1. Динамика индексов Джини по доходу и по богатству в России и доли чистого личного богатства, приходящейся на нижний дециль населения, 1995–2021 годы

(Kg(wealth) — индекс Джини по чистому личному богатству; Kg(income) — индекс Джини по доходу; NPWSD1 — доля чистого личного богатства, приходящаяся на нижний дециль)

Fig. 1. Dynamics of the Gini indices by income and wealth in Russia and the share of net personal wealth attributable to the lower decile of the population, 1995–2021

(Kg(wealth) — Gini index for net personal wealth; Kg(income) — Gini index for income; NPWSD1 — net personal wealth share held by the lower decile)

Источник: составлено авторами по данным: The World Bank. Data. Indicators. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator?tab=all> (дата обращения: 14.05.2023).

цательно, то есть обязательства населения превышают финансовые и нефинансовые активы. Показатель начал стремительно снижаться с 2003 г., достигнув минимального значения в 2010 году. В этот год значение чистого личного богатства населения первого дециля составило –156,3 тыс. рублей на взрослого человека (в ценах 2021 г.), в 2021 г. — –71,3 тыс. рублей.

Таким образом, после проведения приватизации и перехода права собственности на неравномерно распределённые активы по наследству неравенство по богатству в России остаётся на высококом уровне. Концентрация богатства у элит может в дальнейшем привести к «законсервированию» неравенства и ограничению возможностей для широких слоёв населения.

Результаты исследования

В последние десятилетия межпоколенческая мобильность в образовании в РФ уменьшалась, причём по абсолютным измерителям наибольшее её снижение зафиксировано для группы населения, рождённого

в 1960–1969 гг., а по относительным — для когорты 1980-х гг. (табл. 2).

Для респондентов, рождённых в 1980–1989 гг., достигаются максимальные значения относительных показателей: коэффициент корреляции по средним данным среди родителей составляет 0,48, а по максимальным — 0,474, что соответствует верхней границе интервала умеренной тесноты связи между переменными по шкале Чеддока и свидетельствует о сближении продолжительности образования, получаемого родителями и детьми.

На всём рассмотренном временном интервале значение YOS по средним среди родителей данным превышало CAT, то есть абсолютная мобильность по количественному признаку (продолжительность обучения в годах) превосходила мобильность по качественному признаку (степень полученного образования), что может быть вызвано двумя причинами: 1) распространённостью незаконченного (неполного) образования соответствующей ступени; 2) увеличением продолжительности обучения для получения образования соответствующего уровня у детей

Показатели межпоколенческой образовательной мобильности в России для поколений 1940-х — 1980-х гг. рождения

Таблица 2

Table 2

Indicators of intergenerational mobility in education in Russia for generations born from 1940s — 1980s.

Период рождения младшего поколения	Абсолютная межпоколенческая мобильность			Относительная межпоколенческая мобильность	
	CAT	YOS	MIX	COR	BETA
Показатели относительно средних данных по образованию среди двух родителей					
1940-е гг.	0,804	0,911	0,778	0,457	0,332
1950-е гг.	0,834	0,877	0,802	0,380	0,226
1960-е гг.	0,718	0,796	0,696	0,320	0,188
1970-е гг.	0,580	0,710	0,628	0,351	0,279
1980-е гг.	0,532	0,655	0,678	0,480	0,419
Показатели относительно максимальных среди двух родителей данных по образованию					
1940-е гг.	0,802	0,800	0,753	0,452	0,286
1950-е гг.	0,835	0,774	0,787	0,371	0,202
1960-е гг.	0,733	0,636	0,681	0,319	0,174
1970-е гг.	0,569	0,546	0,610	0,345	0,271
1980-е гг.	0,484	0,483	0,676	0,474	0,407

Источник: GDIM 2020.

относительно их родителей. Значения МИХ уступали САТ по средним и максимальным данным родителей с 1940 г. по 1969 г., что свидетельствует о том, что в это время мобильность населения, чьи родители не имели высшего образования, была выше мобильности тех групп, чьи родители его имели. Вероятно, далеко не все дети образованных роди-

телей также получали высшее образование. МИХ впервые превысил САТ лишь для когорты 1970-х гг., то есть для поколения, получавшего высшее образование в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Следовательно, можно судить о снижении мобильности между поколениями в России и закреплении экономического положения внутри семьи.

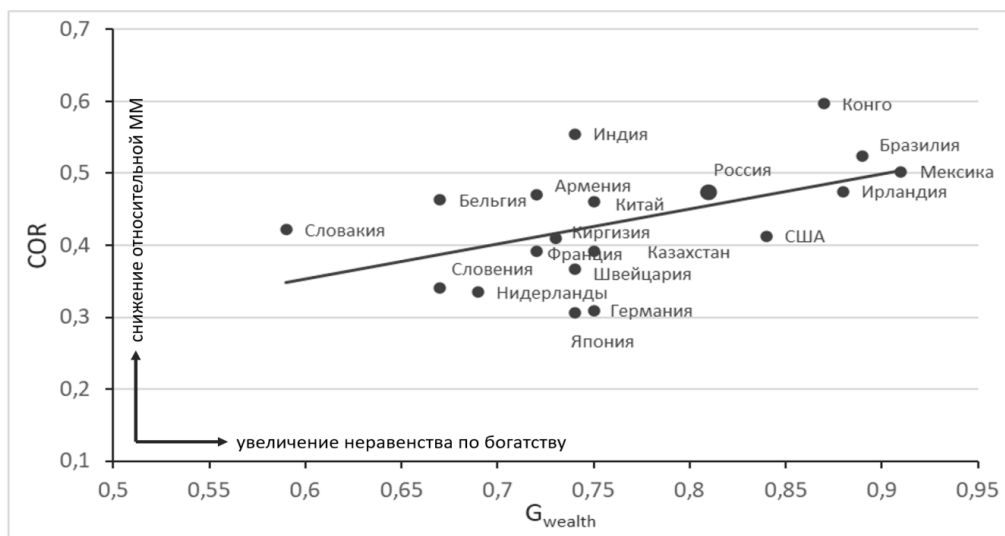

Рис. 2. Положение России относительно других стран в координатах трансформированной модели кривой Великого Гэтсби*: Ох — коэффициент Джини по чистому личному богатству (2011 г.); Оу — коэффициент парной линейной корреляции (показатель относительной межпоколенческой мобильности (ММ) в образовании) (когорта 1980-х гг.)

Fig. 2. Russia's position relative to other countries in the coordinates of the transformed model of the Great Gatsby Curve*: Ох — Gini coefficient for net personal wealth (2011); Оу — coefficient of paired linear correlation (indicator of relative intergenerational mobility (ММ) in education) (cohort of the 1980s)

*Все данные по РФ получены в 2016 г. в ходе ретроспективного опроса в рамках проведения Европейского социального исследования (ESS); в выборку включены респонденты, на тот момент проживавшие на территории России. All data for the Russian Federation were obtained in 2016 during a retrospective survey within the framework of the European Social Research; the sample includes respondents who lived in Russia.

Источник: составлено авторами по GDIM 2020.

На рис. 2 изображено место России на трансформированной кривой Великого Гэтсби в сравнении с экономиками с более низкой и более высокой дифференциацией частного богатства.

Россия при более высокой концентрации богатства, чем в ряде европейских стран и странах-членах ЕАЭС (Киргизия, Казахстан) имеет и высокую корреляцию между

продолжительностью обучения детей и родителей и, следовательно, недостаточную межпоколенческую мобильность. Однако ситуация в РФ лучше, чем в странах БРИКС: индекс Джини по богатству в Бразилии приближается к 90%, а COR превышает 0,5; население Индии при меньшей концентрации богатства менее мобильно между поколениями в образовании, а Китай при индек-

се концентрации доходов всего 75% имеет сопоставимый уровень межпоколенческой мобильности. Синхронное увеличение индекса Джини по богатству и снижение относительной межпоколенческой мобильности, начиная с поколения 1960-х гг., перемещает местоположение России на Модели ближе к правому верхнему углу, где обычно располагаются экономики с более остро выраженными проблемами неравенства и низкой мобильности между поколениями.

В исследованиях, посвящённых кризису Великого Гэтсби, как правило, не строят количественных регрессионных зависимостей между показателями неравенства и межпоколенческой мобильности, тем не менее, принято считать, что между ними существует взаимосвязь, причём в странах с более высокой экономической дифференциацией населения мобильность между поколениями ниже. Таким образом, для нивелирования экономического неравенства в России необходимо повышение вертикальной мобильности между поколениями, на что направлены, например, институциональная трансформация, способствующая инклюзивному росту, меры достижения равенства возможностей молодёжи.

Корректировку механизмов перераспределения доходов в системе «налогообложение — социальные льготы» А.Ю. Шевяков рассматривал как основной путь преодоления избыточного расслоения российского общества [10, с. 44]. К числу наиболее очевидных и действенных способов государственного регулирования поляризации личных активов и имущества граждан относятся налоговые инструменты: налогообложение личного имущества с использованием повышающих коэффициентов на элитные активы, налога на наследование и дарение. В России доля имущественных налогов физических лиц в налоговых доходах консолидированного бюджета с 2006 г. по 2021 г. имела тенденцию к росту, в целом с 2009 по 2021 гг. она составляет около 1%⁸ или в абсолютном выражении — 285,54 млрд рублей

(2021). При этом НДФЛ от дарения⁹ возрос почти в 3,5 раза с 1,09 млрд рублей в 2012 г. до 3,78 млрд рублей 2021 г., однако, его доля является мизерной. Несмотря на рост доли имущественных налогов граждан и НДФЛ от дарения в 2012–2021 гг., концентрация богатства у верхнего дециля продолжает нарастать: имущественные налоги не снижают неравенство богатства, что ограничивает межпоколенческую мобильность (рис. 3).

В России, в отличие от многих развитых стран, отсутствует налог на наследство и дарение. При этом данный налог действовал с 1992 по 2005 гг. включительно на основании Закона РФ от 12.12.1991 № 2020–1 «О налоге с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения». Налог был фактически прогрессивным и его ставка зависела как от стоимости имущества, так и от степени родства наследников. В настоящее время действует отдельный элемент этого налога в рамках НДФЛ со стоимости подаренного объекта недвижимости (пп. 7 п. 2.2. ст. 210 Налогового кодекса РФ).

Для обеспечения сглаживания неравенства граждан и повышения межпоколенческой мобильности возобновление налогообложения наследства и дарения является целесообразным, особенно для дорогостоящего имущества. Эффективно при этом налог выполнял и свою фискальную функцию: в 1994 г. налоговые поступления по нему достигли 10,5% ВВП [11, с. 176]. Отменён налог был в связи с нарушением принципа однократности обложения, поскольку наследство — это имущество, приобретённое ранее на доходы, с которых уже был уплачен подоходный налог. Однако, такой

⁹ Допущения при расчёте: 1) НДФЛ от дарения рассчитан с 2012 г. — с момента появления данных в налоговой отчетности ФНС РФ; 2) с 2012 по 2014 гг. сумма НДФЛ от дарения рассчитана от налоговой базы по ставке 13%; с 2015 г. — по ставке 13% на доходы граждан РФ и по 30% на доходы иностранных граждан и лиц без гражданства; 3) до 2021 г. для расчёта использован код дохода 2720, с 2021 г. — сумма доходов по кодам 2720 и 2721 (код 2721 введён в 2021 г.). Код 2720 — Стоимость имущества, полученного в порядке дарения, налоговая база по которому определяется в соответствии с п. 6 ст. 210 Налогового кодекса РФ. Код 2721 — Стоимость имущества, полученного в порядке дарения (за исключением имущества, полученного в порядке дарения, налоговая база по которому определяется в соответствии с п. 6 ст. 210 Налогового кодекса РФ).

⁸ Данные по формам статистической налоговой отчетности // Федеральная налоговая служба России. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 17.05.2023).

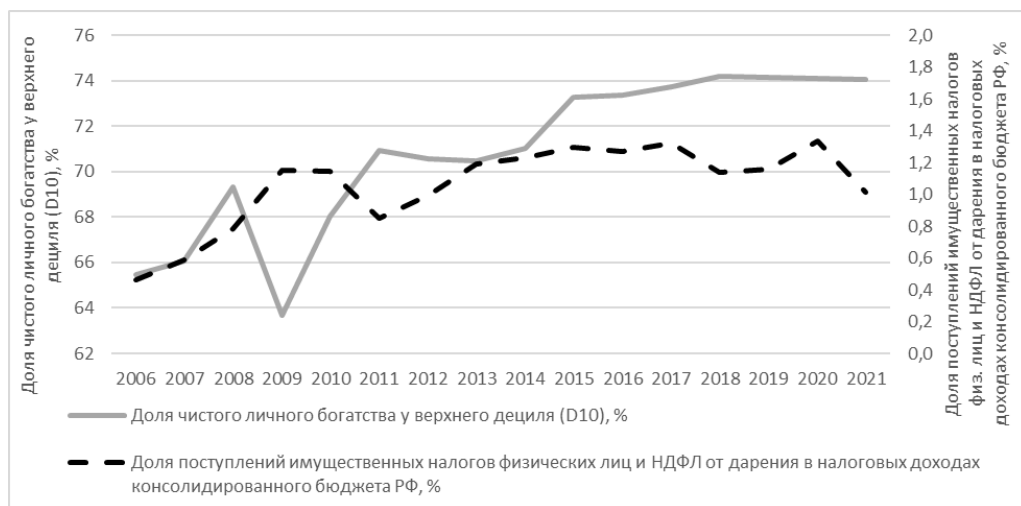

Рис. 3. Динамика доли поступлений имущественных налогов физических лиц и НДФЛ от дарения в налоговых доходах консолидированного бюджета и доли чистого личного богатства у верхнего дециля населения в России (D10), 2006–2021 годы

Fig. 3. Dynamics of the share of income from property taxes of individuals and personal income tax from donations in the tax revenues of the consolidated budget and the share of net personal wealth in the upper decile of the population in Russia (D10), 2006–2021

Источник: составлено авторами по данным World Inequality Database и ФНС России.

аргумент не выдерживают и многие другие функционирующие сегодня налоги. Полученное в наследство или в качестве дара имущество является для его получателя доходом, причём полученным безвозмездно, а не трудовым доходом. Налогообложение такого дохода является экономически обоснованным и социально справедливым [12, с. 250; 13].

Заслуживает внимания позиция В.Г. Панскова о том, что с учётом специфики приватизации в России, когда накопленное трудом многих поколений благосостояние оказалось сосредоточено у ограниченного числа граждан, налог на наследство и дарение помог бы скорректировать её результаты в направлении обеспечения социальной справедливости. Это обусловлено тем, что в рамках эпохи естественной смены собственников идёт процесс передачи огромных масштабов имущества через наследство и дарение при отсутствии налогообложения [12, с. 252–253].

Полагаем целесообразным анализ возможности введения прогрессивного нало-

га на наследство и дарение. При этом важно учитывать риски уклонения от уплаты налогов наиболее обеспеченными гражданами за счёт передачи имущества, находящегося за рубежом. В связи с этим целесообразно налогообложение наследства и дарения безотносительно его месторасположения, то есть по всему миру. Это, очевидно, требует разработки особых подходов к администрированию. Для обеспечения сглаживания неравенства целесообразно введение вычетов, льгот или ставки 0% для недорогого, единственного имущества, передающегося по наследству наиболее близким родственникам — супругам, детям и родителям [14, с. 84].

Реформирование текущей системы налогообложения имущества физических лиц целесообразно в направлении увеличения налоговой нагрузки на наиболее богатые слои населения при одновременном её снижении для наиболее бедных [15, с. 122–123]. Заслуживает внимания также зарубежный опыт прогрессивных ставок налога на имущество физических лиц, особенно для вла-

дельцев многих объектов недвижимости и дорогостоящей недвижимости. В целях сглаживания неравенства богатства и активизации межпоколенческой мобильности особо перспективным является внедрение налогообложение капитала, финансовых активов, и в том числе цифровых.

Выводы

Низкая межпоколенческая мобильность — один из факторов сохранения значительного неравенства граждан в России. Регрессором снижения социально-экономической мобильности и устойчивости неравенства в России в XXI в. стала высокая концентрация активов (богатства).

Разработана трансформированная кривая Великого Гэтсби для России в координатах коэффициента концентрации чистого личного богатства и показателя относительной межпоколенческой мобильности в образовании. В последние десятилетия местоположение России на кривой Великого Гэтсби перемещается ближе к верхнему правому углу, что свидетельствует о закреплении экономического не-

равенства и снижении мобильности между поколениями.

В связи с трансформацией экономического неравенства в России, заключающейся в повышении неравенства доходов за счёт усиления неравенства богатства и низкой межпоколенческой мобильности (как условной характеристики неравенства возможностей), определена необходимость проведения превентивных мер. На текущем этапе доля налоговых отчислений граждан по имущественным налогам и НДФЛ по дарению в налоговых доходах бюджета невелика — около 1%, поэтому эти налоги не способны воздействовать на неравенство богатства в России. Представляется эффективным возрождение налога на наследование и дарение, в том числе с внедрением прогрессивной шкалы налогообложения имущества физических лиц.

Сочетание грамотного налогообложения доходов и имущества физических лиц с использованием прогрессивной шкалы и разумной перераспределительной политикой (поддержкой наиболее уязвимых групп населения) позволит приблизиться к решению проблемы неравенства.

Литература и Интернет-источники

1. **Ибрагимова, З. Ф.** Неравенство возможностей: роль пространственного фактора / З. Ф. Ибрагимова, М. В. Франц // Пространственная экономика. — 2020. — Т. 16. — № 4. — С. 44–67. DOI: 10.14530/se.2020.4.044–067; EDN: MCDIMX
2. **Kuznets, S.** Economic Growth and Income Inequality / S. Kuznets // The American Economic Review. — 1955. — Vol. 45. — No. 1. — P. 1–28.
3. **Stiglitz, J.** The price of inequality: how today's divided society endangers our future / J. Stiglitz // — New York, 2012. — 560 p.
4. **Пикетти, Т.** Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. — Москва : АД Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.
5. **Corak, M.** Do Poor Children Become Poor Adults? Lessons from a Cross Country Comparison of Generational Earnings Mobility / M. Corak // IZA Discussion Paper. — March 2006. — No. 1993. — 67 p.
6. **Corak, M.** Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility / M. Corak // IZA Discussion Paper. — July 2013. — No. 7520. — 31 p.
7. **Yastrebov, G.** Intergenerational social mobility in Soviet and Post-Soviet Russia. National research university «Higher school of economics» / G. Yastrebov // Basic Research Program. WP BRP 69/SOC/2016. — 2016. — 32 p.
8. **Roshchina, Ya.** Intergeneration Educational Mobility in Russia and the USSR / Ya. Roshchina // The Asian Conference on Education 2012. The International Academic Forum. Official Conference Proceedings. — 2012. — P. 1406–1426.

9. **Van der Weide R.** Intergenerational Mobility around the World / R. Van der Weide, Ch. Lakner, D. G. Mahler, A. Narayan, R. Ramasubbaiah // Policy Research Working Paper. — 2021. — No. 9707. — URL: <http://hdl.handle.net/10986/35827> (дата обращения: 17.05.2023).
10. **Шевяков, А. Ю.** Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста / А. Ю. Шевяков // Уровень жизни населения регионов России. — 2010. — № 5. — С. 38–52. EDN NEDMYD
11. **Пушкарева, В. М.** Эволюция взглядов на налог с наследства и его будущее в современной России / В. М. Пушкарева // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. — 2018. — № 2(86). — С. 169–179. DOI 10.24866/2311-2271/2018-2/169-179; EDN: XQXSJN
12. **Майбуров, И. А.** Теоретико-методологический конструктив индивидуального подоходного налогообложения: монография для магистрантов / И. А. Майбуров, Ю. Б. Иванов. — Москва : Юнити-Дана, 2021. — 327 с. EDN: VCFPAK
13. **Королева, Л. П.** Налогообложение собственности во Франции в контексте борьбы с имущественным неравенством / Л. И. Королева // Налоги и налогообложение — 2017. — № 8. — С. 55–65. DOI: 10.7256/2454-065X.2017.8.23902; EDN: ZFALXP
14. **Пугачев, А. А.** Трансформация имущественного налогообложения граждан как инструмент сокращения монетарного неравенства / А. А. Пугачев // Экономика. Профессия. Бизнес. — 2022. — № 2. — С. 78–85. DOI 10.14258/epb202225; EDN: LZYEOS
15. **Вылкова, Е. С.** Совершенствование налогообложения имущества физических лиц в Российской Федерации как инструмент уменьшения социального неравенства / Е. С. Вылкова // Экономика. Налоги. Право. — 2022. — Т. 15. — № 3. — С. 118–126. DOI: 10.26794/1999-849x-2022-15-3-118-126; EDN: DGVAER

Сведения об авторах:

Пугачев Андрей Александрович, к.э.н., доцент, научный сотрудник, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия.

Контактная информация: e-mail: andrjim@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7989-6353; РИНЦ AuthorID: 648080.

Чистякова Анастасия Алексеевна, стажёр-исследователь, магистрант, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия.

Контактная информация: e-mail: chistiakowa.asya@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3518-4984; РИНЦ AuthorID: 1141696.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.14

WEALTH INEQUALITY AND INTERGENERATIONAL MOBILITY IN RUSSIA: POSSIBILITIES OF TAX REGULATION

Andrey A. Pugachev*, Anastasia A. Chistyakova

*Yaroslavl State University
(14 Sovetskaya str., Yaroslavl, Russia, 150003)*

**E-mail: andrjim@yandex.ru*

Funding:

The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00365. URL: <https://rscf.ru/en/project/23-28-00365/>.

For citation:

Pugachev A. A., Chistyakova A. A. Wealth inequality and intergenerational mobility in Russia: possibilities of tax regulation. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 163-176. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.14 (in Russ.)

Abstract. *The economic inequality of people in Russia today is high. The decline in intergenerational mobility is determined by increasing concentration of capital. The purpose of the study is to examine the capabilities of taxes in smoothing the wealth inequality of Russians and strengthening the intergenerational mobility in the framework of assessing their relationship on the basis of the World Bank database. According to the results of the analysis, there was a decrease in the mobility between generations in Russia and emergence of the problem of consolidating the economic situation within family, which, if the present trends continue, will be intensifying. For generations born in the 1970s and 1980s, there was recorded a sharp increase in the relative indicator of immobility—the correlation coefficient between the duration of education of children and their parents, from 0.32 to 0.48. There is observed a decrease in the absolute indicators of mobility between generations—a decrease in the share of children who got a longer or higher education than their parents. The Great Gatsby Curve has been transformed in the coordinates of the concentration coefficient of net personal wealth and relative intergenerational mobility in education. Russia's position on the Great Gatsby Curve indicates aggravation of two related problems—consolidation of inequality and reduction of mobility between generations. To level the economic inequality in Russia, it is necessary to increase vertical mobility between generations. One of the traditional and effective ways of the state regulation of the polarization of personal assets and property of citizens is tax regulation. Today in Russia, property taxes do not help to smooth out the inequality. Personal income tax on donations and property taxes of citizens make in total about 1% of the tax revenues of the consolidated budget. Concentration of wealth in 10% of the most affluent Russians exceeded 74% in 2021. Progressive taxation of personal property, increased rates for owners of many real estate objects, «luxury tax», inheritance and gift tax, as well as capital taxation have prospects from the standpoint of smoothing wealth inequality and activating intergenerational mobility in Russia.*

Keywords: *intergenerational mobility, wealth inequality, income inequality, absolute mobility, relative mobility, Great Gatsby Curve, property taxation, inheritance tax.*

References and Internet sources

1. Ibragimova Z. F., Frants M. V. Neravenstvo vozmozhnostej: rol' prostranstvennogo faktora [Inequality of opportunities: the role of the spatial factor]. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*. 2020. Vol. 16. No. 4. P. 44–67. (in Russ.)
2. Kuznets S. Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*. Vol. 45. No. 1 (March 1955). P. 1–28.
3. Stiglitz J. *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York. 2012. 560 p.
4. Piketty T. *Kapital v 21 veke [Capital in the 21st Century]*. Transl. from English by Dunaev A. A. Moscow. AD Marginem Press. 2015. 592 p. (in Russ.)
5. Corak M. Do Poor Children Become Poor Adults? Lessons from a Cross Country Comparison of Generational Earnings Mobility. IZA Discussion Paper No. 1993. March 2006. 67 P.
6. Corak M. Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility. IZA Discussion Paper No. 7520. July 2013. 31 P.
7. Yastrebov G. Intergenerational Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia. Higher School of Economics. Basic Research Program. WP BRP 69/SOC/2016. 2016. 32 p.

8. Roshchina Ya. Intergeneration educational mobility in Russia and the USSR. The Asian Conference on Education. The International Academic Forum. Official Conference Proceedings. 2012. P. 1406–1426.
9. Van der Weide R., Lakner Ch., Mahler D.G., Narayan A., Ramasubbaiah R. Intergenerational Mobility around the World. Policy Research Working Paper No. 9707. 2021. Available at: <http://hdl.handle.net/10986/35827>. (Accessed: 17 May 2023)
10. Shevyakov A. Yu. Sotsial'noje neravenstvo: tormoz ekonomicheskogo i demograficheskogo rosta [Social inequality: hindrance for economic and demographic growth]. Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2010. No. 5. P. 38–52. (in Russ.)
11. Pushkareva V.M. Evolyutsiya vzglyadov na nalog s nasledstva i yego budushhee v sovremennoj Rossii [Evolution of views on inheritance tax and its future in modern Russia]. Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie. [*The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*]. 2018. No. 2(86). P. 169–179. (in Russ.)
12. Maiburov I.A., Ivanov Yu. B. Teoretiko-metodologicheskij konstruktiv individual'nogo podokhodnogo nalogooblozheniya: monografiya dlya magistrantov [*Theoretical and Methodological Constructive of Individual Income Taxation: Monograph for Master Students*]. Moscow. Unity-Dana. 2021. 327 p. (in Russ.)
13. Koroleva L.P. Property Nalogooblozhenie sobstvennosti vo Frantsii v kontekste bor'by s imushchestvennym neravenstvom [Property taxation in France as a reducing wealth inequality tool]. Nalogi i nalogooblozhenije [*Taxes and Taxation*]. 2017. No. 8. P. 55–65. (in Russ.)
14. Pugachev A.A. Transformatsiya imushchestvennogo nalogooblozheniya grazhdan kak instrument sokrashcheniya monetarnogo neravenstva [Transformation of property taxation as a tool to reduce the monetary inequality of citizens]. Ekonomika. Professiya. Biznes. [*Economics. Profession. Business*]. 2022. No. 2. P. 78–85. (in Russ.)
15. Vylkova E.S. Sovershenstvovanie nalogooblozheniya imushchestva fizicheskikh lits v Rossijskoj Federatsii kak instrument umen'sheniya sotsial'nogo neravenstva [Improving the taxation of the property of individuals in the Russian Federation as a tool to reduce social inequality]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [*Economy. Taxes. Law*]. 2022. No. 15(3). P. 118–126. (in Russ.)

Information about the authors:

Pugachev Andrey Alexandrovich, Candidate of Economics, Associate Professor, Researcher, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

Contact information: e-mail: andrjim@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7989-6353; Elibrary AuthorID: 648080.

Chistyakova Anastasia Alekseevna, Trainee Researcher, Master's Student, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

Contact information: e-mail: chistiakowa.asya@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3518-4984; Elibrary AuthorID: 1141696.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.15
EDN: RUZYUH

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ РОССИИ

Тимаков И. В.

Институт экономики Карельского научного центра РАН
(185030, Россия, Петрозаводск, проспект А. Невского, 50)

E-mail: ivanvseti@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Для цитирования:

Тимаков И. В. Экономическая доступность лекарственных средств для домохозяйств России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 4. – С. 177-189. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.15; EDN: RUZYUH

Аннотация. Статья посвящена изучению доступности медикаментов для российских семей и её влиянию на благосостояние населения. Возможность приобретения медикаментов зависит от рыночных условий и государственных гарантий по бесплатному обеспечению лекарствами. Отказ от медикаментозного лечения сокращает охват услугами здравоохранения и снижает качество медицинской помощи. Оценка потребления медикаментов в РФ основана на микроэкономических данных общенациональных опросов «Russia Longitudinal Monitoring survey, RLMS-HSE»¹ и показателях фармацевтического рынка DSM-Group. Для оценки влияния фармацевтических расходов на бедность, после вычета расходов на медикаменты, рассчитаны располагаемые денежные доходы на члена семьи с учётом границы бедности. Более 2/3 медикаментов в РФ приобретаются домохозяйствами на коммерческом рынке. По данным исследования, каждое пятое домохозяйство оказалось под угрозой бедности за счёт расходов на медикаменты. Риск бедности из-за фармацевтических расходов высок в малообеспеченных семьях. Платежи за медикаменты увеличивают количество семей с медицинскими расходами из собственного кармана в 5 раз. Катастрофичность расходов на медикаменты по критериям всеобщего охвата услугами здравоохранения (ВОУЗ) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 2021 г. достигла минимальных значений. Семьи, тратившие на медикаменты больше 100% доходов, отсутствовали, а больше четверти доходов потратили только 1,2% семей. Каждая двадцатая семья отказывалась от покупки лекарств хотя бы раз в течение года. В группах, где расходы на медикаменты превышали уровень в 10% доходов, отказы наблюдались в каждой десятой семье, а при преодолении барьера в 25%, почти в каждой пятой. Таким образом, рост цен и расходов на медикаменты вынуждает российские семьи экономить на лекарствах и на своём здоровье. В заключении даны рекомендации по расширению доступности лекарственных средств для российских семей.

Ключевые слова: лекарственное средство (ЛС), здравоохранение, всеобщий охват услугами здравоохранения (ВОУЗ), доступность, катастрофические расходы на здравоохранение.

© Тимаков И. В., 2023.

¹ HSE (nd) Russia longitudinal monitoring survey, RLMS-HSE. – URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>, <https://www.hse.ru/org/hse/rlms> (дата обращения: 01.06.2023) – далее RLMS-HSE.

Введение

Политика государства в области охраны здоровья формируется с учётом возможностей российского фармацевтического рынка по обеспечению пациентов необходимыми лекарственными препаратами и медикаментами. Проблема лекарственного обеспечения населения является приоритетом действий Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ-WHO). Реализация права на здоровье невозможна без обеспечения доступности лекарственных средств (ЛС) в рамках всеобщего охвата населения услугами здравоохранения (ВОУЗ). Соблюдая право человека на здоровье, национальные правительства обязаны обеспечивать доступность ЛС прежде всего для наиболее уязвимых групп населения². Бедные и уязвимые слои населения лишаются возможности приобретения основных ЛС в случае высоких цен на лекарства, отсутствия субсидий, наличных платежей и высокого уровня неравенства в обеспечении ЛС.

Проведение эффективной национальной лекарственной политики, представляющей набор мер по обеспечению населения доступными, безопасными и эффективными ЛС, является основой для ВОУЗ. Доступность ЛС — это возможность приобрести необходимое количество лекарственного препарата в различных формах, не испытывая при этом чрезмерных трудностей [1]. ВОЗ в качестве основы концепции национальной лекарственной политики рекомендует использование национальных перечней основных важнейших лекарственных препаратов, отвечающих приоритетным потребностям здравоохранения [2]. В качестве политики обеспечения доступности предлагается продвижение непатентованных ЛС и формирование альтернативных механизмов финансирования [3].

В РФ правовые гарантии лекарственного обеспечения реализуются посредством административно-правовых программ лекарственного обеспечения и государствен-

ного регулирования цен на лекарственные препараты. Политика регулирования цен на основные ЛС осуществляется через формирование перечней жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП) [4]. Перечень ЖНВЛП охватывает лекарственное обеспечение практически всех видов медицинской помощи, предоставляемой гражданам РФ в рамках государственных гарантий. Объём бесплатной помощи государство устанавливает самостоятельно в процессе согласования своих обязательств перед пациентами с доступными финансовыми ресурсами [5].

При этом далеко не все граждане РФ, имеющие право на бесплатное льготное обеспечение лекарствами, знают и реализуют своё право. Прозрачность государственных гарантий является решающим фактором при реализации права на бесплатную помощь [5]. Ещё меньшее количество готово защищать свои права в рамках судебной системы [6]. Ограниченность льготного лекарственного обеспечения (ЛЛЮ) и существующая практика правового регулирования перераспределяют финансовую нагрузку приобретения ЛС на бюджеты домашних хозяйств РФ. Если лекарство недоступно в государственном секторе, пациент вынужден приобретать его на коммерческом рынке с использованием личных средств [3].

В случае хронических неинфекционных заболеваний, спрос на ЛС может сохраняться на протяжении жизни. Регулярные платежи из кармана за дорогостоящие ЛС оказывают влияние на структуру расходов домохозяйства. Для обеспечения доступности ЛС правительства ставят задачу по регулированию частных расходов на медикаменты, т.к. недоступность ЛС проявляется в форме отказа от их приобретения [7]. Отсутствие бесплатных или дешёвых альтернатив у дорогостоящих оригинальных препаратов при неэластичном спросе ведёт к катастрофическим расходам домохозяйств на здравоохранение. Катастрофические расходы в здравоохранении являются одной из ключевых угроз, выделяемых в рамках рекомендаций ВОЗ для национальных правительств. Поэтому наличие на рынке де-

² ВОЗ. Повышение доступности медицинских технологий и инноваций. 2-е изд., испр. — Женева, Швейцария: World Intellectual Property Organization (WIPO), 2020. — 440 с. DOI: 10.34667/tind.44346.

шёвых альтернатив оригинальным лекарственным препаратам является важным фактором доступности ЛС [8–10].

В рамках российской программы обязательного медицинского страхования (ОМС) бесплатное покрытие включает медикаменты в условиях стационаров и при оказании скорой и неотложной медицинской помощи. Пациенты рассчитывают на свой кошелёк при покупке ЛС на коммерческом рынке, за исключением случаев экстренной медицинской помощи или госпитализации, а также по программам ЛЛО. Инфляционное давление и кризис, связанный с пандемией, вызывают рост расходов населения на лекарственные препараты. В РФ проблема осложняется зависимостью страны от импорта медикаментов и слабости российского фармацевтического производства оригинальных ЛС. Изменение структуры потребления домохозяйств, связанное с удорожанием большинства товаров и услуг, увеличивает долю расходов домохозяйств на фармацевтическую продукцию. В структуре потребления медикаменты являются предметом первой необходимости, что ставит под угрозу благополучие малообеспеченных семей. Среди них значительную долю составляют безрецептурные препараты и парафармацевтика³. Расходы на ЛС оказывают наибольшее влияние на бюджеты домохозяйств, когда пациент вынужден одновременно выкупать требуемое ЛС на рыночных условиях. Отказ от приобретения означает отказ пациента от медикаментозного лечения и нарушение схемы лечения, предписанной врачом. Таким образом, доступность основных ЛС и финансовая защищённость российских домохозяйств являются важными факторами устойчивости российского здравоохранения.

Материалы и методы

Цель работы — изучение экономической доступности ЛС для домохозяйств и её влияния на благосостояние российского на-

³ DSM Group и др. Фармацевтический рынок России 2021. Ежегодный отчет 2014–2021 гг. // Москва : DSM Group, 2021. — URL: <https://dsm.ru/news-reports/?category=13> (дата обращения: 23.10.2022). — далее DSM Group.

селения. Доступность ЛС — возможность их приобретения в соответствии с терапевтическими показаниями для всех пациентов. Оценка доступности основана на доле расходов от суммарного дохода домохозяйства. Терапевтические показания определяются в соответствии с государственными гарантиями медицинской помощи. Оказание медицинской помощи в РФ зависит от государственного обеспечения, 2/3 которого приобретает домохозяйствами на коммерческом рынке. Отказ от медикаментозного лечения в рамках необходимой медицинской помощи сокращает охват услугами здравоохранения и снижает качество гарантированного государством лечения.

Оценка потребления медикаментов в РФ основана на микроэкономических данных общенациональных опросов RLMS-HSE и показателях фармацевтического рынка DSM-Group⁴. Анализ доли расходов через величину дохода исходит из допущения, что доходы формируют весь объём расходов за анализируемый период. Доля расходов на медикаменты в общем объёме доходов рассчитывалась по каждому домохозяйству, имеющему соответствующие траты, включая витамины и другие медикаменты. Проведено сравнение полученных расходов на медикаменты в РФ с результатами международных исследований в предыдущие годы. Для контроля и сравнения полученных результатов рассчитано среднее значение ежемесячных расходов российского до-

⁴ Результаты опроса RLMS-HSE были проверены и доступны на момент исследования. Опрос RLMS-HSE построен на выборке жилищ, которые репрезентируют все население РФ, в момент его проведения. Обследованная совокупность домохозяйств взвешена по возрасту, полу и типу поселения. Использованы данные с 2012 по 2021 гг. (21–30 волны) обследования из репрезентативной выборки. Среди первичных данных использованы данные о доходах и расходах российских домохозяйств. Расходы не возмещаются какой-либо третьей стороной. Результаты были получены для домохозяйств, имеющих расходы на медикаменты, с учётом периода в 30 дней, по ежегодным опросам за 10 лет. В качестве средних значений расходов на медикаменты в год проведения опроса были выбраны медианы расходов за 30 дней. Данные о расходах респондентов были скорректированы с учётом среднего номинального курса ЦБ РФ с начала года для приведения значений расходов к долларам США. Использование долларов США позволяет сопоставлять получившиеся значения с удельными расходами на медикаменты в других странах, а также исключить резкие колебания курса национальной валюты.

мохозяйства на основе данных маркетингового агентства DSM-Group об объёме продаж в коммерческом секторе российского фармацевтического рынка. Данные о среднем размере домохозяйства получены из всероссийской переписи населения (ВПН) в РФ. С учётом того, что не все домохозяйства тратят средства на лекарства, доля домохозяйств с расходами на медикаменты в расчётах по фармацевтическому рынку принята на основе результатов обследований RLMS-HSE.

Показатели доступа к основным ЛС ВОУЗ отражают степень, в которой нуждающиеся люди получают необходимые медикаменты без катастрофических расходов. Катастрофические расходы лишают домохозяйства средств для нормального существования. Методика ВОЗ Health Action International оценивает экономическую доступность для групп ЛС [11]⁵. Показатель целей устойчивого развития ООН (ЦУР) 3.8.2 определяет катастрофические расходы на здравоохранение, как личные расходы на здравоохранение, превышающие 10% и 25% бюджета домохозяйства (общее потребление или доход)⁶. Поскольку расходы на медикаменты в РФ составляют основную долю «расходов из кармана» на здравоохранение, то в качестве пороговых значений были приняты значения доли расходов, превышающей 10%, 25% и 40% от дохода домохозяйства. По группам пороговых значений оценивается доля отказов от медикаментов из-за нехватки средств, что способствует нарушениям медикаментозного лечения пациентов.

Для оценки влияния фармацевтических расходов на бедность в РФ, для домохозяйств в выборке RLMS-HSE рассчитано число оставшихся прожиточных минимумов (ПМ) на члена семьи после вычета расходов на медикаменты. Прожиточный минимум в РФ до 2021 г. устанавливался в качестве нормативной границы бедности. Для

подушевого расчёта использована средняя величина ПМ за год, установленная для всего населения РФ. Домохозяйства, попавшие в группу с менее чем одним ПМ на человека, рискуют оказаться за чертой бедности благодаря только расходам на медикаменты.

Результаты

В результате исследования почти 77% опрошенных семей тратили в 2021 г. собственные средства на покупку медикаментов. Доля семей с аналогичными расходами в 2011 г. была меньше на 9 процентных пунктов (п.п.). Коэффициент корреляции Пирсона расходов домохозяйств на здравоохранение с расходами на медикаменты составил 0,99. Включение медикаментов увеличивает долю домохозяйств с личными тратами на здравоохранение более чем в 5 раз. Траты из собственного кармана отражают расходы домохозяйств на приобретение рецептурных и безрецептурных лекарственных препаратов, а также других медицинских средств.

Среднее значение расходов российских домохозяйств на медикаменты в рублях выросло с 2013 по 2021 г. в 1,5 раза, медианное — с 12 тыс. рублей в 2014 г. до 18 тыс. рублей в 2021 г. (табл. 1). Рост цен на лекарства содействует увеличению расходов. При этом объём потребления ЛС в упаковках на российском рынке менялся незначительно. По данным фармацевтического рынка DSM-group динамика индекса розничных цен на ЛС не превышала индекса потребительских цен Росстата. При этом с 2013 г. цены на препараты списка ЖНВЛП выросли в 3,3 раза меньше, чем на препараты, не входящие в список ЖНВЛП. За счёт препаратов с нерегулируемыми ценами и парафармацевтики участники фармацевтического рынка компенсируют ограниченный доход по препаратам из списка ЖНВЛП.

Розничные цены на локализованные лекарственные препараты под влиянием спроса росли быстрее цен импорта. Доля локализованных препаратов в общем объёме рынка значительно увеличилась к 2021 году. Изменение курса рубля с 2014 г. оказыва-

⁵ WHO/HAI. Measuring Medicine Prices, Availability, Affordability and Price Components. – Geneva: WHO and HAI, 2008. – URL: <https://www.who.int/publications/i/item/WHO-PSM-PAR-2008.3> (дата обращения: 23.10.2022).

⁶ WHO et al. Primary health care on the road to universal health coverage: 2019 global monitoring report. – 2021. – URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/328913> (дата обращения: 23.10.2022).

ет влияние на стоимость всех лекарственных препаратов. Медианное значение расходов на медикаменты за тот же период изменялось в диапазоне 377–250 долларов США в год (табл. 1). В долларах США среднее значение годовых расходов российских домохозяйств на медикаменты к 2021 г. снизилось более чем на 30%. Данные по российскому фармацевтическому рынку DSM-group показывают рост оборота рынка в рублях в 2 раза, как и удельных расходов домохозяйств. Средние значения, рассчитанные

на основе данных DSM-group, на 16% превышают результаты, полученные в рамках обследований RLMS-HSE (табл. 1). Эти различия объясняются особенностями формирования выборки и отсутствия нормального распределения значений расходов на медикаменты в обследованиях RLMS-HSE. Структура расходов бедных домохозяйств позволяет удовлетворять только основной набор потребностей, и даже небольшие дополнительные выплаты могут стать причиной финансовых затруднений.

Таблица 1

Средние расходы российских домохозяйств на медикаменты

Table 1

Average spending of Russian households on medicines

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Расходы на медикаменты по результатам обследования RLMS-HSE домохозяйств РФ										
Среднее за 30 дней, рублей	1576	1567	1786	1945	2046	2168	2117	2124	2276	2374
Медиана за 30 дней, рублей	1000	1000	1000	1265	1500	1500	1350	1500	1500	1500
Среднее за год, рублей	18915	18800	21432	23341	24554	26021	25406	25488	27307	28491
Медиана за год, рублей	12000	12000	12000	15180	18000	18000	16200	18000	18000	18000
Медиана за месяц, \$ США на семью	26	32	31	26	21	22	26	22	23	21
Среднее за месяц, \$ США на семью	51	49	47	32	31	37	34	33	32	32
Медиана за год, \$ США на семью	307	386	377	316	250	269	309	259	278	250
Среднее за год, \$ США на семью	609	591	564	385	367	446	406	394	380	387
Среднее потребление медикаментов домохозяйствами РФ, рассчитанное по данным DSM-group										
Ёмкость рынка (ЛП+ПФ), млн рублей в месяц	57167	64833	80750	85775	93517	99083	102583	106833	117167	121250
Число домохозяйств с расходами на медикаменты, млн штук	38,50	39,86	40,17	40,11	41,71	40,69	40,72	42,20	43,43	42,68
За месяц на коммерческом рынке (ЛП+ПФ), рублей на семью	1485	1626	2010	2138	2242	2435	2519	2531	2698	2841
За месяц на коммерческом рынке (ЛП+ПФ), \$ США на семью	48	51	53	35	34	42	40	39	37	39
За год на коммерческом рынке (ЛП+ПФ), \$ США на семью	574	613	635	423	402	501	483	469	450	463

Источник: расчёт автора на основе данных RLMS-HSE и DSM-group.

Лекарственное обеспечение за счёт собственных средств создаёт угрозу благополучию домохозяйства, если на каждого члена семьи после расходов на медикаменты остаётся менее одного прожиточного минимума (ПМ) на потребление. Домохозяйства рискуют оказаться за чертой бедности благодаря только расходам на медикаменты, которые необходимы для лечения заболевшего члена семьи. Такое домохозяйство окажется перед выбором между медикаментами и минимальным набором потребления. По данным RLMS-HSE в 2021 г. менее 1 прожиточного минимума (ПМ) на члена семьи после расходов на медикаменты оставалось у 19,7% домохозяйств (табл. 2). В 2015–2016 гг. значение показателя выросло до 25%, после чего вернулось к зна-

чению 2012 года. Каждое пятое домохозяйство из выборки оказалось под угрозой бедности в т.ч. из-за расходов на медикаменты. Но, наиболее катастрофическая ситуация складывается в семьях, где остаётся менее ½ от ПМ после приобретения медикаментов (5,5% в 2021 г.). Величина прожиточного минимума в регионах РФ различна. В регионах со значением ПМ выше среднего по РФ в категорию риска могут попадать семьи из группы с подушевым доходом в 1–1,5 ПМ (10,8–12,5%). Проблема осложняется, если приобретение необходимых медикаментов связано с хроническими состояниями членов домохозяйства, когда ЛС принимаются на постоянной основе или длительными курсами в несколько месяцев.

Таблица 2

Влияния фармацевтических расходов на бедность, %

Table 2

The impact of pharmaceutical spending on poverty, %

Прожиточных минимумов на члена семьи остаётся после покупки лекарств	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
0–0,5 ПМ	6,6	6,9	6,8	8,3	8,4	8,4	7,4	7,6	8,3	5,5
0,5–1 ПМ	13,2	14,2	15,3	16,5	16,2	15,0	15,7	16,0	16,0	14,2
1–1,5 ПМ	10,8	11,8	11,9	12,3	12,9	12,2	11,8	12,1	12,5	12,5
1,5–2 ПМ	8,8	8,7	8,3	8,3	8,6	8,8	8,2	8,5	9,1	9,0
Больше 2 ПМ	30,1	30,4	30,2	27,1	29,2	29,1	30,5	32,3	32,5	35,9
Менее 1 ПМ	19,8	21,1	22,1	24,8	24,5	23,4	23,1	23,5	24,3	19,7
Не покупали лекарств или нет ответа	30,5	28,0	27,5	27,6	24,7	26,5	26,5	23,6	21,6	23,0

Источник: расчёты автора на основе данных RLMS-HSE.

Превышение расходов на медикаменты пороговых значений ВОУЗ (показатель 3.8.2 ЦУР) в 10% и 25% ограничивает потребление и вызывает финансовые затруднения домохозяйства. Исследования развивающихся рынков устанавливают пороговые значения катастрофических расходов на здравоохранение, превышающих 40% дохода [12].

Представленные значения показателя катастрофических расходов учитывают расходы на медикаменты, а не на здравоохранение в целом. Тем не менее, расчёт по выборке RLMS-HSE даёт большую долю домо-

хозяйств с катастрофическими расходами, чем мониторинг Глобальной обсерватории здравоохранения ВОЗ. Наибольшее число российских домохозяйств, преодолевших катастрофический барьер в 40% расходов бюджета на ЛС, наблюдается в группе с наименьшими доходами. Доля домохозяйств с катастрофическими расходами (более 40%) за 11 лет составляет 0,4–1,1% (среднее 0,6%). Группа, расходующая на лекарства больше 25% дохода: 1,2–2,6% (среднее 2%) семей, с расходами на медикаменты больше 10%: 9,3–13,4% (среднее 12%) (табл. 3).

Таблица 3
 Домохозяйства с расходами на медикаменты более 10, 25, 40, 100% доходов, %

Table 3

Households spending on medicines more than 10%, 25%, 40%, 100% of income, %

Доля расходов на медикаменты		2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация, RLMS-HSE	больше 10%	9,3	11,3	10,5	12,1	12,0	13,4	13,2	12,7	12,1	13	10,7
	больше 25%	1,6	2,2	2,0	2,4	1,7	1,9	2,6	2,1	1,9	2,0	1,2
	больше 40%	0,5	0,7	0,5	0,6	0,6	0,5	1,1	0,7	0,5	0,6	0,4
	больше 100%	0,14	0,03	0,05	0,04	0,06	0,04	0,06	0,10	0,09	0,04	0
Население, у которого расходы домохозяйств на здравоохранение превышают 10% или 25% от общих расходов или доходов домохозяйств (показатель ЦУР 3.8.2) по данным ВОЗ*												
Российская Федерация	больше 10%	3,91	3,05	4,84	4,87	-	-	-	-	7,2	-	-
	больше 25%	0,5	0,17	0,66	0,6	-	-	-	-	1,3	-	-
Европа	больше 10%	-	-	-	-	7,28	-	7,54	-	-	-	-
	больше 25%	-	-	-	-	1,05	-	1,14	-	-	-	-
Казахстан	больше 10%	1,83	1,91	1,81	1,93	2,54	-	2,84	2,61	2,91	3,43	-
	больше 25%	0,03	0,08	0,07	0,08	0,12	-	0,12	0,13	0,1	0,27	-
Беларусь	больше 10%	4,63	5,73	7,02	6,47	8,32	9,53	10,2	9,99	9,33	13,5	-
	больше 25%	0,35	0,23	0,52	0,36	0,55	0,61	0,66	0,46	0,58	0,59	-
Украина	больше 10%	7,01	7,69	7,21	7,76	7,13	8,93	7,3	7,78	-	-	-
	больше 25%	0,9	1,04	1,07	0,85	0,63	1,31	1,05	1,23	-	-	-
Польша	больше 10%	13,9	13,93	13,29	13,54	14,77	15,04	15,51	14,35	14,86	15,24	-
	больше 25%	1,42	1,61	1,36	1,41	1,73	1,61	1,76	1,67	1,67	1,73	-
Израиль	больше 10%	11,18	10,58	10,84	-	11,63	-	11,84	-	-	-	-
	больше 25%	1,86	1,79	1,94	-	1,84	-	2,34	-	-	-	-
Япония	больше 10%	9,2	9,3	9,1	9,1	9,2	9,4	9,6	9,7	10,5	10,9	-
	больше 25%	1,6	1,7	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6	1,7	1,9	1,8	-

*«-» обозначает отсутствие данных за указанный период.

Источник: таблица построена на основе данных RLMS-HSE и The Global Health Observatory WHO.

Показатель ЦУР 3.8.2 для РФ близок к значениям по региону Европа. Сравнение с постсоветскими странами отражает невысокую долю катастрофических расходов на здравоохранение в РФ. Такие постсоветские страны, как Грузия, Армения, Молдавия имеют значительно превосходящую долю населения с катастрофическими расходами на здравоохранение. Ряд стран Восточной Европы, таких как Польша, Латвия, столкнулись с дополнительными наличными платежами населения в рамках страховых систем. Рассчитанная по выборке RLMS-HSE доля домохозяйств с расходами на медикаменты более 10% доходов, соответствует значениям ЦУР 3.8.2 мониторинга ВОЗ в та-

ких странах как Польша и Израиль. Наиболее катастрофические расходы на медикаменты более 40% и 100% дохода по выборке RLMS-HSE наблюдались у небольшого числа российских домохозяйств.

Платежи из собственного кармана вынуждают малообеспеченных пациентов экономить, не соблюдая рекомендации врача. Стоимость курса лечения зависит от его продолжительности и правил применения ЛС. Пациенты не всегда выполняют предписания и, в случае отсутствия финансовых средств, отказываются от приобретения ЛС. В рамках опроса RLMS-HSE респонденты отмечали невозможность купить необходимые лекарства из-за отсутствия де-

нег. За период восьми лет от 5,04% до 7,27% респондентов отмечали случаи невозможности приобретения ЛС из-за финансовых затруднений (табл. 4). Рост доли респондентов с финансовыми затруднениями наблюдался в 2020 г., когда в результате пандемии COVID-19 спрос на некоторые группы лекарственных препаратов достигал рекорд-

ных значений, что способствовало дефициту лекарств и росту цен. В 2021 г. наименьшее за исследуемый период число домохозяйств (5%) испытывало затруднения из-за отсутствия денег на лекарства, т.е. каждая двадцатая семья в России по данным RLMS-HSE отказывалась от лекарств хотя бы раз в течение года.

Таблица 4

Финансовая недоступность ЛС для домохозяйств РФ (член семьи не смог купить необходимые лекарства только из-за нехватки денег за последние 12 месяцев), %

Table 4

Financial unaffordability of medicines for households in the Russian Federation (a family member could not buy necessary medicines only because of lack of money in the past 12 months), %

Вариант ответа	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Доля семей, отказавшихся от необходимых ЛС из-за финансовых трудностей в течение года								
Да, было	5,93	6,27	6,60	5,97	6,36	5,77	7,27	5,04
Нет, не было	82,29	83,26	85,03	85,23	86,77	87,78	84,68	87,35
Нужды не было	11,56	10,12	7,96	8,38	6,65	6,21	7,00	7,36
Затруднились ответить	0,23	0,35	0,41	0,41	0,21	0,24	1,06	0,25
Процент отказов от приобретения ЛС из-за нехватки денег по группам домохозяйств с расходами на медикаменты								
Больше 10% доходов	15,0	11,9	12,5	14,2	12,4	13,0	16,5	9,3
Больше 25% доходов	22,6	17,3	21,7	18,0	19,0	20,7	27,4	18,6
Больше 40% доходов	32,3	17,2	30,8	15,7	20,6	19,2	24,1	22,2

Источник: данные RLMS-HSE.

По группам респондентов с различными расходами на медикаменты проведено сравнение доли семей, отказавшихся от приобретения необходимых лекарств за прошедший год. Чем больше влияние расходов на медикаменты на семейный бюджет, тем выше число семей с отказами. В 2021 г. 9,3% семей отказались от покупки лекарств в группе с расходами более 10% бюджета. В менее обеспеченных семьях с большей долей расходов, число семей с отказами увеличивается более чем в 1,5 раза. Среди семей с расходами на медикаменты более 25% в 2020 г каждое четвертое домохозяйство в течение года хотя бы раз отказывалось от приобретения необходимых лекарств. Пандемия COVID-19 неблагоприятно сказалась на доступности лекарств.

Обсуждение

Проблема недоступности лекарств из-за финансовых затруднений не только в сопутствующих рисках роста смертности в наименее обеспеченных группах российских домохозяйств. Растут расходы, связанные с оказанием экстренной помощи в случаях резкого обострения хронических заболеваний. Регулярное несоблюдение схемы медикаментозного лечения способствует возникновению нарушений в работе органов человека, что повышает число госпитализаций и затрат на вынужденные и дорогостоящие процедуры. В итоге растёт финансовая нагрузка на бюджеты российской системы здравоохранения.

Согласно международным сравнениям Комиссии Lancet по политике основных ЛС, Россия относится к группе стран с уровнем дохода выше среднего, где средние подушевые фармацевтические расходы в 2010 г. превышали 106 долларов США [13]. Расчёты по данным RLMS-HSE за 2011 г. показывают подушевые фармацевтические расходы: средние — 205 долларов США, медианные — 119 долларов США. К 2021 г. Россия оставалась в этой группе со средними расходами — 147 долларов США, медианными — 93 долларов США. Российские семьи тратят на ЛС значительно больше, чем минимально необходимые 25 долларов США на душу населения, рассчитанные для финансирования базового набора из 201 основного ЛС в 378 лекарственных формах из модели Комиссии Lancet [13]. Это означает наличие финансовых ресурсов для обеспечения равного и справедливого доступа к основным ЛС внутри РФ.

Сопоставимые расходы российских домохозяйств на медикаменты в долларах США постепенно снижались. К 2021 г. расходы семей достигли уровня 2016 г., но их влияние на уровень бедности в 2015–2016 гг. было максимальным, затронув каждое четвертое домохозяйство. К 2021 г. доля домохозяйств с остаточным подушевым доходом менее 1 ПМ затрагивала уже каждую пятую семью, вернувшись к значениям 2012 года. Катастрофичность расходов на медикаменты по критериям ВОУЗ в 2021 г. также оказалась минимальной. Семьи, тратившие на медикаменты больше 100% доходов, отсутствовали, а больше четверти доходов потратили только 1,2% семей. Тем не менее, наличные платежи за медикаменты являются фактором, усугубляющим бедность, и увеличивают количество семей с медицинскими расходами в 5 раз.

Финансовая недоступность вынуждает пациентов отказываться от лекарств. Обследование RLMS-HSE позволило на основе единой выборки оценить значение фармацевтических расходов в бюджетах домохозяйств и количество семей с отказами от лекарств из-за финансовых затруднений. Больше всего семей (7,3%) хотя бы раз отка-

зались от приобретения лекарств в 2020 г., в период пандемии COVID-19, когда спрос на отдельные группы ЛС был максимальным. В 2021 г. это значение было наименьшим (5%).

В группах, где расходы на медикаменты превышали уровень в 10% доходов, отказы наблюдались уже в каждой десятой семье, а при преодолении барьера в 25%, почти в каждой пятой. Таким образом, превышение катастрофических нормативов ВОЗ российскими семьями применительно к расходам на медикаментыкратно увеличивает долю семей, экономящих на лекарствах и на своём здоровье. Реформирование системы лекарственного обеспечения становится одним из основных направлений снижения угрозы катастрофических расходов в здравоохранении РФ и достижении целей доступности и всеобщего охвата услугами здравоохранения.

Заключение

Реализация всеобщего и справедливого доступа к медикаментам в РФ требует перенаправления и расширения финансовых ресурсов, повышения эффективности расходов на медикаменты. В качестве наиболее вероятного источника расширения финансирования представляются бюджетная система РФ и государственные резервные фонды, ресурсы которых могут быть использованы для частичного или полного софинансирования лекарственного обеспечения независимо от категорий населения. В данном контексте государственное софинансирование обеспечивает лечение наиболее значимых болезней для всех граждан РФ, включая хроническое течение болезни и независимо от их материального положения.

Средние расходы на медикаменты скрывают неравенство между группами населения. Ограниченное финансирование в системе медицинского страхования способствует платежам из кармана в дополнение к предоплаченному за счет страховых взносов набору услуг системы ОМС. Это происходит даже в странах с высоким уровнем до-

ходов. С этим связаны и более высокие значения показателя ЦУР 3.8.2 для более благополучных стран Европы.

В 2021 г. расходы государства и внебюджетных фондов на здравоохранение составили 3,9% ВВП РФ. Это значительно меньше, чем тратят страны со страховыми системами здравоохранения. В 2013 г. расходы на фармацевтику и здравоохранение в РФ были максимальны за 10 лет. Изменения в российской экономике после 2014 г. преобразовали фармацевтический рынок. К 2021 г. государственный сегмент вырос до 37% ёмкости рынка. Увеличение государственного финансирования ЛЛО не меняет ситуацию, когда 2/3 расходов на фармацевтическую продукцию осуществляется из кармана населения. Такая ситуация характерна для стран с невысокими доходами.

Российская модель здравоохранения предоставляет гарантии медицинской помощи, которые лишь частично затрагивают лекарственное обеспечение. Выбор льготизируемых категорий населения не исключает домохозяйства с катастрофическими расходами, отказывающихся от приобретения лекарств. Необходимо либо снизить стоимостный порог приобретения медикаментов, либо гарантировать их бесплатное получение в рамках действующей системы государственных гарантий здравоохранения.

Правительство РФ регулирует цены на ЛС по списку ЖНВЛП и локализует производство дешёвых дженериковых лекарственных препаратов. Однако обеспечить ценовую доступность исключительно за счет ограничения дохода производителя невозможно, особенно в случае с патентованными импортными препаратами. Государственная гарантия доступности ЛС для любого российского пациента должна быть основана на частичном или полном покрытии стоимости наиболее важных и дорогостоящих препаратов, государственного обеспечения корзины основных лекарственных средств для каждого пациента.

В условиях санкционного давления такой подход снижает риск дефицита или резкого роста цены ЛС для пациента в условиях неблагоприятного изменения курсов иностранных валют. Широкое включение ЛС в состав программы ОМС позволит пациентам получить медикаменты в аптеках бесплатно по рецепту врача или на условиях частичного софинансирования. Повышение доступности ЛС улучшит лечение хронических патологий в условиях амбулаторного звена без дополнительных затрат на вынужденные госпитализации и экстренную медицинскую помощь.

Литература и Интернет-источники

1. **Kessides, I.** Toward Defining And Measuring The Affordability Of Public Utility Services / I. Kessides, R. Miniaci, C. Scarpa, P. Valbonesi // Policy Research Working Papers — 2009. — P. 3. DOI: 10.1596/1813-9450-4915
2. **Мешковский, А. П.** О проблемах лекарственного обеспечения населения / А. П. Мешковский // Медицинские технологии оценка и выбор. — 2015. — № 3. — С. 21-33. EDN: UMRARX
3. **Cameron, A.** Medicine prices, availability, and affordability in 36 developing and middle-income countries: a secondary analysis / A. Cameron, M. Ewen, D. Ross-Degnan, D. Ball, R. Laing // Lancet. — 2009. — № 373. — С. 240-49. DOI: 10.1016/S0140-6736(08)61762-6
4. **Шашкова, Г. В.** Международные непатентованные наименования как основа формирования ограничительных перечней лекарственных препаратов / Г. В. Шашкова // Ведомости НЦЭСМП. — 2012. — № 1. — С. 38-41. EDN: RWVTNH
5. **Дайхес, А. Н.** Обзор российских и зарубежных подходов к формированию государственных гарантий бесплатной медицинской помощи / А. Н. Дайхес, Д. В. Федяев // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. — 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 59-65. DOI: 10.17749/2070-4909.2017.10.3.059-065; EDN: ZTUQAJ

6. **Орлов, К. О.** Проблемы реализации прав граждан в сфере лекарственного обеспечения / К. О. Орлов // Социально-политические науки. — 2018. — № 3. — С. 124–126. EDN: XSRPUD
7. **Зарубина, О. А.** Факторы и значение частных расходов в здравоохранении / О. А. Зарубина, Н. Н. Сисигина // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. — 2016. — № 4. — С. 24–30. EDN: VWVSVE
8. **Никитина, А. В.** Оптимизация лекарственного обеспечения пациентов со злокачественными новообразованиями на уровне субъекта Российской Федерации / А. В. Никитина, Ф. В. Горкавенко, Е. С. Сайбель [и др.] // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. — 2019. — Т. 12. — № 4. — С. 300–308. DOI: 10.17749/2070-4909.2019.12.4.300-309; EDN: TJFFGC
9. **Alpern, J. D.** Trends in Pricing and Generic Competition Within the Oral Antibiotic Drug Market in the United States / J. D. Alpern, L. Zhang, W. M. Stauffer, A. S. Kesselheim // Clinical infectious diseases: an official publication of the Infectious Diseases Society of America. — 2017. — No. 65(11). — P. 1848–1852. DOI: 10.1093/cid/cix634
10. **Dong Z.** Availability, prices and affordability of essential medicines in Zhejiang Province, China / Z. Dong, Q. Tao, B. Yan, G. Sun // PLoS ONE — 2020. — No. 15(11). — P. 0241761. DOI: 10.1371/journal.pone.0241761
11. **Медведева, Д. М.** Анализ доступности лекарственных препаратов для детей, нуждающихся в паллиативной медицинской помощи / Д. М. Медведева, И. А. Наркевич, О. Д. Немятых // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. — 2021. — Т. 14. — № 2. — С. 167–179. DOI: 10.17749/2070-4909/farmakoeconomika.2021.094; EDN: IBNOVA
12. **Ху, К.** Household catastrophic health expenditure: a multicountry analysis / К. Ху, D. B. Evans, K. Kawabata [и др.] // The lancet. — 2003. — No. 362(9378). — P. 111–117.
13. **Wirtz, V. J.** Essential medicines for universal health coverage / V. J. Wirtz, H. V. Hogerzeil, A. L. Gray [и др.] // The Lancet. — 2017. — No. 389(10067). — P. 403–476.

Сведения об авторе:

Тимаков Иван Всеволодович, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: ivanvseti@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7525-2793; РИНЦ AuthorID: 642630.

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.15

ECONOMIC AFFORDABILITY OF MEDICINES AND ITS IMPACT ON HOUSEHOLDS IN RUSSIA

Ivan V. Timakov

*Institute of Economics of the Karelian Research Center RAS
(50 Aleksandra Nevskogo prospekt, Petrozavodsk, Russia, 185030)*

E-mail: ivanvseti@gmail.com;

Funding:

The study was carried out within the framework of the state task of the Karelian Research Center RAS “Comprehensive study and elaboration of management principles for sustainable development of Russia’s northern and borderland belts in the context of global challenges”.

For citation:

Timakov I. V. Economic affordability of medicines and its impact on households in Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 177–189. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.15 (in Russ.)

Abstract. *The article studies the financial affordability of medicines for Russian families and its impact on the well-being of the population. Affordability of medicines depends on market conditions and government guarantees for free provision of medicines. Estimated drug consumption in the Russian Federation is based on microeconomic data from the nationwide Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) and pharmaceutical market data from DSM-Group. To assess the impact of pharmaceutical spending on poverty, disposable cash income per family member after deduction of medicines cost was calculated taking into account the poverty line. More than 2/3 of medicines in the Russian Federation are purchased by households on the commercial market. According to the study, every fifth household was at risk of poverty due to spending on medicines. The risk of poverty due to pharmaceutical costs is high in low-income families. Payments for medicines increase the number of families with out-of-pocket medical expenses by 5 times. Catastrophic spending on medicines in the Russian Federation reached its lowest level in 2021 according to the Universal Healthcare Coverage (UHC) criteria of the World Health Organization (WHO). There were no families that spent more than 100% of their income on medicines, and only 1.2% of families spent more than a quarter of their income. Every twentieth family refused to buy medicines at least once a year. In groups where the cost of medicines exceeded 10% of income, every tenth family refused to buy medicines. When the cost exceeded 25%, almost every fifth family refused to buy medicines. Thus, the rising prices and expenses for medicines are forcing Russian families to save on medicines and on their health. Recommendations for expanding the affordability of medicines for Russian families are given in the conclusion.*

Keywords: *medicine, healthcare, universal healthcare coverage (UHC), affordability, catastrophic health spending.*

References and Internet sources

1. Kessides I., Miniaci R., Scarpa C., Valbonesi P. *Toward Defining and Measuring the Affordability of Public Utility Services*. World Bank policy research working paper. 2009. P. 3. DOI: 10.1596/1813-9450-4915
2. Meshkovskiy A.P. O problemakh lekarstvennogo obespecheniya naseleniya [On the problems of public drug supply]. *Meditsinskiye tekhnologii otsenka i vybor [Medical Technologies. Assessment and Choice]*. 2015. No. 3. P. 21–33. (in Russ.)
3. Cameron A., Ewen M., Ross-Degnan D., Ball D., Laing, R. *Medicine prices, availability, and affordability in 36 developing and middle-income countries: a secondary analysis. The Lancet*. 2009. Vol. 373. No. 9659. P. 240–249.
4. Shashkova G.V. Mezhdunarodnyye nepatentovannyye naimenovaniya kak osnova formirovaniya ogranichitel'nykh perechney lekarstvennykh preparatov [International nonproprietary names as the basis for the formation of restrictive lists of medicines]. *Vedomosti NTsESMP. [Bulletin of the Scientific Centre for Expert Evaluation of Medicinal Products. Regulatory Research and Medicine Evaluation]*. 2012. No. 1. P. 38–41. (in Russ.)
5. Daikhes A.N., Fedyayev D.V. Obzor rossiyskikh i zarubezhnykh podkhodov k formirovaniyu gosudarstvennykh garantiy besplatnoy meditsinskoy pomoshchi [Provision of free medical care in Russia and elsewhere: review of regulatory and legal aspects]. *FARMAKOEKONOMIKA [FARMAKOEKONOMIKA. Modern Pharmacoconomics and Pharmacoepidemiology]*. 2017. Vol. 10. No. 3. P. 59–65. DOI: 10.17749/2070-4909.2017.10.3.059-065 (in Russ.)
6. Orlov K.O. Problemy realizatsii prav grazhdan v sfere lekarstvennogo obespecheniya [Problems of execution of rights to drugs supply]. *Sotsialno-politicheskije nauki. [Sociopolitical Sciences]*. 2018. No. 3. P. 124–126. (in Russ.)
7. Zarubina O.A., Sisigina N.N. Faktory i znachenije chastnykh raskhodov v zdravookhranenii [Factors and effects of private health spending]. *FARMAKOEKONOMIKA [FARMAKOEKONOMIKA. Modern Pharmacoconomics and Pharmacoepidemiology]*. 2016. No. 4. P. 24–30 (in Russ.)

8. Nikitina A. V., Gorkavenko F. V., Saybel, et al. Optimizatsiya lekarstvennogo obespecheniya patsiyentov so zlokachestvennymi novoobrazovaniyami na urovne sub'yekta Rossiyskoy Federatsii [Optimization of drug supply for patients with malignant neoplasms in a region of the Russian Federation]. *FARMAKOEKONOMIKA [FARMAKOEKONOMIKA. Modern Pharmacoconomics and Pharmacoepidemiology]*. 2019. Vol. 12. No. 4. P. 300–308. DOI: 10.17749/2070–4909. 2019.12.4.300–309 (in Russ.)
9. Alpern J. D., Zhang L., Stauffer W. M., Kesselheim A. S. Trends in pricing and generic competition within the oral antibiotic drug market in the United States. *Clinical Infectious Diseases*. An official publication of the Infectious Diseases Society of America 2017. Vol. 65. No. 11. P. 1848–1852. DOI: 10.1093/cid/cix634
10. Dong Z, Tao Q, Yan B, Sun G. Availability, prices and affordability of essential medicines in Zhejiang Province, China. *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15. No. 11. P. 0241761. DOI: 10.1371/journal.pone.0241761
11. Medvedeva D. M., Narkevich I. A., Nemyatykh O. D. Analiz dostupnosti lekarstvennykh preparatov dlya detey, nuzhdayushchikhsya v palliativnoy meditsinskoy pomoshchi [Analysis of the availability and affordability of pharmaceuticals for children in need of palliative care]. *FARMAKOEKONOMIKA [FARMAKOEKONOMIKA. Modern Pharmacoconomics and Pharmacoepidemiology]*. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 167–179. DOI: 10.17749/2070–4909/farmakoeconomika.2021.094 (in Russ.)
12. Xu K., Evans D. B., Kawabata K., Zeramdini R., Klavus J., Murray C. J. Household catastrophic health expenditure: a multicountry analysis. *The Lancet*. 2003. Vol. 362. No. 9378. P. 111–117.
13. Wirtz V. J., Hogerzeil H. V., Gray A. L., Bigdeli M., de Joncheere C. P., Ewen M. A., Reich M. R. Essential medicines for universal health coverage. *The Lancet*. 2017. Vol. 389. No. 10067. P. 403–476.

Information about the author:

Timakov Ivan Vsevolodovich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Center RAS, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: ivanvseti@gmail.com; ORCID: 0000–0002–7525–2793; Elibrary AuthorID: 642630.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023, утверждена 03.11.2023, опубликована 29.12.2023.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/population.2023.26.4.16
EDN: ZLJKTK

СЕМИНАР «ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ИНСТИТУТОВ ОЦЕНКИ КВАЛИФИКАЦИИ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА»

Одной из актуальных задач развития российского здравоохранения остаётся необходимость повышения уровня профессионализма среднего медицинского персонала. Существующая система оценки квалификации обозначенных медработников в настоящее время переживает значительные изменения. Очевидно, что институциональные новации требуют научного сопровождения. Важно осуществлять не только анализ их влияния на стимулы к профессиональному развитию, но и производить мониторинг востребованности и адекватности существующих направлений в организации эффективной системы институтов оценки квалификации среднего медперсонала. Данной проблематике был посвящён экспертный семинар, организованный ИСЭПН ФНИСЦ РАН совместно с НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента (НИИОЗМ) Департамента здравоохранения Москвы (ДЗМ), который состоялся 28 июня 2023 г. на платформе «Московская медицина».

Основная задача, которая ставилась перед участниками Экспертного семинара заключалась в анализе особенностей функционирования институтов оценки профессиональной квалификации медработников, а также выявлении положительных сторон и сбоев в их работе. В качестве экспертов были приглашены сотрудники медицинских организаций, знающие законодательную базу и реальную практику работы институтов оценки квалификации среднего медперсонала. Модератором семинара выступила д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН О.А. Александрова.

Открыл работу экспертного семинара к.мед.н., учёный секретарь НИИОЗМ ДЗМ А.В. Иванов. Приветствуя собравшихся, он отметил, что сегодня в области подготовки среднего медперсонала есть много достижений и положительных наработок, однако остаются и вопросы. Например, один из важнейших — вопрос формирования механизмов поддержания надлежащего уровня квалификации среднего медперсонала. Выстроена система, включающая в себя подготовку среднего медперсонала по программам как среднего профессионального образования, так и высшего (бакалавриат сестринского дела), существует система дополнительного профессионального образования, в том числе непрерывного медицинского образования (НМО). Система оценки квалификации включает в себя несколько этапов, начиная с итоговой аттестации по результатам освоения образовательных программ, оценке подготовленности медицинских работников при получении права доступа к медицинской деятельности, и заканчивая аттестацией медработников при получении категорий. В системе Департамента здравоохранения это получение статуса «Московской медицинской сестры или брата». НИИОЗМ ДЗМ проводит большую работу по разработке научно-методического обеспечения организационных аспектов повышения доступности и качества медицинской помощи в государственной системе здравоохранения. Аналитики НИИОЗМ ДЗМ ведут исследования, посвящённые изучению проблемных зон функционирования институтов оценки профессионализма медицинских специалистов среднего звена, а совместная работа с учёными ИСЭПН

ФНИСЦ РАН позволяет достичь значительных результатов в данном направлении.

В качестве отправной точки на семинаре был представлен доклад д.э.н., зав. лабораторией проблем распределительных отношений ИСЭПН ФНИСЦ РАН М.С. Токсанбаевой и к.э.н., в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН О.А. Коленниковой на тему «Проблемы системы институтов оценки квалификации среднего медицинского персонала». В настоящее время основными институтами оценки квалификации медицинских специалистов остаются аккредитация и аттестация на квалификационную категорию, которые регулируются федеральным законодательством. Появились региональные институты, например, аттестация на звание «Московский врач» и «Московская медицинская сестра (медицинский брат)». Однако они находятся на начальной стадии внедрения. Подготовка необходимых документов, экзаменационные процедуры для врачебного и среднего медперсонала, в целом, совпадают, однако темпы прохождения аккредитации врачей и медсестер различаются. Одной из причин стала пандемия коронавируса, во время которой показатели прохождения аккредитации замедлились. Аккредитация ограничилась первичной (по окончании образовательного учреждения), либо первично-специализированной. Опережающими темпами она была реализована у врачей. Периодическая же аккредитация была введена в действие в конце 2021 г., и необходимость её проведения распространилась на всех медицинских специалистов. Это обусловило стремительный рост аккредитованного персонала, что привело в 2022 г. к максимальному сближению этих двух показателей. Данному тренду способствовала, в том числе, введённая «карантинная отсрочка» по проведению периодической аккредитации и накопившееся количество медработников с «отсроченной» аккредитацией, которую необходимо было завершить в силу возникновения угрозы их недопуска к работе по специальности. Наблюдались различия темпов прохождения аккредитации в амбулаторных и стационарных учреждениях: в стацио-

нарных доля аккредитованного врачебного и сестринского персонала почти не различалась, в амбулаторных, напротив, эти различия были существенными (не в пользу медсестёр). Вероятно, это отчасти связано с опережающим притоком молодых врачей в поликлиники. Доля аккредитованного среднего медперсонала в амбулаториях была заметно ниже, чем в стационарах. Возможно, данная динамика связана с проблемой организации работы института аккредитации в поликлиниках, т.к., по данным экспертного опроса, в поликлиниках руководство оказывает своему персоналу меньшее содействие в подготовке к аккредитации, чем в стационарах, но это относится не ко всем поликлиникам.

Дополнительным и важным фактором, от которого зависит качество работы института аккредитации, является мотивация медицинских специалистов к развитию. Как подчёркивали участники экспертных опросов, вся система построена на заинтересованности специалистов в повышении профессионального уровня, желании соответствовать современным требованиям. Без такой мотивации система начинает страдать формализмом. Основная причина ослабления мотивации к развитию — значительная загруженность среднего медперсонала. По данным анкетного опроса, проведённого НИИОЗММ ДЗМ в 2019 г., большинство медсестёр испытывают сильную усталость на работе. Прежде всего, это связано с необходимостью выполнения функций недостающего персонала; часть медсестёр имеет дополнительную занятость из-за материальных проблем. Вследствие этого наблюдаются симптомы профессионального выгорания, которые, по признанию экспертов, встречаются у медицинских сестёр чаще, чем у врачей. В этих условиях мотивация к участию в НМО ослабляется, и аккредитация воспринимается как обременительная дополнительная нагрузка. Однако как таковой институт аккредитации оценивается экспертами положительно.

Второй институт оценки — аттестация на квалификационную категорию — был разработан ещё в СССР. Это была уникальная

социальная инновация, направленная на стимулирование профессионального развития медицинских специалистов на добровольной основе. Однако в последнее время проявляются признаки дисфункции данного института — среди врачей и медсестёр желающих иметь категорию становится всё меньше. По данным Росстата, на начало 2022 г. в системе государственного здравоохранения имели высшую и 1 категорию 574,5 тыс. специалистов среднего медперсонала (46% их общего состава), а число аттестованных было почти на четверть больше, нежели аттестованных врачей. В числе причин более активного участия в аттестации сестринского персонала были названы недостаточный уровень оплаты труда у медсестёр и большая заинтересованность в доплатах за категорию, а также более скромные возможности подработок. Однако количество категорированных медработников снижается как среди медсестёр, так и среди врачей.

Описанные процессы говорят о преобладании иных причин, вынуждающих медиков разного квалификационного уровня уклоняться от аттестации. Поиск причин требует специальных подходов, один из них — анализ проблемы в региональном разрезе. Москва уступает российским показателям по числу аттестованных специалистов. На начало 2022 г. в Москве имели высшую и 1 категорию на 35% меньше специалистов среднего медперсонала, чем в среднем по стране, а процесс сокращения их числа происходил значительно быстрее. По данным ведомственной статистики, в 2015 г. количество аттестованных врачей и медсестёр в Москве было примерно одинаковым. Сокращение аттестованного среднего медперсонала продолжалось вплоть до 2021 года. В итоге возник разрыв между долей аттестованных врачей и медсестёр почти в 12 процентных пунктов. В 2022 г. процесс сокращения числа участвующих в аттестации остановился и наблюдался его незначительный рост. Это связано, с одной стороны, с введением на период пандемии коронавируса моратория на переаттестации (был продлён срок действия получен-

ной категории), а с другой — с расширением практики организационного совмещения процедур аккредитации и аттестации на категорию, что позволило оптимизировать затраты времени и сил на подготовку и прохождение.

В столичных учреждениях амбулаторного типа доля категорированного среднего медперсонала на 34% больше, чем в стационарах — на 29%. Более глубокие различия в количестве аттестованных медсестёр — между учреждениями разного типа: в стационарах их в 2 раза больше, чем в амбулаториях. Такой разрыв представляется чрезмерным даже с учётом большей сложности медицинской помощи, оказываемой в стационарах. Перестройка здравоохранения с акцентом на более эффективную работу первичного звена подразумевает обеспечение его медицинскими специалистами высокой квалификации, оценка которой и является главной функцией института аттестации на категорию. Однако его функционирование именно в таких учреждениях по большей части не реализовано.

Опыт организации внутренней системы оценки квалификации персонала поделилась к.мед.н. О.В. Логвинова, зам. главврача по работе с сестринским персоналом Станции скорой и неотложной медицинской помощи имени А.С. Пучкова. Станция имеет специфику — здесь работают врачебные и фельдшерские бригады общего профиля, а также бригады специализированные: анестезиологии и реанимации, педиатрические, психиатрические. Это определяет кадровый состав Станции, куда входит широкий спектр врачебных специальностей — от врачей скорой помощи до реаниматологов, психиатров, педиатров, неврологов, акушеров-гинекологов, и предопределяет особенности организации и проведения аккредитации и обучения специалистов. Действующая система аккредитации проводится регулярно в соответствии с требованиями, но для экстренной службы этого недостаточно — здесь медработник должен очень быстро действовать правильно и чётко выполнить всё, что необходимо. Именно поэтому система внутренней оценки была

изменена — в неё включили оценку уровня компетенций с точки зрения выполнения реанимационных (жизнеспасающих) мероприятий. Данная новация нашла отражение в Положении об оценке профессиональной квалификации в коллективном договоре, а также в локальных актах, регламентирующих порядок проведения внутренней оценки профессиональной квалификации медработников. Значительную роль во внутренней аттестации играют профессиональные стандарты, в которых чётко прописаны знания, умения, навыки проведения манипуляций, которыми должен обладать специалист.

Сам процесс обучения организован в электронно-цифровом пространстве — на образовательном портале, где есть необходимые материалы, информация, а также формируется банк образовательной активности работников. На портале есть возможность перманентного образования, реализована внутренняя система обучения, планирования курсов повышения квалификации, учёта образовательной активности всех сотрудников, подсистема сопровождения аккредитации. Есть также стандартные операционные процедуры, видеоматериалы и чек-листы, по которым можно осуществлять подготовку. При необходимости работник имеет возможность получить всю нужную информацию и помощь для прохождения аккредитации: от начала сбора документов до их подачи через личный кабинет.

Система аккредитации включает два этапа. На первом работник проходит оценку знаний, умений для работы в экстренных ситуациях. На втором этапе аттестационная комиссия оценивает полученные результаты. При приёме на работу также проверяются профессиональные компетенции потенциального сотрудника, степень его соответствия требованиям к должности и особенностям работы на станции. При выявлении фактов, говорящих о низком уровне квалификации, проводится внеплановая аттестация. Аттестация проводится также в случае перевода на должность, требующую более высокую квалификацию.

Особое место в системе аттестации и адаптации молодых специалистов занимает наставничество. Наставник помогает освоить специфические компетенции, его наличие важно в период адаптации молодого специалиста, даёт возможность профессионального роста. Существующая система аккредитации повышает эффективность системы наставничества — в процессе оценки выявляются высокопрофессиональные, мотивированные работники, которые могут транслировать свой опыт и знания и принимать участие в обучении сотрудников.

Подходы к оценке квалификации среднего медперсонала на примере опыта Луховицкой центральной районной больницы раскрыла её главный врач, заслуженный работник здравоохранения Московской области Г.В. Пончакова. В системе аккредитации, реализуемой в Луховицкой ЦРБ, наблюдаются как плюсы, так и минусы сертификации и аккредитации. Специфика многопрофильной больницы предъявляет особые требования к уровню квалификации медперсонала. Достоинством существующей системы аккредитации можно считать её адаптивность и применимость. Аккредитацию можно пройти практически на любом рабочем месте, используя технологии интерактивного и непрерывного обучения — это удобнее в сравнении с сертификацией. Однако есть и проблемы: кадровый голод (особенно в регионах) и связанный с ним большой процент совмещения затрудняет возможность её прохождения. Не всегда в системе онлайн-обучения можно получить всё, что действительно необходимо для повышения квалификации — система явно требует доработки. Ещё одна проблема связана со спецификой организации медицинской помощи в Московской области, где, например, скорая помощь отделена от лечебных учреждений. В перинатальных центрах есть симуляционные классы с возможностью отработки определённых навыков. В многопрофильных больницах их нет, притом, что это необходимо при подготовке к аккредитации даже для опытных сотрудников, тем более при отработке реанимационных действий, жизнеспасающих навыков.

Зам. директора Медицинского института РУДН по учебной работе по направлению подготовки «Сестринское дело» Н.Г. Косцова остановилась на важности коммуникативных навыков в работе сестринского персонала. В последние годы проводятся различные реформы в сестринском деле, и пришло понимание, что на качество медицинских услуг существенное влияние оказывает эффективность коммуникаций. Исследования же показывают, что практически в 50% случаев медсестры испытывают трудности в сфере профессиональной коммуникации. К этому следует добавить и дефицит коммуникативных умений. Изучение особенностей коммуникаций медперсонала позволило выявить два основных момента: 1) большая часть (56%) общения персонала связана с родственниками пациента; 2) у медсестёр первичного звена дефицит коммуникативных отношений внутри коллектива составляет до 44%. Анализ рабочих ситуаций позволил выявить факторы, неблагоприятно влияющие на психологическое состояние медсестёр. Было определено 3 основных кластера потребностей, связанных с дефицитом: 1) физических и психических ресурсов, 2) коммуникативных умений, 3) рабочего времени. Проведённая кластеризация показала, что 67% медсестёр психологически истощены в связи с дефицитом психических и физических ресурсов, 50% имеют трудности в области профессионального общения. Можно констатировать, что в 72% случаев стресс у медсестёр обусловлен двумя факторами: дефицитом психофизических ресурсов, а также коммуникативных навыков. В частности, был выявлен недостаток умения осуществлять переписку и общаться с помощью различных видов связи, презентовать свои идеи.

Активное участие в дискуссии в рамках Экспертного семинара приняла к.мед.н., доцент, начальник отдела координации организационно-методической работы в здравоохранении НИИОЗММ ДЗМ А.В. Гажева. Она констатировала, что, с одной стороны, есть вопрос определения квалификации, которым руководствуются при разработке профессиональных стандартов,

с другой — границы квалификации, которые у нас в стране чётко не определены. Очевидно, что появляется необходимость освоения новых компетенций, в частности, коммуникативных навыков. Повсеместное использование информационных технологий — это тоже новые, необходимые компетенции, которые должны входить в оценку квалификации. При этом следует чётко понимать, что означает само понятие «квалифицированный специалист со средним медицинским образованием», каков перечень компетенций, определяющих квалификацию у современного специалиста. После того как данные границы будут определены, можно переходить к формированию институтов оценки квалификации.

Существует конкретное понимание, что такое оценка квалификации. Например, в рамках «Национальной медицинской палаты» существует Совет по профессиональным квалификациям в здравоохранении, основной задачей которого является оценка квалификации медицинских работников в РФ. Он уполномочен создавать на региональном уровне Центры оценки квалификации — в Москве это Кадровый центр ДЗМ. Однако если углубиться в задачи кадрового центра, то в отношении оценки квалификации среднего медперсонала — вопрос открыт, а процесс находится на стадии организации системы.

Сегодня речь идёт об оценке квалификации человека, работающего в здравоохранении. При оценке квалификации физического лица параллельно оценивается и качество образовательных программ, по которым работник обучался, проходил повышение квалификации. Оценка образовательных программ должна быть организована на самом высоком уровне, так как от ее качества зависит уровень квалификации того, кто данную программу освоил. Одной из составляющих системы оценки образовательных программ, которые проводятся в сфере здравоохранения Министерством образования и Рособнадзором, является «Общественная оценка образовательных программ», осуществляемая профессиональными сообществами. В настоя-

щее время есть необходимость к возврату советского опыта подготовки медицинских кадров, когда существовали типовые образовательные программы по каждой специальности. Министерство здравоохранения должно утверждать такие программы, закладывая в них необходимый объём компетенций, которым должны обладать врачи как города Москвы, так и других субъектов РФ. ВУЗы вправе типовую образовательную программу расширять, углублять, акцентируя внимание на тех компетенциях, которые необходимы, например, для врача-терапевта в данном регионе.

Ещё одним сложным вопросом при организации работы институтов оценки квалификации является выбор индивида/организации, проводящих эту оценку. Должна быть выстроена регламентированная внешняя система оценки квалификации как в образовательных организациях, так и профессиональной деятельности, которая будет осуществляться внешними организациями. В здравоохранении оценка квалификации в виде прохождения периодической аккредитации проводится внешними силами, но первичная специализированная аккредитация проходит на базе образовательных организаций с привлечением преподавателей. Нововведение этого года состоит в том, что они не должны входить в комиссию по проведению первичной аккредитации выпускников. Именно введение этого правила как обязательного позволит говорить о независимости оценки квалификации выпускников.

Подводя итоги Экспертного семинара, О.А. Александрова поддержала идею введения типовых образовательных программ для обеспечения единообразия получаемых компетенций, подчеркнув, что сегодня это актуально для разных сфер деятельности и отраслей знаний. Актуален и вопрос о том, кто должен проводить оценку квалификации. 85-ти экспертов Национальной медицинской палаты явно недостаточно в рамках всей страны — нельзя эксплуатировать энтузиазм внешних экспертов, тем более с учётом той нагрузки, которая есть сегодня у всех. Необходимо проработать вопрос

и об оценке квалификации работников без медицинского образования — с учётом того, что этот контингент всё шире привлекается для работы в медицинских учреждениях, например, в Москве. Развитие внутренних систем аттестации и оценки квалификации сотрудников — это действенная мера, тем более с учётом определённой инерционности работы организационных структур на федеральном уровне. В этом плане важен обмен опытом по созданию внутренних систем аккредитации и оценки квалификации. Прозвучавшая в рамках данного экспертного семинара информация, изложенная в виде публикаций и конкретных предложений в адрес Департамента здравоохранения Москвы, будет способствовать расширению представлений о сильных и слабых сторонах существующих институтов оценки квалификации среднего медицинского персонала, в том числе, в части их способности выступать в роли стимулов к повышению заинтересованности медицинских специалистов в совершенствовании своего профессионализма.

Материал подготовили:

Александрова О. А.,

д. э. н., зам. директора по научной работе
Института социально-экономических
проблем народонаселения имени
Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, н. с.
НИИОЗММ ДЗМ, профессор Финансового
университета при Правительстве РФ;

Крошилин С. В.,

к. тех. н., доцент, в. н. с. Института социально-
экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН,
н. с. НИИОЗММ ДЗМ, доцент кафедры
математики, физики и медицинской
информатики РязГМУ Минздрава России;

Махрова О. Н.,

к. э. н., учёный секретарь Института
социально-экономических проблем
народонаселения имени Н. М. Римашевской
ФНИСЦ РАН, н. с. НИИОЗММ ДЗМ.

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л. ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: КОМПОНЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ	4
Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д., Ванькина И. Н. ВЛИЯНИЕ МУНИЦИПАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ НА ДИНАМИКУ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	16
Гневашева В. А., Ильдарханова Ч. И. СЧИТАЮТ ЛИ СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ СЕБЯ ОДИНОКИМИ?	29
Туктамышева Л. М., Чибилёв А. А. (мл.), Мелешкин Д. С., Григорьевский Д. В. ОЦЕНКА РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И РОЖДАЕМОСТИ НА ПРИМЕРЕ СТЕПНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ	39
Филимонова И. В., Ивершинь А. В., Комарова А. В., Кривошеева О. И. КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕШЕНИЕ О РОЖДЕНИИ РЕБЁНКА И КОЛИЧЕСТВЕ ДЕТЕЙ У ЖЕНЩИН В РОССИИ	55
Бледнова Н. Д. РОДИТЕЛЬСКИЙ ОТПУСК В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	70

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Лукьянец А. С., Тышкевич А. И. ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ В США И КАНАДУ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ СООБЩЕСТВ	83
Письменная Е. А., Рязанцев Н. С., Молчанова Н. П. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ЯПОНИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	97

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Попов А. В., Соловьёва Т. С. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ В РАКУРСЕ МЕЖСТРАНОВЫХ СРАВНЕНИЙ	110
Шабунова А. А., Леонидова Г. В. БАЛАНС РАБОТЫ И СЕМЬИ: ОЦЕНКИ УСПЕШНЫХ РАБОТАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ	123
Гимбатов Ш. М., Кутаев Ш. К., Хаджалова Х. М., Абдулаева З. З., Абдулманапов П. Г. СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	135
Шнейдерман И. М., Пилипенко И. В. МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	147

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ

Руднева О. С., Соколов А. А. ГОТОВНОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ К ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ОСНОВЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	160
Логинов В. Г. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19 В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ	172
Александрова О. А., Проскурина А. С., Марков Д. И. ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С «ЧЁРНЫМ ЛЕБЕДЕМ»: КАК ПАНДЕМИЯ ВЛИЯЛА НА НАСТРОЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ	187

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»	201

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О.Л.
ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ИТОГИ ЗА 1992–2022 ГГ. И КОМПОНЕНТЫ..... 4

Сивоплясова С.Ю.
ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА БРАЧНОСТЬ И РАЗВОДИМОСТЬ В РОССИИ..... 18

Жулего В.Г., Балякин А.А., Сорокин М.В.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ КОНВЕРГЕНЦИИ И ДЕПОПУЛЯЦИИ В СИСТЕМЕ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ 20

ЗАНЯТОСТЬ, КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Корчагина И.И., Прокофьева Л.М.
НЕЗАНЯТОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ: ОДНА ИЗ ПРИЧИН БЕДНОСТИ В СЕМЬЯХ С ДЕТЬМИ 40

Волков А.Д., Тишков С.В., Аверьянов А.О.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ 52

Фролова Е.В., Рогач О.В., Разов П.В.
ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ
ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ..... 66

Куликова А.В., Михайлова В.В., Клемянич Ю.Ю., Теодорович М.Л.
ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В МОНОГОРОДЕ
НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПАВЛОВО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ 78

ИНТЕРНЕТ И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Галкин К.А., Парфенова О.А.
СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА СТАРШИМ ПОКОЛЕНИЕМ 91

Скворцова Е.Е.
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ 102

Троян И.А., Кравченко Л.А., Гиндес Е.Г.
ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА 114

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ярашева А.В., Макар С.В., Аликперова Н.В.
СОВРЕМЕННЫЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ПРАКТИКИ РОССИЯН 127

Давитадзе А.П., Александрова Е.А.
ОБРАЩЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ВЫБОР
ПАЦИЕНТОВ 139

Назарова И.Б., Нестеров Р.С.
КЛИЕНТЫ ВИЧ-СЕРВИСНОЙ НКО: СТРУКТУРА,
ТИПОЛОГИЯ, ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ 153

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Аликперова Н.В.
ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЭФФЕКТ ЗД 165

Резник С.Д., Черниковская М.В., Сазыкина О.А.
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ
УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ 176

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

СЕМИНАР «ЭКОНОМИКА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА: ОБРАЗОВАНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, КУЛЬТУРА»
НА VIII САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ..... 189

СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
В ПРЕДДВЕРИИ СУПЕР-КРИЗИСА: КАК ВЫБРАТЬСЯ ИЗ КОЛЕИ?»
НА XII МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ..... 195

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский Л. Л. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	4
Соколова А. А., Калачикова О. Н. МАЯТНИКОВАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: МАСШТАБЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	16
Соколов А. А., Руднева О. С. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОМ ТРАНСГРАНИЧЬЕ	30
Соян Ш. Ч. СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА	43
Бабаев К. В. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КНР И ЕЁ ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ КИТАЯ	55
Ван Ш., Цзя С., Мищук С. Н. ИЗМЕНЕНИЯ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ ЗА 2010–2021 ГОДЫ	66

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Гришина Е. Е., Цацура Е. А. АДРЕСНЫЕ ВЫПЛАТЫ НА ДЕТЕЙ 3–7 И 8–17 ЛЕТ: ДОСТУПНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И УРОКИ ДЛЯ ЕДИНОГО ПОСОБИЯ	77
Логинов Д. М. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ В УСЛОВИЯХ КОРОНАКРИЗИСА: КТО ПРИНЯЛ ОСНОВНОЙ УДАР?	93
Рюмина Е. В. АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ	107
Мельникова Т. Б., Портнова Л. В., Обидовская Н. Н., Приходько К. С. МНЕНИЕ ГОРОЖАН РОССИИ О ВОВЛЕЧЁННОСТИ В ИХ ЖИЗНЬ ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	116

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ФИНАНСОВЫХ СИСТЕМ

Антонов А. И., Назарова И. Б., Карпова В. М., Ляликowa С. В. ПОРОГ НАСТУПЛЕНИЯ СТАРОСТИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ И СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ	131
Хакумура Н. ОТНОШЕНИЯ В ЯПОНСКИХ СЕМЕЙНЫХ ПАРАХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ «ОСОБЕННЫХ» ДЕТЕЙ, И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ РИСКИ	144
Коленникова О. А. ПРИЧИНЫ ДИСФУНКЦИИ ИНСТИТУТА АТТЕСТАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ	158
Ярашева А. В., Аликперова Н. В., Марков Д. И. ОСОБЕННОСТИ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ	170

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ – РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ «СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»	183
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕДИЦИНСКИЕ КАДРЫ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ»	189
V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»	196

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Локосов В. В.
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
И МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ 4

Ванькина И. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д.
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ДАННЫМИ ТЕКУЩЕГО УЧЁТА НАСЕЛЕНИЯ
И РЕЗУЛЬТАТАМИ ПЕРЕПИСИ-2020 15

Кондратьева В. И., Тарасова-Сивцева О. М.
МЕТОДОЛОГИЯ РАСЧЁТА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ
РЕСУРСНОГО ТИПА 26

Русанова Н. Е., Ван Е.
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОВОГО КИТАЙСКОГО ПРОНАТАЛИЗМА 39

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ФАКТОРЫ МИГРАЦИЙ

Красинец Е. С., Шевцова Т. В.
ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И РЫНОК ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 52

Корсаков К. В.
ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ 63

Чернышев К. А., Митягина Е. В., Петров Е. Ю.
ВЫЯВЛЕНИЕ ЗОН ТЯГОТЕНИЯ ЦЕНТРОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПО ЦИФРОВЫМ СЛЕДАМ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ 75

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Крошилин С. В., Медведева Е. И., Ярашева А. В.
ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ:
ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД 87

Доброхлеб В. Г., Ефанова О. А.
СЕМЕЙНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
РЕГИОНОВ РОССИИ 99

Токсанбаева М. С., Попова Р. И.
ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ 110

Дохолян С. В.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ 123

ПРОБЛЕМЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Сафонов А. Л., Долженкова Ю. В.
ДИНАМИКА ДОХОДОВ ПЕНСИОНЕРОВ:
АНАЛИЗ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 133

Гамукин В. В.
ДЕТЕРМИНАНТЫ ФИНАНСОВОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 148

Пугачев А. А., Чистякова А. А.
НЕРАВЕНСТВО БОГАТСТВА И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ:
ВОЗМОЖНОСТИ НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 163

Тимаков И. В.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА
ДОМОХОЗЯЙСТВА РОССИИ 177

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

СЕМИНАР «ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ИНСТИТУТОВ ОЦЕНКИ
КВАЛИФИКАЦИИ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА» 190

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ» ЗА 2023 ГОД 196

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объём материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилию автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИИЦ AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российской ГОСТе («//» и «-»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Stepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangel'sk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косоного креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90° , 20°C , 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например, 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785